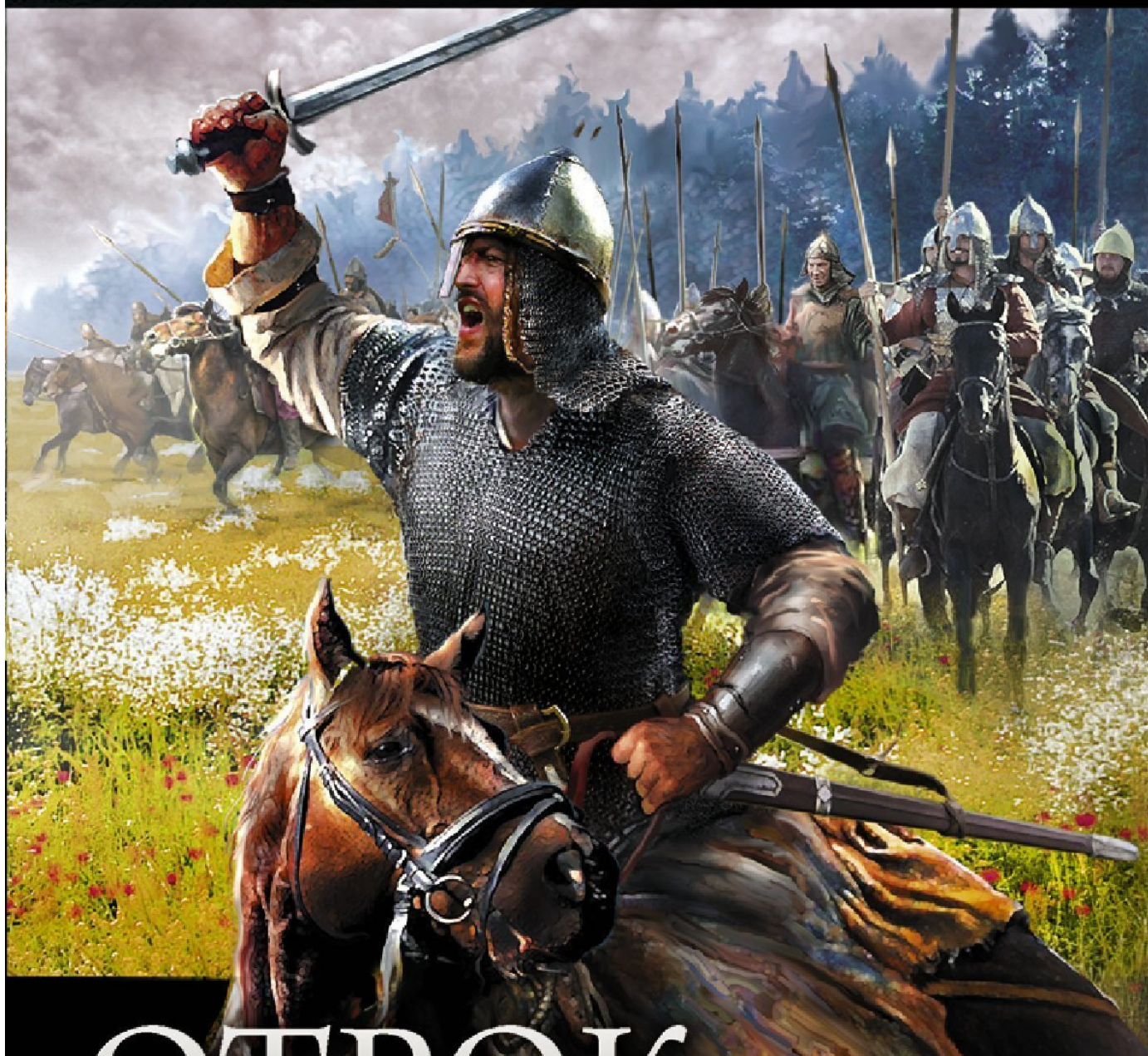

ЕВГЕНИЙ КРАСНИЦКИЙ

ОТРОК

ПЕРЕЛОМ

ПЕРЕЛОМ

ЖЕНСКОЕ ОРУЖИЕ

БАБЫ СТРОЕМ НЕ ВОЮЮТ

БФ-коллекция

Евгений Красницкий

**Отрок. Перелом: Перелом.
Женское оружие.
Бабы строим не воюют**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Красницкий Е. С.

Отрок. Перелом: Перелом. Женское оружие. Бабы строим не воюют / Е. С. Красницкий — «Издательство АСТ», 2020 — (БФ-коллекция)

ISBN 978-5-17-134257-9

Как относиться к меняющейся на глазах реальности? Даже если эти изменения не чья-то воля (злая или добрая – неважно!), а закономерное течение истории? Людям, попавшим под колесницу этой самой истории, от этого не легче. Происходит крушение привычного, устоявшегося уклада, и никому вокруг еще не известно, что смена общественного строя неизбежна. Им просто приходится уворачиваться от «обломков». Трудно и бесполезно винить в этом саму историю или богов, тем более, что всегда находится кто-то ближе – тот, кто имеет власть. Потому что власть – это, прежде всего, ответственность. Но кроме того – всегда соблазн. И претендентов на нее мало не бывает. А время перемен, когда все шатко и неопределенно, становится и временем обострения борьбы за эту самую власть, когда неизбежно вспыхивают бунты и происходят революции. Отсидеться в «хате с краю» не получится, тем более это не получится у людей с оружием – у воинов, которые могут как погубить всех вокруг, так и спасти. Главное – не ошибиться с выбором стороны.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-134257-9

© Красницкий Е. С., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Перелом	7
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	27
Часть вторая	40
Глава 1	40
Глава 2	51
Глава 3	60
Глава 4	69
Глава 5	78
Глава 6	88
Глава 7	98
Часть третья	109
Глава 1	109
Глава 2	120
Глава 3	135
Глава 4	147
Глава 5	155
Глава 6	165
Конец ознакомительного фрагмента.	169

**Евгений Сергеевич Красницкий,
Юрий Гамаюн, Елена Анатольевна
Кузнецова, Ирина Град
Отрок. Перелом: Перелом. Женское
оружие. Бабы строим не воюют**

© Евгений Красницкий, Юрий Гамаюн, Елена Кузнецова, Ирина Град, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Перелом

Авторы сердечно благодарят за помощь и советы своих ридеров и консультантов: Дениса Варюшенкова, Юлию Высоцкую, Сергея Гильдермана, Лидию Иванову, Константина Литвиненко, Наталью Немцеву, Геннадия Николайца, Александра Панькова, Юрия Парфентьева, Павла Петрова, а также пользователей сайта <http://www.krasnickij.ru>: Дачник, Имир, иорданец, Лучик, Марья, Ульфхеднар, Andre, aspesivcev, deha29ru, itronixoid и многих, многих других.

Часть первая

Село Ратное и его окрестности. До 1120 года

Все будет хорошо, поверь,
А главное – все БУДЕТ!
Прошли дорогою потерь,
И кто теперь осудит?
Что пережито – все в зачет,
Держались, как умели,
Еще посмотрим, чья возьмет,
Когда мы снова в деле.
И не списать нас со счетов,
Прорвемся! Было хуже.
На сломе судеб и веков
Не сложено оружие!

И. Град

Глава 1

Ратник Макар

Темно... Так темно бывает только в последний месяц лета, когда все, от медведя до самой мелкой былинки понимают, что холода не за горами, и стараются запастись толстым слоем сала под шкурой, выбросить семена или просто насладиться мягким, добрым теплом, которое посылают лесные боги. И лес старается всякого пришедшего или здесь живущего одарить едой на зиму, одеждой и теплым домом. Именно в такие ночи убегают влюбленные на стога и тешатся запретным до рассвета. Никто им в этом не указ, ведь только и осталось дожидаться, покуда березы золотом поседеют. А там и столы свадебные не заждутся.

Темные это ночи, но нет предгрозовой духоты, нет и ветра. Раз от разу небо пугнет несколькими крупными каплями – и вновь тихо, ни звезд, ни луны, только слабый отсвет от углей походного костра. Не отсвет даже, а робкий красноватый намек – и правильно: полночь скоро; часовые, что с вечера в карауле, углей нажгли, а теперь сидят спинами к кострищу – и тепло, и глаза видят лучше. Новая смена заступит – тоже сперва ненадолго костер разожгут, да подальше от огня отойдут, а потом так же возле углей усядутся. Все, как всегда.

Тепло и уютно воину в походной телеге. С вечера щей горячих да каши вволю наварнул, квасом либо сбитнем залил и, потрепавшись чуток да поржав у костра вместе с товарищами над неизменными прибаутками, спать завалился.

Любил Макар такие ночи. Проснуться за полночь и, чуть поворочавшись, почувствовать мягкость и духовитость сена под собой, услышать спокойное фырканье коней и тихий говорок часового, рассказывающего молодому напарнику очередную байку про страшных упырей или половцев, мало деля их между собой. И опять, немного повозившись, неспешно уснуть, почти сознательно смакуя удовольствие.

Сегодняшняя ночь выдалась именно такой – тихой, теплой и спокойной. Послышалось, что Рунок, его конь, как будто стукнул чем-то и недовольно фыркнул. Макар усмехнулся в темноту. Как он был счастлив, когда вместе с поясом новика отец вручил ему и повод норовистого коня-двухлетки. Рыжего, как солнце, и такого же горячего.

Надо посмотреть, чем он там недоволен, а то, бывает, попона спадет, а слепням того и надо; или просто внимания просит – вроде боец, а словно дитя, без ласкового слова на ночь не успокоится.

Откинул тулупчик в сторону, поднялся. Ух, в ногу-то как стрельнуло, никак, отлежал? Точно – отлежал, не слушается совсем. Сейчас...

Но боль все не проходила, да и не занемела нога, а словно огнем ее обдало. И вокруг что-то не то – воздух не вольный. Макар резко повернул голову, и все рухнуло.

Вот только что он был счастлив, только что он, Макар, второй после Пантелея ратник в десятке, проснулся на походной телеге в поле. Только что Рунок звал его к себе... Только что! И – ничего нет. Совсем. И не будет. Никогда. Едва тлеющий огонек лампадки в углу сжег все его счастье.

Хуже всего глаза Верки – жены, которая сжалась в комочек и боялась даже носом хлопнуть. Видно, опять с вечера над ним ревела, словно хоронила. Хотя лучше бы и впрямь хоронила!

А где-то совсем рядом у изголовья, в не до конца растаявшем мороке внезапно оборвавшегося сна стояла, не желая уходить, ночная тишина походного бивака. Не мог Макар, никак не мог заставить себя вернуться из него в избу! Еще бы часок, еще бы немного счастья. Ведь было оно, было! Почитай, всю жизнь с ним в обнимку проходил, и не замечал.

Рвался вперед, торопил жизнь, все казалось – не то, не то, но скоро придет оно – настоящее. Что-то брезжило впереди, манило: протяни руку – и вот оно, заветное.

Для чего жил, для чего вообще жить стоило? Каждый поход – в радость. Каждый раз, садясь на коня, ждал счастья. Какого? Кто скажет, если он и сам не знал.

Нет, понимал, конечно, что и старость придет, и настанет время, когда меч покажется тяжелым, а щит неподъемным, только это там, вдали. После. Сначала – то самое, настоящее! Дотянуться бы до него, а потом и стариться можно, не страшно.

А теперь остались одни сны. Только в них он еще ратник, только там равный среди равных. Свой.

* * *

Откуда взялась эта полусотня половцев, никто не заметил. То ли подошли с подкреплением к своим, да опоздали, то ли оказались самыми хитрыми – в сторонке выжидали и надеялись присоединиться к общему дележу в случае удачи, а попав в западню, решили прорываться – неважно. Главное, что на их пути почти безоружные новики и обозники грузили на телеги взятую с боя добычу. Мягкая весенняя земля и молодая трава глушили удары копыт, так что занятые делом люди не сразу заметили несущихся на них вооруженных всадников.

Две сотни шагов – ничто для взявшей разгон конницы, для безоружных обозников же – верная смерть. Остановить ее можно лишь встречным ударом, вот только останавливать почти некому. Лишь неполный десяток Пантелея, прикрывавший обоз, мог хоть как-то помешать неминуемой резне.

– Десяток! Копья товь! Ур-р-ра!

Пантелей не упустил момент, и клин из семи ратников успел-таки разогнаться перед ударом.

Семеро против полусотни... Отчаянная атака без надежды на победу. Без надежды выжить. Но только они могли сейчас встать между смертью и толпой безоружных людей, задер-

жать удар, дать время обозникам перевернуть телеги, соорудив хоть какую-то преграду коннице, и дожидаться подмоги.

Небольшой овражек с одной стороны и топкий по весне берег неведомой речушки с другой не давали возможности половцам развернуться в лаву. Кочевники не ждали встречного удара, готовясь рубить почти безоружных обозников, но много ли стоит меч в споре с копьем в скоротечной конной сшибке?

Половцы неслись вытянувшейся толпой, которую возглавляли полтора десятка всадников, удерживающих подобие плотного строя, кое-как прикрытых бронями и на конях порезвее. Вот в эту голову, в скулу и ударил десяток Пантелея, снеся копейным ударом лучших бойцов степняков.

– Руби! Руби-и-и!

Бросив копье, застрявшее в пробитом насквозь теле половца, Макар выхватил меч. И сразу рубанул налетевшего на него всадника, не успевшего развернуть коня. Слева, под шлем. Откуда-то сзади прилетели стрелы: видать, новики взялись за луки. Тоже верно, лезть в рубку без брони – сгинуть без пользы. С луками от них больше толку.

Еще два срубленных половца легли под копыта лошади Макара, когда что-то ударило его по ноге, сразу лишив устойчивости в седле.

«Эк оно, отсушило... – боль пока не чувствовалась, и Макар еще не понимал, что произошло. – Теперь тяжело придется».

Опершись на здоровую ногу, он успел вспороть брюхо еще одному наседавшему степняку, и только тогда, словно дав отсрочку ратнику, чтобы тот смог расплатиться за полученную рану, ударила боль. Вслед за ней накрыла непривычная, отупляющая слабость, и Макар почти не заметил удар булавы, выбивший его из седла.

* * *

– Веру-унь... Веруня... Водички... Горит все...

* * *

Обоз растянулся на полверсты. Лошадей не гнали, стараясь не растряссти раненых, которых набралось больше двух десятков. Большая часть, правда, отделалась ушибами и неглубокими порезами, потому и телег для тех, кому досталось серьезно, выделили сколь нужно, чтобы везти с бережением. Кто ранен не сильно, и сидя доедет, а вот тех, кого хорошо приложило, поудобнее надо устраивать. Но самый тяжкий груз – убитые в бою. Под рогожами одиннадцать тел – тех, кто отдал жизни за друзей своих, за род и все Ратное. И не важно, что вдали от родных мест погибли. Кроме десятка Пантелея, еще троих ратников потеряли в бою, да новик с двумя половцами сцепился в кустах – никто и не видел. Обоих положил и сам клинок в живот получил. Да еще обозник под половецкую саблю попал.

До дому их, конечно, не довезти, но и в одном поле с погаными хоронить своих тоже не годилось. По дороге у границ встретится заброшенное Перуново капище, до него еще почти два дня ходу – вот там и положат ратники своих товарищей по древнему воинскому обычаю на костер. Что бы ни твердил отец Михаил, а никому не хотелось лежать в чужой земле, вдали от родного дома, потому павших в походах ратников и погребали так, как исстари заведено, а не в землю закапывали. Глядишь, хоть дымком до своих лесов душа дотянется, хоть пепел, в реку пущенный, до родного берега ее донесет.

Не всех степняков положил десяток Пантелея, сколько-то по их телам все-таки прошло, но свое дело воины сделали: задержали врагов, пока не подспела помощь, и половцам стало

не до обоза – ноги бы унести, так что свои жизни ратники отдали не зря. Правда, почитай, весь десяток рядом с Пантелеем poleg, кроме Макара, которого вез и обихаживал обозник Илья.

Да и Макар выживет ли? Илья, хоть и запрещал себе в таких случаях даже мысленно раньше смерти своих подопечных хоронить, каким бы безнадежным ни казалось их состояние, опасность понимал прекрасно. То, что боевой топор половца разрубил наколенник и вместе с ним колено, это еще ладно, хотя боль при этом такая – и словами описать невозможно, но все же рана выглядела чистой, и горячки, какая от ранений бывает, пока нет. Придет еще, куда ж без нее, не заноза, чай, в заднице застряла. Но чем дольше та горячка не начинается, тем легче и быстрее срстется.

А вот то, что он без памяти уже третьи сутки – плохо. Новики, кои жизнью Макару и его товарищам обязаны, говорили, что с тем половцем, что ногу ему разрубил, Макар поквитался, да второй подоспел и булавой его достал. Бронь на себя удар приняла, ну и сам по себе он, видно, вышел смазанным – руку что-то половцу сбило или сам не рассчитал, потому и жив еще ратник, но ведь булава-то и через железо кости дробит. Что там она у парня в груди натворила, кто знает?

Бурей, обозный старшина, смотрел – только головой качал, да сказал, что к лекарке надо скорее. Хоть и натаскала его ведунья в лекарском деле, а все ж не его это стезя. Вот вывих вправить или кость ломаную поставить, как нужно, да скрепить лубками – это он мог, а вот с Макаровой бедой ему не справиться, нет, не справиться; он и сам это понимал, потому и торопил сотника. Бурей и так за раненых, что в обоз попадали, душу из всех вытрясал, а уж за Макара-то и подавно: не дело, чтобы ратник, спасший столько жизней, помер от его, Бурея, неумения да медлительности всего обоза.

Только не получается быстрее: весенняя земля вязкая, кони и так с трудом телеги тянули. Гнать станешь – быстро устанут, за день меньше пройти получится. Вот и думай тут. Голова одно твердит, а сердце другое.

* * *

– Веруня, родненькая, кваску мне... Холодного... Жарко... Верунь, ну что ж ты... Трясет-то как... Куда гонят... Потихе бы...

* * *

По прибрежным луговинам телеги катились мягко, почти не покачиваясь, словно по воде плыли. Бурей специально настоял на этом пути, хотя он и длиннее, и привалы неудобные – сухих мест мало. Зато телеги не кидало и пятеро раненых с рублеными да раздробленными костями мучились меньше. А шли бы лесом да по корневищам, что лесные дороги как жилами перетягивают, болью бы раненых убили. Кто ж такую пытку вынесет? Боль пуще любой работы выматывает.

Хоть порой и вязли колеса, и на руках вытягивать телеги приходилось, а никто из ратников и мысли против не имел. Кто в следующий раз на той телеге окажется, бог знает.

Подъехал Устин, сосед и почти ровесник Макара. Вместе начинали постигать воинское искусство, вместе в походы ходили, только в разных десятках. Теперь вот одного на телеге везут, а второй себя корит, что по нужде порты снял не вовремя, из-за того и в схватку самую малость не поспел. Он как раз в ту пору к обозу за каким-то делом подъехал и среди первых на подмогу Пантелееву десятку пришел – оттеснил половцев, чтобы Макара конями не затоптали, а все же опоздал.

– Слышь, Илюха, как он?

– Так сам видишь – бредит. Все Верку свою зовет да пить просит.
– Ну и дай! Тебе жалко, что ли? Или лень? Вот, возьми баклажку! Квас у меня тут.
– Да есть у меня, все есть! – отмахнулся Илья. – Ты не первый тут. И все корят. А ему не воды сейчас – покой ему нужен. Жар у него начинается, похоже. Ты б медовухи лучше привез.
– Тебе или ему? Ты, Илюха, не крути. Смотри, коли чего с Макаром... Ты меня знаешь!
– Да знаю, знаю! Ты бы не грозил зазря, а лучше бы и правда медовухи достал. Ему и впрямь не помешает. Да и мне тоже.
– Черт с тобой! Сейчас у наших поспрошаю. Найду!

И полверсты не прошло – Антип подъехал. И разговор тот же, и злость в глазах на себя и на половцев та же. И опять Илья словно оправдывался. И ни при чем тут обозник, а вроде как в чем-то виноват. И сам не знал, в чем, и ратники, что за друга душой болели, тоже не винили, а все одно вина на сердце.

За то, что может не довезти.

* * *

Веру-у-унь, Веру-у-уня... Где ты? Веруня, плывет все... Ногу не чую... И не вздохнуть... Неужто все? Не молчи, Верунь... Плохо мне...

* * *

Илья, как и все обозники, почитай, и не спал в походе. До сражения-то еще куда ни шло: и на ходу, бывало, дремал, и ночью, пусть не в оба глаза, но все же удавалось прикорнуть. А вот как раненые появлялись, так о сне забывать приходилось. Даром, что ли, обозников медведями порой дразнили?

Новики и молодые ратники, как из похода возвращались, так сразу по девкам, а обозники по печам да лавкам – отсыпать, что за время похода не добрали; оттого и глумились над ними иной раз неразумные. А разве обозники в походе продых видели? Только и следили, чтобы мелкая лесная тварь припас не испортила, да дождем его не замочило. И телега на обознике, и поклажа в ней немалая, потому как на коне не увезти все, что ратнику в походе потребно. Взять хотя бы стрелы лучные – сколько их за бой сгинет? Конечно, если все удачно, так соберут часть, но своя стрела, своими руками правленная, во сто крат ценнее. Да много чего еще ждало своего часа, в телеге или санях обозника схороненное. И все присмотра требовало.

Что уж о раненых говорить! Не железо, чай, и не харч, тут валом не накидаешь и лошадь в галоп непустишь. Сильно пораненных больше двоих в телегу и не укладывали, да и то тесно. Если возможность сыскивалась, так по одному старались устроить, тем более, когда путь до дома не близкий, как вот сейчас. И обиходить двоих сразу – та еще работа. И воды подать, и по нужде помочь. Ну, и накормить-напоить тоже.

Вот и сейчас у Ильи в телеге Макар лежал, да следом еще одна катилась. В ней Силантий, тоже едва живой, а возница там хоть и старателен, да молод еще, в первый раз его в поход взяли. Вот Бурей и поставил Илью старшим над обеими телегами – не только за раненых отвечать, но и новика обозному ремеслу учить. Потому Илье и доставалось за двоих. Проще бы самому все сделать, но с Буреем не поспоришь, да и молодого надо кому-то наставлять.

Утро для всех в походе тяжелое, а уж для обозников, которые при раненых состоят, и подавно. И почему душа с телом норовит расстаться именно на рассвете? Никто не знает. Так уж в этом мире все устроено, что именно перед рассветом у смерти самая работа. Того прибрать, этому колокольчиком звякнуть – о бренности жизни напомнить, третьего на заметку взять. Вот тут обозному самые хлопоты. Много ли порубленному да обескровленному человеку надобно, чтобы с жизнью расстаться? Не подоткнул тулупчик – и выдула утренняя све-

жесть из раненого душу, или в жару не обтер вовремя; а то разметался в бреду, или просто сено в ком сбилося. Вроде и мелочи, а жизни могут стоять. Вот и не спали обозники, на своем месте службу несли.

* * *

Очнувшись, Макар не сразу понял, что случилось и где он, но постепенно вместе с ощущениями, медленно, словно нехотя, выдерживая его из небытия, стало появляться и осознание происходящего.

Странное чувство – вроде как и не лежишь, а висишь... Своего веса совсем не ощущаешь, только ногу тянет вниз, словно из телеги кто вытащить хочет, а тела будто и нет вовсе. Как младенец спеленутый – не шевельнуться.

И хочется, ну просто нестерпимо хочется подвигать руками, передернуть плечами, себя самого почувствовать. Макар попытался было, но в голове тренькнул колокольчик: «Лежи!»

Ратник замер. Ногу кольнула боль. Как ножом ткнули – даже дернулся от неожиданности, и боли сразу прибавилось. Нет, лучше уж бревном неподвижным лежать, остальное перетерпится.

– Эк, тебя! Ну что ж спокойно-то не лежится? Привязать бы тебя, дружок, – забормотал рядом чей-то знакомый голос, – да не за что. За уд разве? Дык, Верка привидится, – говорящий хмыкнул, – еще больше завертись. Вот кашевары закончат телиться, напою, накормлю и тронемся к твоей Верке. Щас, погодь... – и уже куда-то в сторону, во весь голос, – Петруха! Ну, ты чо? Кабана целиком варишь, что ли? Когда готово-то?

– Отстань, Илюха! Выварится, позову...

«Илюха! – все разом встало на места, и вместе с осознанием пришел страх. – Точно, он!»
Стало быть, ранен. И тяжело. К Илье в телегу только такие и попадали.

– Илья... Илюха, – позвал Макар, но обозник возился где-то рядом с телегой, не обращая внимания на голос раненого. – Илюха, скотина ты безрогая! Оглох, что ли? – надрывался Макар, но тот продолжал свои дела.

Обида взяла: ну что за народ эти обозники? Скоты толстокожие! Зовешь, зовешь их... Ну что ж теперь, обгадиться?

– Илюха, гад ползучий! – заорал Макар из последних сил и вдруг почувствовал, как у него едва-едва шевельнулись губы. Понял, что свой крик до сих пор ему только чудился, и удивился: неужто так ослаб?

Возня у телеги враз затихла, и у самой головы голубем заворковал Илья:

– Очухался! От хорошо, от молодец! Теперь живее пойдет, не шевелись только... – обозник и впрямь радовался: еще бы, он и не чаял, что Макар вообще в себя придет. – Не шевелись, говорю! Али нужда приспела? Ты это, расслабься, оно само все... У меня в телеге на такое дело все устроено, не изгваздаешься. Не жмись, говорю, хрен перевернутый! – вдруг заорал он на самое ухо раненому.

Макар от неожиданности дернулся, что-то внутри сжалось и... Даже ноге, как ни странно полегчало, хотя какое она-то имела ко всему этому отношение?

– Вот так-то лучше! А то жметя он... Ну, прям девка, что на сеновал впервой попала, – увещевал Илья, вытягивая из-под Макара пласт сена и укладывая на его место новый. – Знаю я вашего брата, до последнего терпите, а мне потом Настена, того и гляди, последние волосы выдерет, если Бурей раньше не прибудет. А они, вишь, гордые! Сейчас поедем... – он вдруг резко повернул разговор, и голос снова стал подозрительно ласковым. – Глянь, Петро харч несет! И как он ту свинятину варит, бог знает, но вку-усно!

Макар и впрямь захотел глянуть и... Темно... Только теперь он сообразил, что все это время говорил и слушал Илью, не открывая глаз. Попробовал открыть. Нет, все равно темно. Подвигал глазами: чуть режет – и все. Тогда почему?

Он замер. Не хотелось даже думать об... Нет, не может быть! Еще раз... Все равно нет просвета! Что-то скрутило и охолодило тело. Нет, это уже не страх и не ужас – это конец! Конец всему, конец жизни. Кому нужен слепой? Пусть и молодой, и здоровый, но слепой...

Лежать стало нестерпимо – даже взвыть сил нет, тут впору если не биться в отчаянии, как баба, так хоть кулаком садануть по чему-нибудь со всей силы. Всю оставшуюся жизнь плести на ошупь корзины да силки мальчишкам?! Себя порешить не дадут, а без помощи и веревки не сыщешь! Сразу все ушло куда-то в сторону, все стало пустым и чужим. Этот мир больше не для него. Боль в ноге, ранее невыносимая, вдруг стала тоже безразлична: болит – и хрен с ней, пусть болит; что та боль по сравнению с беспросветной жутью, что оглушила его сильнее, чем булава половца!

– Э-э, ты чего это? – ложка стукнула о горшок, а Илья заговорил где-то совсем рядом. – Чего молчишь?

Макару было сейчас не до него и уж тем более не до еды, его охватывало не то бешенство, не то страх. Хотелось кричать и выть, да сил не хватало.

– Тьфу ты, хрен перевернутый! – вдруг досадливо выругался обозник. – Это ж надо, из головы вон! И как забыл?

На глаза Макара плеснула холодная вода, заставив его вздрогнуть, и тут же мокрая тряпка заелозила по векам.

– Шас, погоди, смою... – голос Ильи звучал смущенно, даже заискивающе. – Слиплось! Да и немудрено, за столько дней. Ну, все уже, дай-ка чистым вытру.

Вот теперь глаза раскрылись сами. До чего ж хорошо! Макар хоть и прижмурился сразу – слишком уж ярко, но как же хорошо! Даже боль в ноге стала немного терпимей.

– Ты, это... Того... – мялся Илья, – Бурею не сказывай, а? Прибьет ведь.

Макар только согласно мигнул – сил не оставалось даже на шепот, но обознику хватило и этого.

– Вот, – заторопился он, – сейчас поедем и в дорогу. А то, слышь, уже вторые дозоры к котлу сменились, а мы с тобой все чего-то возимся! Чуешь, какая поросятинка у Петра упрела? С лучком, с травками... – голос у Ильи опять стал ласковым и, как ни странно, от этого еще убедительней.

Макар слегка улыбнулся пришедшему на ум сравнению: так его Веруня уговаривала Любавушку, когда та зимой болела, каши отведать. Но есть не хотелось. Пить – да, сейчас он был готов выхлебать хоть ведро, а вот есть – нет.

– На-козь вот, кваску чуть сглоти, оно потом легче пойдет, – Илья кудахтал, как насадка. – А поесть надо. Крови ты чуть не ведро потерял, сейчас ее опять копить надобно. Тут уж лучше мяса и нет ничего! А уж свинятинка-то! – войдя в раж, Илья даже причмокнул.

После нескольких глотков кваса и впрямь пошло легче: мелко порубленное, вываренное и хорошо размятое мясо само проваливалось в горло. С завтраком управились, едва успев к выходу. Сам Илья жевал уже на ходу.

От обозника, приставленного к раненым, в пути требовался не только воз терпения, но и разнообразные умения. И не последним среди них был дар складно врать, да так, что любой сказитель-гуслир позавидует. Сумел возница своего подопечного разговорить да байкой попотчевать, отвлечь от страданий, глядишь, и дорога короче становилась. Кто-кто, а уж Илья языком был горазд махать – ну, чисто воробей крыльями, особенно когда в ударе. Бывало, со всех сторон к его телеге съезжались – послушать. Болящему-то лучше вместе со всеми похохотать, нежели одному со своей бедой на сене корчиться.

Однако к полуденному привалу Макару уже ни до чего дела не стало. Глаза застилало серебристое мерцание, дышать трудно, а ногу словно в костер сунули. Как ни старался Илья, а все-таки растрясло здорово.

Тот же Петруха принес горшок с варевом. Как уж он умудрился его сготовить, неведомо, но и этастряпня в горло не полезла. Вперемежку с квасом и уговорами впихнул в себя десяток ложек – и все. Начинался жар. Он и так сильно припозднился, но все же догнал.

Илья только головой покачал и, оставив рядом с Макаром Петра, отправился к обозному старшине. Будь они в Ратном, ни за какие коврижки не сунулся бы лишний раз к нему: уж больно лютым зверем слыл их старшина, крещенный Серафимом, но которого иначе как Буреём никто не звал. Но то в Ратном. В походе-то обозники другого Бурея знали: и рычал он так же, и ребра намять мог, и жалости особо не выказывал, но когда на телегах появлялись раненные, этот горбун другим человеком оборачивался. Исчезала из него звероватость, словно в другую жизнь окунался.

Дома тому же ратнику голову свернул бы при случае и не поморщился, а тут лучшего опекуна и няньки заботливей не сыскать. Без причитаний и уговоров, случалось, и с кулаком, и бранью, но так, что это на пользу шло. И с обозников за недосмотр три шкуры спускал.

Ох, как не хотелось лишний раз такому старшине под руку попадаться, но ничего не поделаешь, идти надо: Илья хоть и знал, и умел немало, а лекарскими секретами почти не владел – самого-то Бурея ратнинская лекарка Настена еще мальцом учить начала, и то всего не передала. А Макар вон – до ночевки еще полдня, а он уже едва живой.

Обозный старшина выслушал Илью на диво спокойно, выпросил, что да как, и, порывшись в своей телеге, пошагал вдоль обоза.

Возился он с Макаром долго, что-то щупал, слушал, припав к груди, ворчал, вернее, рычал, но чем дальше, тем добрее – как старый дед ворчит на любимых внуков.

– Илюха! – рыкнул вдруг старшина, совсем не ласково. – Ремни неси! В моей телеге лежат! Потом мне поможешь... – и снова занялся Макаром.

Чего уж Бурей в ковше намешал, только он и знал, но вливал свое пойло в раненого почти силой.

– Лубки менять надо. Больно только поначалу будет, немного, а потом до утра уснешь... – бурчал старшина, ослабляя завязки на трех плахах, державших ногу Макара. – На-ко вот, разинь пасть пошире, а то или язык откусишь, или зубы крошишь. Разинь, кому сказано! – и в рот раненого, широко растянув его, вошла свернутая кожаная рукавица.

Велика ли сложность – снять лубковую повязку, отложить плашки в сторону, промыть вокруг раны, да на самой ране повязку сменить, затем ногу, как надо, поставить, чистую льняную повязку наложить да заново упрятать ногу в деревянные плашки? А Илья словно телегу все это время вместо коня таскал – устал до невозможности. Да и Бурею эта работа, видать, легкой не казалась, даром, что ли, на лбу пот выступил?

Макара Бурей не обманул – ткнул двумя пальцами куда-то в бедро, боль ударила кувалдой и ушла. Ноги словно не стало: вроде и делают с ней что-то, а кажется, что не с его ногой обозный старшина возится. Ну, а рукавица во рту зубы с языком спасла. Когда его отвязали, начал было Макар ее изо рта тянуть, а она никак – челюсти кожу закусил, как цепной кобель кость сахарную, и не разжимались никак. Уж и старшина обозный гоготал, и ратники, что рядом стояли – тоже, да еще и со стороны на веселье подошли.

– Чего ржете-то?

– Сам погляди – совсем Илюха Макара голодом заморил! Пока Бурей ему ногу пользовал, он его рукавицей закусить решил!

Макару и самому стало смешно. Лежал, носом фыркал, но челюстей разжать никак не мог. А ратникам только подавай – веселятся, словно скоморохи приехали.

– О-о! Глянь! Головой, как кобель мотает! И рычит! Оголодал... Илюха, стервец, ты б ему, что ль, рукавицу помельче покромсал, али лень?

– С солью Макар, с солью! Вкуснее будет!

Илья уже хотел и свое слово в общее веселье вставить, да не успел. Вернее, поучаствовать-то ему довелось и развеселить всех еще сильнее – тоже, да немного не так, как рассчитывал: шапка его упала на землю там, где он только что стоял, а сам Илья, взмахнув руками для плавности полета, рухнул в перемешанную копытами и колесами грязь в нескольких шагах от телеги. Еще через мгновение он уже болтался в воздухе. Обозный старшина, только что казавшийся чуть не пляшущим медведем, снова превратился в зверя.

– Ослеп? У него же лубки ослабли – кость по кости елозила! – Бурей тряс Илью, ухватив в руку одним хватом и рубаху, и клок волос с бородой. – Сколько раз тебе говорить, чтобы следил? – Старшина вдруг перестал трясти обозника и принюхался. – Хмельным балуешься? Опять? Я те что говорил? Ну?

– Так, это... Что три раза повторять не будешь. Еще раз напьюсь в походе, прибудешь... – поспешно доложил Илья, зная, что на такие вопросы отвечать надо не мешкая – зубы целее будут. Ну как старшина не понимает – не железный же он! Ладно, усталость да хлопоты, но смерть Силантия минувшей ночью он, хоть и без вины, а на свою душу принял. Как представил глаза его жены, с которой ему дома придется говорить, так рука сама к фляге и потянулась.

– Угу. Этот – второй, – назидательно сообщил Бурей и, враз успокоившись, буркнул: – Медовухи тащи... – и шепотом. – К нему скоро боль вернется, напои до того, Настенино снадобье не сразу подействует.

– Так нет у меня...

– Значит, у меня возьми! И смотри мне! – рявкнул старшина, а потом добавил совсем тихо и на ухо, чтоб только Илья слышал: – Отвоевался Макар. Но ему и не заикайся, а то не довезем. Пусть уже Настена сама – дома...

* * *

Макар покрутил головой, отгоняя воспоминания о той дороге – хоть и трудно ему тогда пришлось, но все равно легче, чем сейчас. Потому как надежда жила, и он и мысли не допускал, что ВСЕ...

Нет, сегодня нужно выпить, иначе и впрямь с ума сойти можно. Когда Илюха в дороге медовухи наливал, боль хоть немного, но отпускала. Глядишь, и сейчас душе полегчает, если забыться. Да и ногу он здорово дернул – болела, зараза, не утихала. И в груди тоже давило сильнее обычного: булава половецкая не прошла даром.

Макар раньше никогда до хмельного охоч не был, всегда меру понимал, но где та мера, чтобы безмерную тоску унять?

Первая кружка пошла тяжело – это у завязитого пьяницы любая чарка, словно птичка, влетает, а коли телу непотребно, то порой и силой вливать приходится. Вот силком и впихнул, и тут же налил вторую. Брага – не медовуха, забирает медленно: только после третьей в голове поднялся небольшой туман, а лампадка в углу слегка зарыбила. Дальше уже пошло легче, он и счет потерял.

Вдруг из мутного тумана, что убаюкивал и давил тяжкие мысли, облегчая непереносимую тоску, появилось лицо Верки, разом напомнив все, что с таким трудом удалось если не забыть, то хоть отодвинуть, не думать. Дура! И чего бабе надо? Ей же спокойней, если он на день-другой в бездну провалится, так нет – мельтешит, чего-то говорит, не дает забыться.

– ...Оставь ты ее, Макарушка! Ну, не доведет она до добра! Ты не думай, мы для тебя все сделаем! Ни в чем недостатка знать не будешь! Мы ж понимаем... Мы ж... – заливаясь слезами, причитала перед мужем Верка.

На Макара, накрывая, словно зимняя снежная туча, стала напирать черная липкая злость. На дуру-жену, на себя, на половцев, на жизнь – на все сразу! Не хватало сил сопротивляться, и терпеть уже не мог – само выплеснулось, да так, что Верка отшатнулась, встретившись с его взглядом – тяжелым и чужим.

– Понимаешь?! Сделаешь, значит... За калеку меня посчитала? Меня?! Что ты понимаешь! С-сука! – и не понял, как рука взлетела в коротком точном ударе, а Верка неожиданно для него самого покатила по полу. Следом полетела кружка.

Макар рванулся из-за стола, пытаясь хоть на ком-то выместить захлестнувшую его злобу то ли на жену, то ли на незадавшуюся жизнь, но пол избы словно ожил, вздыбился из-под ног да со всего маха предательски саданул его по морде.

Остаток ночи Макар помнил плохо.

Утром тяжелое мутное похмелье принесло с собой раскаяние. На Верку, молча закрывающую платком сине-черный заплывший синяк, он глядеть не мог, но от этого только сильнее злился на нее же. Чтобы заглушить уже это раскаяние и злость, снова потянулся к браге. А ночью все повторилось, затем опять, и Макару уже и не хотелось останавливаться, да и каяться – тоже.

Ну и пусть! Долго так не живут, да и не надо. Все равно жизни больше нет, а так хоть на немного, хоть во сне, но он опять ратником побудет.

* * *

Макар не первый и не последний встретился с этой бедой и едва в ней не сгинул. Смерть в самом жестоком бою воину не так страшна, как то, что его лишили возможности ее принять. Смерть отступила, но и жизни не стало...

И через десятки, и через сотни лет жены отставных воинов станут биться, как об стену: чего ему ТУТ не хватает? Многие, что уж скрывать, поначалу радуются, порой и сами уговаривают мужа уйти со службы – кончится маета и бессонные ночи, заживем, как все. Ну что там хорошего-то? А его, словно наркомана, ломает, и все не в радость – не может он уже КАК ВСЕ! И не важно, что стало причиной отставки – ранение, собственное решение, стечение жизненных обстоятельств или еще что – все равно нестерпимо тянет назад, в бой. К жизни, где хочешь или нет, а надо быть мужчиной, где не спрячешься за бумажку, за статью закона, потому что на войне законы свои – вечные законы для мужчин не по названию, а по духу.

Для большинства гражданских они все просто сумасшедшие, ведь только ненормальный может по доброй воле идти навстречу смерти, чтобы играть с ней по ее правилам. Чтобы вкалывать так, как не вкалывают и рабы на плантациях, под мат командиров и свой собственный, чтобы гробиться в песках при невыносимой жаре или в ледяном холоде, бегать по горам, чуть не выплевывая собственные легкие, жить и побеждать на пределе человеческих возможностей, а то и когда, согласно всем выкладкам физиологов, эти возможности кончаются. При этом ежедневно и ежечасно понимать, что каждый шаг может стать последним, что быстрая смерть – еще не самый худший исход, так как видели они и гибель товарищей, и изуродованные тела тех, кто попал в руки противника живыми.

И от всего этого быть счастливыми?

ДА! И это уже ничем не излечимо. И ничто не в состоянии заменить им тот Первый Бой, в котором пришла победа. Для этого действительно надо сойти с ума. Или беззаветно отдаться чувству долга, когда все, ВСЕ, включая собственную жизнь, неважно по сравнению с пониманием, что именно на твоих плечах и за твоей спиной ДЕРЖАВА. И осознанием, что именно ты первым шагнешь навстречу любой опасности, заслонишь своей жизнью от этой беды остальных, потому что ты – ЛУЧШИЙ. И ты можешь делать то, что не могут дру-

гие, ты необходим! Ты нужен не просто кому-то, не только своей семье и близким – стране. И эта страна, как стена у тебя за спиной, и она примет и защитит тебя так же, как ты сейчас защищаешь ее.

Но если эта стена вдруг рушится, тогда не остается своих, кроме тех, чье плечо ты чувствуешь в бою, и когда уже нет ДЕРЖАВЫ, а есть только обида – не НА нее, а ЗА нее. Но и тогда воинов может остановить только смерть, и они воюют. За что? За свою честь, за святое воинское братство. За Родину. Даже если Государству уже нет веры.

Глава 2

Верка

Верка устало опустилась на скамью в самом дальнем углу от лавки, на которой пьяно храпел Макар, и прикрыла глаза – сил нет! Совсем... И куда делись? Ведь недавно по дому от утренней зари летала, в поле с песнями шла и до темноты все успевала переделать, не присев ни разу, что такое усталость – и не знала. А тут сразу из резвой молодухи немощной старухой стала. И нет желания не то что вставать, даже глаза разлеплять: так бы и сидела, наверное, кабы можно было. Бесцельно и бездумно, погружаясь в тягучую, как овсяный кисель, полудрему...

Встряхнула головой, обругав себя за внезапную слабость, и решительно поднялась на ноги. О чем она думает, дурища? Не время сейчас раскисать, иначе точно ни Макару не поможет, ни себе.

Вышла в сени и чуть не споткнулась о корчагу с брагой. Ее пару дней назад приволок Сивуха, не постеснялся, поганец, содрать полкуны за эту отраву. А муж... да что он тогда соображал, коли вторую седмицу ежедневно напивался! Деверей дома не оказалось, а на нее он только рыкнул, когда попробовала вмешаться.

Мелькнула мысль выплеснуть брагу в выгребную яму – все беды от нее, но мало ли браги в Ратном? Исхитриться бы, чтоб она Макару в руки не шла, пока не придумается, чем его отвлечь, да как? Разве самой всю выпить... Верка горько усмехнулась своим мыслям.

Кроме как у Доньки Пустехи, которая сама давно без души ходила, да у Семки Сивухи, что за спину своего родича прятался, неоткуда взять Макару браги. У кого есть, те разве что одну чарку гостю поднесли бы, да и то не всякому: в селе чужую беду понимали – Макар такой не первый. Из ратников никто лишнего не налил бы – остальные могли и ребра запросто намять. А вслед за ними и обозные остерегались. Вот с браги-то и надо начинать!

Ну да, легко сказать, а как? Доньку припугнуть недолго, а вот Сивуха совесть вовсе потерял, знал, паршивец, что за него родичи – Степан и Пимен – всегда вступятся. Потому и сотник со старостой ничего с ним сделать не могли, хоть и не одобряли его промысла.

Еще раз оглядев Макара, так и не проснувшегося со вчерашнего, Верка подхватила коромысло и вышла из дому. Для того, что она задумала, время было самое подходящее: у колодца собрался почти весь цвет бабьего общества. Здесь же – ну куда ж от нее денешься – топталась и вечная соперница, Варька, жена Фаддея Чумы.

Заприметив Верку еще издали, Чумиха приосанилась, намереваясь насладиться хорошей перепалкой, но жена Макара на этот раз не обратила на ее приготовления никакого внимания, а подошла к бабам и, дождавшись, когда гомон на миг умолк, сказала, обращаясь ко всем разом:

– Не могу больше! Как хотите, бабоньки, но нет уже моего терпения!

– Верка, ты чего? – Варвара от удивления даже забыла приготовленную заранее подковерку и встревожилась. – Чего случилось-то?

– А то ты не знаешь! Раньше в Ратном про такое и не слыхали, а сейчас у нас Семка Сивуха людей спаивает, и никто ему слова поперек не скажет! Кому ж охота против себя его

родичей настраивать? Пимен-то со Степаном за него горой стоят – небось он своими прибытками с ними делится, – махнула рукой Верка. – Сколько народу дельного он до скотства довел? Пентюх с Донькой сами, что ли, в позорище превратились? А теперь за моего Макара взялся? Не отдам! Он мне мужем нужен, а не скотиной! Что хотите, бабоньки, думайте, нет больше сил терпеть. Не знаю, как вы, а я уже на все готовая! Ей-богу, вот щас пойду и башку ему проломлю! А не поймаю – хоть душу отведу!

– Ты чего несешь? – неожиданно раздался визгливый голос Семеновы жены Феклы. Верка поначалу ее и не заметила – за спинами она хоронилась, что ли? Да не одна – рядом с ней сбились в кучку бабы и девки из родни Сивухи, даже жены Пимена и Степана стояли неподалеку, легки на помине. – Голову она проломит! Ишь, чего удумала! Поди, попробуй – виру заплатишь такую, что в закупы всей семьей пойдете! Али мой Семен кому силком в горло наливает? Сами к нему идут да в ноги кланяются! И неча! У меня муж правильный, и хозяин справный, все в дом несет, не то что некоторые!

– Мой муж ратник! – задохнулась от возмущения Верка, рванулась к обидчице, и непременно быть бы Сивухиной родне с драными косами – жены ратников, коли дело до драки доходило, кулаками иной раз махали не хуже мужей, – но Пименова жена Евлампия дернула за рукав свою разошедшуюся родственницу и встряла между ней и Веркой.

– Ты, Фекла, уймись, – пропела она приторно-медовым голосом. – Сама знаешь, какое у Веры горе, имей снисхождение, – и обернулась к остальным недовольно загудевшим бабам. – Не сердчайте на Феклу: это она не подумавши сказала. Мы лучше к другому колодцу пойдем, не будем вам здесь мешать. Чего нам с вами делить? И наши мужья в сотне, сами знаете. Вот сейчас Макара привезли раненого, ну так все мы под Богом ходим, все за мужей да сыновей тревожимся.

Она немного подождала, обвела взглядом вроде бы отмякших баб и неожиданно заговорила совсем о другом:

– Нешто никому из нас по-людски жить не хочется? Сколько мы слезами умыться должны? Много ли нам мужья из походов привозят? А коли изувечат кого, никакой добычей этого не окупить, и в обозники пойти за великую радость покажется. Хорошо тем, у кого не только ратное дело, но и ремесло доходное в руках! Так ведь еще как ранят – а то и не работник потом... А ведь ежели разбираться, так еще хорошенько подумать надо, кто кому нужнее – сотня для нас или мы для сотни?

– Ты про что? – растерялась Верка, совсем не ожидавшая такой поддержки от Пименовой жены.

– Ты говори, да не заговаривайся! – Варька – вот диво! – только что грудью Верку от Пименихи не закрыла. – Кабы не сотня – нас бы тут и в живых никого не осталось! Давно бы вырезали. Наши мужья – стена нам.

– Стена-то они, конечно, стена! – Евлампия вздохнула. – Ну, а мы – печь. А в доме-то всегда печь главнее! Я же и сама ратника жена, но коли так рассудить, другие-то ведь живут как-то без войны, и не вырезали их? Вон я в Давид-городок с мужем в прошлом году ездила – без рати там живут и не тужат. Дружина наемная есть – и хватает им, а все прочие ремеслом и торговлей занимаются и над мужьями не рыдают... – Она еще раз вздохнула, усмехнулась – Верке показалось, что прямо ей в лицо, – и распрощалась с примолкшими женщинами: – Ладно, пошли мы, бабоньки.

– А что? Правду она говорит... – вдруг подала голос Елизавета, по прозвищу Полуха, жена увечного ратника Филата. Бабы удивленно воззрились на нее. В разговор она вступала редко, да и у колодца обычно не задерживалась, а тут стояла с полными ведрами, слушала, и глаза ее впервые за много лет загорелись, только недобро как-то. – Чтоб она провалилась, эта их рать! Был бы мой Филат хоть кузнецом, хоть гончаром в том Давид-городке, так... –

и словно устыдившись собственной горячности, Полуха вдруг оборвала себя на полуслове, махнула рукой и пошла прочь, привычно ссутулившись и тяжело загребая ногами.

Верка зажмурилась, помотала головой. Не помогло. Растерянно оглянулась на подруг, но и те, судя по лицам, тоже не знали, что сказать, а Евлампии надо было ответить. Точнее, не ей ответить, а себя убедить. Ведь чувствовала: врала, все врала Пименова жена! Хоть и складно, зараза, говорила, но не могло быть по ее и все тут! Только бабы после ее слов совсем сникли, а Полуха их и вовсе добила: ее судьбу на себя, похоже, примерили; некоторые молодухи, поди, впервые ТАК посмотрели. Верка и сама невольно задумалась, но душа слов Пименихи, хоть ты тресни, никак не принимала. Брешет же! Или не брешет? Ведь и впрямь, что в Давид-городке, что на Княжьем погосте жили не так, как в Ратном, и неплохо жили, богато; кто посмышленнее, в купцы выбивался. Выходит, Евлампия и в самом деле хотела как лучше? Вот только для кого лучше-то? И что станет с ратниками, ежели, не приведет Господь, в селе начнут верховодить те, кому свой достаток роднее не только сотни, но и отца с матерью, вроде того же Пимена или Степана-мельника? Свят-свят-свят... Сивуха-то у них из-за спины на всех плюет, кого угодно готов спойть ради прибыли.

* * *

Слова Евлампии заронили тревогу и сомнение не только в душе у Верки – многие, даже не принявшие их, призадумались, ибо ударили они баб по самому больному – по застарелому страху жен воинов за своих мужей, за подрастающих сыновей. Не каждая и не сразу могла отринуть этот страх, сковывающий рассудок, и заставить себя думать, ибо Евлампия сказала им неправду.

Точнее, полуправду, что иной раз страшнее и отвратительнее откровенной лжи: не помянула, что в том же Давид-городке не все сытно жили, далеко не все! А вот подати князю все платили. В Ратном те, кто ремеслом и торговлишкой пробивался, потому и богатели, что благодаря сотне от тех податей освобождены. Самого же главного Пимениха упоминать не стала: если начнет ломаться уклад, переиначивая жизнь по-новому, кто-то на этой волне и поднимется, а кого-то она и с головой накроет, тем более, в таком случае не самые лучшие наверху окажутся и сливки снимут, но самые ушлые. Большинство же за то будет только расплачиваться.

И еще одна причина промолчать имелась у Пименихи, совсем уж мерзкая. Тем, кто нахваливал выгоды мирного уклада, выгодно было, чтобы вой спился: одним воином, а значит, одним голосом на сходе меньше. Проще выгодные для себя решения проталкивать. Ну, и его семью в долги загнать намного легче.

Так далеко бабы заглядывать не могли. И рассудить так не все умели – у баб чувства разум пересиливают. И Верка не сумела, но где правда, а где нет, именно что чувствовала. То ли упрямство ее помогло, то ли любовь к мужу. На кой ляд ей, дочери ратника, купец или ремесленник – она за воина выходила! И жить дальше хотела с воином, пусть и увечным, но не сломленным!

Но для этого надо было, чтобы Макар сам от Сивухино поила отказался! Его ведь не столько раны мучили, сколько будущая жизнь страшила, вот и прятался он от нее в пьяный дурман.

* * *

Верка шла домой еще больше замороченная – мало ей было беды с Макаром, так еще Евлампия камней в душу накидала! – оттого по сторонам почти не смотрела и едва не налетела на отца Михаила в своих же воротах. В последний момент остановилась, а то бы сшибла

хлипкого священника. Охнула и перекрестилась с перепугу, и только после этого поклонилась и поцеловала руку в ответ на благословение.

– Здрав будь, отче. К Макару? – она с сомнением посмотрела в сторону крыльца. – Так спит он еще, поди. Хотя, может, и проснулся, пока я за водой ходила.

Отец Михаил горестно поджал губы и, сочувственно покивав ей, прошел в дом.

Верка, чтобы не мешать разговору священника с мужем, нашла себе какое-то дело в сенях, настороженно прислушиваясь к доносившемуся из горницы журчанию голоса попа, чтобы не пропустить момент, когда тот соберется уходить: знала, что тогда надо побережться – Макар-то на ней злость сорвет.

И не просила о помощи, но отец Михаил сам зачастил к ним после того, как на исповеди она пожаловалась на свою беду, потому что держать в себе уже не могла. С тех пор навещался через день – с добром, конечно, помочь хотел, но почему-то с той помощи становилось только хуже: Макар вроде с отцом Михаилом и не спорил, молча слушал, но потом кидался на всех, кто под руку попадался – будто с цепи срывался.

Верка и раньше знала, что ратники, даже те, кто считался твердыми христианами, отца Михаила при всей его учености не то чтобы не уважали, а... не принимали за смысленного мужа, что ли? Нет, и на службу по воскресениям, и на исповедь к нему исправно ходили, и даже признавали, что отец Михаил лучше прежнего попа. Разумнее-то уж точно. И детишек он учить взялся, и добрый вроде, и проповеди у него всегда такие душевные – заслушаешься. Некоторые бабы на своих мужей даже обижались, когда те что-нибудь пренебрежительное про него говорили.

Она и сама раньше понять не могла, чем им отец Михаил не угодил, и только когда стала прислушиваться, к чему он Макара подталкивал, то с досады чуть в голос при нем не выругалась! По его выходило, даже и хорошо, что так случилось и то, что Макару ратником больше не бывать – правильно. Сегодня вот и вовсе, как та Пимениха, занудил, словно сговорился с ней: без рати жить и лучше, и достойнее и надо, дескать, Макару радоваться и Бога благодарить, что его от греха смертоубийства отвел, наставил на путь истинный. К праведной жизни обратиться, молиться и каяться за жизни загубленные, тогда и полегчает ему.

Верка от такого, как от зубной боли, скривилась. Умный-то поп, он умный, но как же таких простых вещей не понимает? Ей, бабе, и то слышать нестерпимо! Получается, тати и прочие вороги, включая половцев – невинные жертвы, а ратники – злодеи? И чтобы праведно жить, воинам надо от своей воинской стези, от своей гордости мужеской отказаться? Да как же сам отец Михаил их на подвиги воинские против язычников благословляет, но при этом почитает грешными душегубами? Это еще Макар молчал, кто другой в ухо заехал бы. Но с другой стороны, святой отец вроде как выход хоть какой-то предлагал: забыть старое, новую жизнь принять, сама же Верка только жалеть мужа могла, а как его утешить, какие слова найти – и не знала.

Зато почувствовала, что у нее от непривычных рассуждений, которыми обычно бабам обременять себя не приходится, аж голова кругом пошла, плюнула с досады и отправилась во двор – там, небось, тоже дел полно. А то доведет поп до греха – сама чем-нибудь приложит...

Только подумала, как в доме что-то загремело, словно посуда со стола посыпалась, раздалась ругань Макара, и отец Михаил с достоинством, но поспешно, вышел из сеней. Перекрестился и печально вздохнул:

– Прости ему, Господи, ибо не ведает, что творит, раб Божий...

Верка, только что сама готовая вцепиться ему в бороду, бессильно опустила руки – столько искреннего сочувствия и душевной боли чувствовалось в голосе святого отца. Но все-таки, когда прощалась, прятала глаза от греха, чтобы какую-нибудь дерзость не ляпнуть – священник как-никак, потом изведет разговорами душеспасительными да наставлениями. Это он

к мужам не очень-то со своими поучениями совался, те и послать могли – далеко и лесом, а бабе и тут приходилось голову нагибать, кланяться, да молчать, благо, дело привычное.

Хорошо, в ворота уже входил Игнат Кочка. Вот молодому ратнику Верка обрадовалась, как родному: его единственного, пожалуй, муж всегда ждал.

* * *

– Дядька Филимон!

Верка всю дорогу крепилась, чтобы не разнюниться: шла-то сюда не за утешением, а за советом, так что не дело выть, да и не любят мужи бабьих соплей – но все-таки не выдержала. Редко с ней такое случалось, а тут...

И речь начала вроде спокойно – но что за наказание! – едва выговорила имя старого воина, как само собой всхлипнулось. И не заметила, как заголосила, а вместо обстоятельного разговора выплеснулось из нее на дядьку Филимона все сразу – и не по делу, как надо бы, а вперемешку.

– Что делать-то? Что делать? Макарушка мой вусмерть спива-ается! Все на брагу пусти-и-ил! Хозяйство валится, дочка его как чужого бои-и-ится! Снохи мне глаза колю-у-ут... Меня до сих пор за столько лет только раз приложил – и то за дело, а тут, как проспится, так в морду. Хоть из дома беги! За что такое? Я ж его, душеньку мою, обиходить стараюсь, из кожи лезу! Ни разу ему поперек слова не сказала! – Верка наконец справилась с собой, перестала всхлипывать и уже не со слезами, а чуть ли не со злостью устало выдохнула. – Ты меня знаешь, дядька Филимон, вот те крест – ни единого слова поперек ему не сказала! Понимаю же... Норов свой в узел завязала и терплю! Зубы крошатся иной раз – а терплю! Мы ли его не жалеем? Я ж...

Клюка грохнулась об пол, и в доме словно все вымерло, даже собаки во дворе заткнулись. Филимон только что спокойно сидел на скамье, вполуха слушая бабы причитания, и вдруг у него лицо пошло пятнами, казалось, борода налилась краской.

– Ты кого, баба, жалеешь? Ратника израненного?

Старик встал и, не подняв клюки, с трудом шагнул к Верке.

– Его беду ему же в укор ставишь?

– Как в укор? – Верка растеряннo захлопала глазами. – Да я ж...

– Ты ТЕРПИШЬ! – рявкнул Филимон. – Его терпишь! Значит, укоряешь? Так?!

– Так люблю я его, потому и терплю! – Верка хоть и подалась назад, но отступить не подумала, напротив, возмущенно вскинулась ему в ответ. – Да как ты не понимаешь? – но тут же вздохнула и сокрушенно склонила голову. – Пусть по-твоему... Да! Терплю! Иной раз и виню. Не железная, чай. Ну, хочешь – убей, дядька Филимон, коли виновата в чем, только научи, что делать-то?!

– Ничего, – Филимон уже выдохся после своей вспышки, отступил назад и устало осел на скамью. – Не сделаешь ты ничего, не сможешь. И я не смогу, – ответил он на растерянный Веркин взгляд. И не шевельнулся вроде, так и сидел, сгорбившись, а ей показалось, будто руками беспомощно развел. – Никто не сможет – ни сотник, ни лекарка, потому как сам он должен, сам... Воином он жил, ратником – вот теперь этот ратник в нем его же и ломает, не может принять немощное тело. У души его нет сил отказаться от прежней жизни, а у тела нет сил такую душу в себе носить. Понятно ли тебе, каково это? Молчи! – прикрикнул он на Верку, но уже открывшая рот баба все-таки успела бухнуть с разгона:

– Да я...

– Молчи! – еще раз цыкнул он.

Верка наконец прикусила язык и замерла – вспомнила, что пришла слушать, а не выговариваться. А Филимон продолжал все так же неспешно, словно сам себе объяснял или размышлял о чем-то:

– Не каждой бабе такое услышать доводится, а лучше бы и вовсе никому не знать... Да и мне бы век таких слов не говорить. Ты уж прости, бабонька, но я сейчас не ради тебя – ради Макара твоего стараюсь, – он невесело усмехнулся ошеломленной Верке. – И тебе это тоже ради него знать надобно, ибо хоть и должен он справляться с этой бедой сам, но без тебя все равно не обойдется. Помочь-то ты ему ничем не сможешь, а вот помешать – запросто. А потому, чтоб поняла, ты вот что... Видела, у крыльца псина спит? Брех от старости только до миски и доползает. Ты сейчас пойдешь, в глаза ему погляди. Только морду его сама руками подними, а то у него сил уже ни на что не хватает. Ну, иди-иди, делай, что сказано!

Филимон наставил клюку на замешкавшуюся Верку, будто собирался ее подтолкнуть. Та недоверчиво взглянула – не шутит ли, но послушно метнулась во двор, исполнять веленое, хоть и не понимала, зачем? Вышла за порог и присела возле старого пса, дремавшего на солнышке. По собачьим меркам все сроки ему уже вышли, да, видно, сказывались хороший уход и забота хозяйская – тянул как-то.

Пес даже головы не поднял – ей самой пришлось помочь; и глаза не сразу открыл – как и жив-то еще, непонятно? Но, видно, все же почуял старый Брех, что не с пустой забавы баба его беспокоит. Поднял веки и глянул на Верку. В мутных слезящихся глазах старого пса промелькнуло что-то... Что – она не поняла, но уже не удивлялась, почему Филимон до сих пор кормит этого едва живого кобеля. А Брех опять взглянул на нее спокойно, словно сказал нечто важное, вздохнул и снова уснул.

Верка в задумчивости вернулась в дом и посмотрела на старого воина уже иначе. Филимон же только кивнул и прищурился на нее:

– Ну? Ты меня сейчас уверяла, что все видишь и понимаешь, а молодого кобеля в нем не разглядела! Он и сейчас прежний, пусть только в своих собственных глазах! – хозяин дома махнул рукой на раскрывшуюся рот Верку. – Да ты не казись, тут не то что баба – не всякий волхв понимает. Даже у обычного старого кобеля в немоющем теле прежняя душа бьется, а тут у тебя на глазах ратник свою душу убить пытается, ибо тяжела она сейчас для него. Или он ее убьет, или она его задавит. Что хуже, и не скажу...

Филимон побряхтел, с трудом поднял клюку и пояснил:

– Коли душа, что в нем сейчас места себе не находит, его в землю вгонит – беда, горе для тебя и дочки твоей, чего уж тут. А если он сам в сердцах свою душу скомкает да отбросит, как мусор в выгребную яму, тебе легче станет? Такое тоже бывает. Филата знаешь? Каким ратником был! Ты хоть еще молода, но помнить-то должна, какие он песни певал – соловьи от зависти замолкали!

Верка закивала было согласно головой, но Филимон снова не дал сказать.

– Не мельтеши, говорю! Сама знаешь: нету более того Филата! Нынешний годен только детей строгать, как кобели по весне, да по хозяйству вроде скотины рабочей. Ты у бабы-то его спроси, у Полухи, счастлива ли она с таким?

Верка невольно похолодела. И тут Полуха! Ну все один к одному... Знала она и ее саму, и Филата. Помнила их молодыми и бесконечно счастливыми в тот день, когда он ее в свой дом женой привел. Сама она сопливкой тогда была, но жила по соседству и вместе с подружками восхищенно гладела на шумную свадьбу и разряженных жениха с невестой. Девчонки, как водится, о своих будущих свадьбах намечтались вдоволь: кто во что нарядится, сколько приданного себе навывшивает да кого подружками позовет...

И ей ли не знать, что сейчас, коли б не дети, которых поднимать надо, утопилась бы или еще что с собой сотворила справная и веселая когда-то хохотунья Лизка Полуха. От прошлой певуньи остался только сильный, но теперь визгливый голос, которым она погоняла мужа, мало чем отличавшегося от коня, которого сам же запрягал в телегу.

А рухнуло то счастье у них как раз после того, как Филата порубленным привезли, и вернуться он в сотню так и не смог из-за увечья. Бабка нынешней лекарки на ноги его поставила, а

вот душу спасти не смогла – запил Филат, совсем, как Макар нынче... И жену, чем ни попадая, прикладывал, и хозяйство у них тогда совсем оскудело.

Поп тогдашний разве что статями от нынешнего отличался, а помощи в таком деле от него меньше, чем от отца Михаила: молись да молись. У Полухи со лба синяк не сходил – столько поклоны била, последнее за свечки отдавала, а проку-то! Филат совсем из краев выходить стал: и били его не раз за неумную пьяную дурь, и дети перед ним на коленях плакали – все без пользы. То ли смерти искал, то ли и впрямь разум терял. До того дошло, что в пьяном угаре за меч пытался схватиться. Поднял бы на своих – убили бы сразу. Вот после этого родня и увезла его куда-то из села. Несколько дней их не было, но вернулся уже другой Филат. Потом узнали – его мать где-то волхва нашла. Грех вроде, но ведь помогло. Вначале...

Филат пить бросил, спокойным стал, и, довольный всем, целыми днями при хозяйстве копошился. Полуха поначалу только что не пела, как прежде, да вот только ненадолго той радости хватило. Что там с ним волхв сделал – неведомо, но вскоре и соседи замечать стали: не похож этот Филат на прежнего. С лица-то вроде и он, а вот как глянет – чужой! Словно и не человек вовсе, глаза, как у нечисти болотной – пустые. За столом только ложку видит, в бане веник да шайку, а в постели будто работу справляет. Бабы у колодца шептались – душу из него вынули, не иначе. Жить так вроде и можно, но это если в глаза друг другу не глядеть, да ни о чем, кроме той же ложки, не думать...

– Поняла, о чем говорю, – одобрительно кивнул Филимон, глядя на то, как Верка от его слов зашлась страхом. – Только ты, бабонька, сейчас ВСЕГО еще не осознала. Пока только тем, что под юбкой спрятано, думаешь. И опять не корю я тебя! – повысил он голос, предупреждая ее возражения или оправдания. – Все верно, раньше тебе о таком и мысли допускать не следовало; пока счастье в доме, о беде думать – ту беду накликивать. Одно плохо: вы ж, бабы, пока до края не дойдет, все бабскими способами сделать норовите! А того не понимаете, что, как не колготись, а своими юбками весь мир не прикроешь – только пыли натрусишь. Твоего Макара хоть взять. Раньше-то, вспомни, коли он палец мимоходом порежет, так твои охи да ахи ему слушать вроде и невместно, а все одно приятственно. Любишь, значит, коли жалеешь, да переживаешь. Но то палец! А сейчас у него душа по частям рвется, а душу ахами-охами да бабьими причитаниями не исцелишь.

Филимон замолчал – то ли устал, то ли давал Верке подумать, и только когда та сама на него глаза подняла, продолжил:

– Ты сейчас зазря не суетись и дома при нем не вой. Ежели совсем уж невтерпеж станет, то со стиркой на реку иди, на дальние мостки – там и реви вволю. А то вон к моей Неониле приходи, та тоже мастерица лягушек сыростью порадовать. Что норов свой, говоришь, в узел завязала – это ты правильно, хвалю, только завязала ты его не тем узлом, что надобно, вот и перевязывай теперь, – подмигнул старый ратник. – Ты же баба шумная, иной раз и вздорная... Что, скажешь – не верно? А коли верно, так запомни: Макар в твоих глазах себя прежнего должен увидеть, тогда и возвращаться будет к чему. Вот так свой норов и выворачивай. И домашним своим хвосты накрути, дескать, грех живого оплакивать. Свекровь у тебя баба разумная – у самой муж ратником был, так что и поймет, и поддержит. Не уверен, что этого хватит, но хоть чуть ему полегчает.

Верка, обнадеженная поначалу советами старика, снова сжалась.

– Да пойми ты, – повысил голос Филимон, – никто от такой боли средства не знает – у каждого она неповторима, потому и лечение всякий раз новое измышлять приходится. Ты мне лучше вот что скажи: заходит к нему кто? Навещает?

Верка открыла было рот, не сдержавшись, коротко всхлипнула и, закусив край платка, задавила слезу, чтобы ответить обстоятельно.

– Игнат Кочка не по разу в день забегают. В другой десяток идти отказался, говорит, покуда дядька Макар слова не скажет, в прежнем считаюсь. Ратники часто заходят. Только и это ему теперь не в радость, я ж вижу. А вот Игнаше рад, он его за сына держит... – Верка замялась, не зная, говорить про попа или промолчать.

– Ну, чего замерла-то?

– Батюшка наш, отец Михаил зачистил...

– И? – явно заинтересовался Филимон. – Слушает его Макар?

– Слушает... Как каменный... А после к нему лучше не подходить, того и гляди, пришибет. Вчера на Игната с кулаками бросился – тот сразу после попа сунулся. Грозился кости переломать...

– Макар?

– Не-е, Игнаша! Говорит, пришибу, коли дядьку Макара в могилу загонит! – вздохнула Верка.

– Дурак! Ну, да я поговорю с ним. А что отец Михаил?

– Все смириться уговаривает! Коли, говорит, сложилось так, то только смирение и остается, – Верка уже не хлюпала носом: в голосе звучала то ли горечь, то ли насмешка. Филимон слушал внимательно, не перебивая, только головой кивал. – Слова-то он хорошо складывает, а все одно выходит: воля Божия, значит. Кара его. Страдания эти во искупление, за грехи. За жизни, загубленные на стезе воинской, Макара корит...

– Опять за свое взялся! Ну... – растеряв все свое спокойствие, Филимон вдруг выругался так заковыристо, что Верка ойкнула. Не часто и не всякому доводилось видеть старого рубака в таком бешенстве. А тот со всей мочи саданул клюкой по столу – как только не сломал? – Неймется ему, мало Олега с Иваном! Волхвы Филата заговором поломали, а этот крестом да молитвой – и всей разницы! Ничего, укоротим, здесь мне и сотник не указ!

– А вчера он и вовсе уговаривал Макара коня продать. И справу воинскую, – вздохнула Верка. – Чтобы, говорит, к греховному не тянуло. И хозяйство на те деньги справить...

– Не вздумай, баба! И намекать Макару не моги!

– Что ж я, совсем дурная?! – возмутилась Верка. – Кто другой такое сказал бы – сама бы в шею выпихала! Но ведь грех попа-то... Да и не со зла он – отец Михаил добром вроде...

– Не вздумай! – словно не слыша ее, в сердцах повторил Филимон, – то серебро кровью отольется! Слышишь? – старый воин перевел дух и пояснил: – Вот и этого я тебе говорить не должен, да придется... Отец Михаил не со зла, конечно, но он не понимает или понять не может, что нельзя ратника, хоть и увечного, заставлять с поля боя отступить. Не научены ратники сдаваться – из них это еще в ученичестве выбивают. А он его уговаривает именно сдаться, вместо того, чтобы помочь ему бороться. Так что и думать не смей!

– Ну, не полоумная же я, понимаю! – всплеснула Верка руками. – Потому и пришла к тебе. Прокоп присоветовал: на днях зашел, во дворе постоял, послушал, чего Макар орет спяну, да и говорит: «Иди к Филимону. Если кто и поможет, так только он». Вот я и пришла... Научи, век тебя поминать буду! Внукам накажу, подскажи только... – Верка хотела поклониться по обычаю, но не выдержала и снова разревелась.

– Цыц, баба! Хватит, говорю, а то половицы отмокнут, весь пол поведет! – рыкнул Филимон. – Я тебе о чем толкую? Заруби себе на носу: слезами да уговорами ты его только в могилу загоняешь! Умом тут надо. Поняла? – Верка часто закивала. – Во, я ж говорил – не дура! А потому, бабонька, найди что-то такое, что его с прошлой жизнью вяжет крепче, чем с жизнью вообще, что и после смерти для него пустым звуком не станет. Вот за это коли зацепишь, то и вытащишь. Ты жена, ближе тебя никто его душу не видел, тебе, выходит, и думать. Надо, чтобы он не смирялся, а нашел силы подняться и бой принять. Не с половцами – это-то он умеет, а с судьбой и бедой, а это потруднее, чем всемером против сотни выстоять. Поняла? То-то... А теперь домой иди, а то и впрямь пол отмокнет.

Домой Верка возвращалась, поливая дорогу слезами, но перед самыми воротами опомнилась, остановилась, вытерла лицо концом платка и в ворота зашла, закусив губу.

Макар, еще не отрезвев со вчерашнего, валялся на лавке, на которую она же его накануне и втащила. Накормила прибежавшую дочь и, отправив ее с подружками по ягоды – со двора подальше, взялась за бесконечные домашние хлопоты. Вот только слезы куда-то подевались. Сами.

И даже мысли приходили совсем другие: «Хватит, наревелась! Наскулилась в подушку досыта! Прав, Филимон – не с того боку к Макару мостилась. Жалостью да причитаниями никому не поможешь и не спасешь, делать надо что-то. Вон, даже отец Михаил, хоть и негодный, а все-таки выход какой-никакой предлагал. На него сердилась, а сама-то только и смогла, что кудахтать, как курица, пока дядька Филимон носом не ткнул! Ну, прямо хоть об стену головой постучись с досады на свою глупость. А тут умом надо. И в один день тут не упрaviшься, как ни старайся».

Верка внимательно огляделась, будто впервые попала в свой дом. Поднялась, заглянула за печь, вышла в сени. Нет, она ничего не искала, просто пробовала увидеть все по-новому. Как он на это смотрел? Никогда об этом раньше не задумывалась. Макара ведь не столько раны мучили, сколько будущая жизнь страшила, вот и прятался он от нее в пьяный дурман. Чего там Филимон велел? Найти, что такого у Макара было, без чего он жить не мог?

Дочка Любавушка? Хоть и любит ее отец, но здесь что-то другое нужно, а не дочь. И не жена. А что? Оружие да воинская справа? Конь боевой? Ну да, наверное. Воинское добро дорого стоило, но Макар никогда не был до серебра жаден. Что же тогда?

Верка в который раз подошла к лавке, на которой спал Макар. Во дворе под навесом всхрапнул Рунок: он чуял хозяина и удивлялся, почему тот не выходит, почему не угостит горбушкой с солью?

Почему-то пришло в голову, что коли справу воинскую продавать, то и коня тоже придется. Верка вздрогнула: ни разу еще она не видела своего Макара, бредущего пешком к месту сбора сотни! Ну, никак не могла представить себе такого! И вдруг так горестно стало, словно в этом-то и есть главная беда – что он верхом не сможет больше! Ну, разве что самую малость, да и то шагом, а так, как раньше – легко, сидя в седле как влитой, уже никогда не пролетит галопом по Ратному. Был всадник, да весь вышел.

Вспомнила, как когда-то обижалась на мужа, что-де не ценит молодую жену, одну ее бросает. Понятно, что не своей волей уходил, сотник решал, и знала прекрасно дочь и внучка ратника, что не сможет муж остаться с ней, даже если захочет, но он-то словно не на битву, а на гулянку собирался, гад такой! Ему она, конечно, ничего не говорила, но себе-то зачем врать? Глупости несусветные в голову не раз приходили: не нашел ли себе где-то там зазнобу, что так рвется из дому? Мечтала, чтобы хоть раз ради нее дома остался, в поход не пошел... Дождалась, называется! Сбылась мечта! Ох, и дура же!

Но делать-то все-таки что-то надо. Подошла к стене, где, растянутая на колышках, висела кольчуга. Под ней меч в ножнах, слева щит, воинский пояс с мешочками, набитыми походным имуществом, сверху шлем с личиной и бармицей. Не Макара – отцово да дедово. Боевое снаряжение, которое он в походы брал, отдельно в сундуке хранилось. Мог бы Макар себе и подороже, и понаряднее справу подобрать, но вспомнился почему-то давний случай на ярмарке, когда заезжий купец предлагал Макару купить дорогой доспех, особо нахваливая его богатую отделку. Но муж только отмахнулся, посмеиваясь: «Пусть князя в золоченой броне красуются, а я свою ни на что не сменяю! Какой прок в вещи, если душа от нее только раз вздрогнет?»

Верка открыла сундук с воинской справой, вытянула и растянула его кольчугу. Вот след рубленого удара – от последнего похода отмети́на. И вот еще... А вот кольцо разорвано.

Страшно.

Сколько раз видела она на теле мужа синяки и шрамы, и каждый раз Макар полупутья-полусмеясь отвечал, что вот-де половец дурень, саблей махнул, да не по его силе броня на ратнике. Выходит, это железо ее Макару жизнь спасало? И как же ратник после такого может не любить свою воинскую справу? А отец Михаил говорит – продать. Да как же можно побратима продать? Он хоть понимает, чего несет-то?

И не заметила, как руки сами потянулись к кольчуге, расправили ее, попытались соединить разорванные кольца... Потом подумала, вытащила из-под лавки суконную тряпочку и принялась уже осмысленно чистить мужнин доспех. Не женское дело, но и ничего такого нет, чтоб она не сумела: много раз видела, как это делают воины.

Вышла во двор, набрать песка, чтоб до блеска надраить, и вдруг услышала у соседей за тыном какую-то суету, словно хозяин тоже со своей бронью возился – звяканье железа она с детства хорошо различала. Не успела подумать, что и сосед, похоже, справу свою проверяет, как в воротах показались Макаровы братья и тоже за свое снаряжение взялись. И спрашивать их ни о чем не пришлось: старший деверь сам свекрови сказал, что смотр завтра поутру, сотник наказал всем ратникам и новикам явиться в броне и со справой воинской.

Дальше Верка не слушала: словно для нее сотник подгадал. Только как ей, совсем молодой бабе, к начальному человеку со своим делом подойти? Не до нее перед смотром, а после – поздно будет. Как ноги ее опять к дому Филимона принесли, она и сама не знала.

Глава 3

Макар. Возвращение

Утром, еще по росе, за тыном у реки начали собираться ратники и новики. Привычно разбивались по десяткам, идесятники придирчиво устраивали им смотр.

Макар, несмотря на тяжелое похмелье, все же добрел до места сбора, присел на бревно у тына и стал ждать. Мимо на боевых конях гарцевали его старые приятели, кто-то с высоты седла кивнул мимоходом, но рядом никто не задерживался. Устин остановился, будто раздумывая – подойти или нет, но его окликнули свои, и он, как показалось Макару, с облегчением, прищипорил коня, спеша на зов товарищей. Но в основном ратники равнодушно проезжали мимо, изредка бросая взгляды, словно недоумевая, а *это* что здесь делает? Бывшие друзья то ли с досадой, то ли с жалостью отводили глаза: не видели они тут прежнего Макара, а нынешнего – расхристанного, с испитым, помятым лицом – и видеть не хотели.

Вот от этого-то ему и стало плохо. Разум Макара, затуманенный от нестерпимого желания похмелиться, был сейчас не расположен каяться и корить самого себя за подобное отношение ратников, а потому услужливо подсунил объяснение: вот она, дружба боевая, называется! Стоило только в беду попасть, как сразу все отвернулись. Не нужен! Никому не нужен. Совсем. Калека, чурка безногая – да любой сопляк-новичок и тот больше уважения имеет. И поделом, нечего было сюда тащиться. Зачем пришел? Не про него теперь строй воинский, зачем себе душу травить? Хлебнуть бы сейчас браги, забыться. Совсем. Без возврата чтобы.

Между тем гул голосов и лязганье железа стихли. Кони, повинувшись своим хозяевам, замерли.

К строю приближался сотник.

– Здрaвы будьте, ратники! – рявкнул он во всю глотку, оглушив, похоже, всех петухов в Ратном.

– Здрaв будь! – с удовольствием, стараясь переорать друг друга, ответил сотнику строй. Тот удивился и только бородой качнул.

– Да-а, вовремя я вас из-под баб вытащил. Совсем, гляжу, силушкой оскудели. Как щенята слепые вякнули, ни хрена не слышно – бабы у колодца и то громче гомонят. А ну, еще раз! Здрaвы будьте, ратники!

Как по селу крыши не снесло? Не иначе, чудом.

– А ну, еще разок! Здрaвы будьте, ратники!

На этот раз наверняка перепугали всех медведей верст на сорок, не меньше.

– Вот теперь слышу, – улыбаясь в усы, пробурчал сотник. – Самую малость.

Макар по привычке, не соображая, что и зачем делает, тоже поднялся, грудь выпятил, спину спрямил; впервые после ранения показалось, что он опять вместе со всеми. Не было ни половецкой булавы, ни увечья – только строй ратников, задорно орущих привычное приветствие, одуряющий запах оружейного сала и сбруи, кружащий голову и заставляющий что-то восторженно, по-щенячьи, повизгивать. Только храп коней, не меньше своих хозяев довольных сплоченным строем и общим задором. И еще был ратник Игнат Кочка, стоявший в одиночестве, но старавшийся орать за весь погибший десяток разом.

Солнце над лесом, звенящие брони и голоса десятников, докладывающих сотнику. Мальчишки Ратного тоже построились чуть в стороне и жадно глядели на доспехи взрослых. В отдалении шныряли девчонки, а девки постарше сбились в кучку и, хихикая, обстреливали взглядами новиков и молодых ратников.

Все как всегда, как и во время прежних воинских смотров: для ратников дело, для остальных почти праздник. Было все. Не было там только Макара: и ноги держать отказались, и глаза словно пеленой заволкло, и изо рта вылетало что-то каркающее, противное. Не воинское.

Десятники по очереди отчитались каждый за свой десяток, и сотник двинулся вдоль строя, придиричиво его осматривая и время от времени устраивая кому-нибудь разнос за небрежение. Никто и не пытался оправдываться: все хорошо понимали, что не из вредности он цеплялся – их же жизнь это в походе сбережет. Зато и докуки теперь всем хватит на неделю: сотник все, что сказал, помнит, а что забудет – десятники подскажут.

Только вот Макара эти хлопоты уже не касались. Можно сидеть на бревнышке, греться, бражкой баловаться. Наслаждаться жизнью, короче, покуда от такого счастья в петлю не полезешь или в браге душу не утопишь. Спросить только, чего это сотнику от него понадобилось, зачем велел прийти, да до дому. Ото всех, к браге.

С первого раза тот его и не услышал, пришлось голос напрячь. Обернулся, посмотрел сверху вниз с седла, словно не то что не узнал, а сомневался, что узнал верно. Лучше бы в морду дал.

– Звал, сотник? – слова едва выдавились из горла.

– Эх-кхе... Я десятника Макара звал, дело у меня к нему важное. Было... – Об умершем так говорят. – Значит, больше нет никого. Вот незадача... – не замечая Макара, посетовал сотник. – Кого теперь ставить, ума не приложу.

Земля колыхнулась, на голову словно перину накинули; ноги, и так не больно послушные, и вовсе едва держали. Не врал себе Макар, знал – не ратник он теперь, не для него путь воинский, да только жила надежда – детская, глупая, ничему не верящая надежда: вот скажет слово сотник, и вернется к нему если не прежняя сила, то хоть место в строю, и право ходить со всеми в походы. Пусть не для сражений – для помощи хоть какой.

А теперь нет ему места в этом мире.

Как до бревна доплелся, как сел – не помнил. В глазах прояснилось только после ковша воды на голову. Рядом шебуршился Кочка, здесь же стояли несколько таких же, как и он сам, увечных воинов во главе с Филимоном и Титом.

«А и плевать, пусть стоят, теперь все равно. Даже жизни самого себя лишить – и то нельзя, предательство это. Значит, одна брага остается. Встать бы вот только...»

– Никак, обиделся? – над головой голос. Тит, похоже. А ему-то какое дело? – Глянь, Филимон, титьку отняли. Не заплакал бы!

– Не, Титушка, титька и утешение его дома ждут, – Филимон знал, куда побольнее ткнуть. – Вот сейчас откусает бражки, а уж с нее и поплачет, и похнычет, и Верке в подол обсоплвится.

Макара замутило. Даже не от злости, а от обиды.

– Ты...Ты... – слова застряли, да и слов уже не было. – С-суки...

– Эт мы-то? – выдвинулся вперед Дорофей Колот. – Ты себя-то видел? Тоже мне, кобель драный...

Макар опять словно в стену с разбега ткнулся. И это дядька Дорофей говорит? Который учил его копьё держать, с которым столько раз от врагов бок о бок отбивались!

– Что? Тошно? – Тит только что не хихикнул. – А ты и впрямь на себя полюбуйся. Ты куда заявился? Ты где сейчас сидишь, соображаешь? Или совсем голову брагой заквасил?

– Что? – глаза сами поднялись на стоявших перед ним.

– Что-что? Рожу-то когда в последний раз споласкивал? Зеркальце вон у Аньки Лисовиновой спроси да глянь. Только пусть Верка сходит, а то с твоим мурлом тебя там не признают, Фрол со двора выкинет!

– Что смотришь? Или не понял еще? – вступил в разговор Филимон. – Ты ж Пантелея покойного с головы до самых пят обгадил! Он тебя десятником прочил, за себя оставил, а ты его так... На смотрю сегодня только ты да Игнат Кочка от десятка были. Сволочь ты, Макар, распоследняя! На себе крест поставил – хрен с тобой. А парня зачем в дерьмо сунул? На сотника он разобиделся, ишь! Сотник сегодня *десятника* Макара звал, а не дерьмо в заляпанных портах, с мордой синюшной! Чего таращишься?

– погоди, Филимон... – Тит примостился на бревне рядом с Макаром. – Ни хрена он сейчас не понимает. И что половцам задолжал, не помнит, и что тому же Кочке за старшего приходится. Без его слова парню ни в десяток другой, ни в поход. Сотник с десятичества-то не снимал!

Макар сидел, слушал, словно не о нем говорили. Ишь, разлаялись. На смотр пришел не такой! А какой? Откуда-то возникло раздражение, что-то беспокоило, словно занозу в зад засадил. Потянулся рукой к пояснице и... только потер бедро. Воинского пояса на месте не было! Он вдруг понял, что вообще не помнит, когда в последний раз занимался своей справой, да и где она? На месте ли?

Нет, не вспомнить.

Рунка тоже вроде нет. И про него Макар забыл. Отец Михаил приходил – это запомнилось. Поп чуть не каждый вечер ныл о грехе, о спасении души, уговаривал справу и коня продать. Вчера вроде тоже... Неужто?!

Такого ужаса от одного только предположения Макар не испытывал с того самого раза, когда, очнувшись впервые после ранения на телеге, счел себя ослепшим. Не мог он такого сотворить! Или мог? Спать в сердцах чего не делалось. Чего там Филимон талдычит еще? А-а, не до него! Неужто поп таки пьяного утлок? Убью!

– Убью! – Макар схватился за костыль, ратники отшатнулись. – Убью, гад!

Колот собрался было перехватить, но Филимон его задержал, пока Макар, мотаясь из стороны в сторону и матерясь от боли, торопился к дому.

– Ты за что его укусил-то? – Тит присел на место Макара. – Куда он кинулся?

– Не знаю, Титушка, вот уж не знаю, сам хотел бы понять. Но куда-то попал, хорошо бы не пальцем в небо, – Филимон, не ждавший такой выходки от Макара, озадаченно потирал ноющую спину. – А вот кого он убивать собрался? Дорофей, ты уж пробегись за ним, как бы он не сотворил чего. Вон, Кочку с собой прихвати – поможет.

К дому Макар приковывал злой до крайности от собственного страха. От одной мысли, что на его Рунка какой-нибудь косорукий и дурной на голову замахивается плетью, у Макара мутнело в глазах, и попадись ему по дороге ратнинский священник, церковь наверняка осталась бы без него. Ворота на родное подворье не хотели открываться, порог в дом вырос чуть не до колен, и перешагнуть его стоило Макару большого труда.

Вот и клеть. Сундук со правой здесь должен стоять. Нету! Не может быть... Вот тулуп какой-то... Под ним? Нету! Где? И братья ушли – где-то со своим десятком, видать.

К печи, у которой возилась жена, Макар вывалился, уже с трудом соображая хоть что-то.

– Где? Справа где?! – он безуспешно попытался удержаться на ногах, но все же упал. – Верка, стерва, куда дела?!

– Макар, да ты что? Куда велел снести, там и есть... – Верка глазам не верила: перед ней опять ее муж! Взгляд бешеный – того и гляди убьет, но глаза прежние. Его!

– Беги! Беги, говорю! Скажи, не отдаю. Ни за какие... Назад пусть несут! Верни все, доплати! Не отдам! – Макар полз к ней, матерился, пытался встать, падал и снова матерился, а Верка млела от счастья. Вот уж никогда не думала, что мужнина брань покажется слаще соловьиной трели.

Любопытно, чего там, на смотру, сотник ему сказал? В нитку вытянется, а узнает! Жизнь длинная, да и дочке наука пригодится. Макар наконец добрался до печи и, ухватив за подол Верку, кое-как поднялся.

– Беги, дура!

– Куда бежать-то? Ополоумел совсем? Здесь твоя справа, дома. Сам велел сундук в дальнюю подклеть перетаскать.

– Я? – Макар попытался переварить сказанное женой, но все равно ничего не понял. – Зачем?

– А я знаю? – Верка старательно переводила разговор в привычную до ранения мужа беззлобную перепалку, даже руки в боки уперла, как бывало. – Ты ж налил да заорал, как полоумный! Де поп давно на твою снасть воинскую зарится, что кто их, попов, знает, мож, и спереть вздумает! Вот и велел все воинское железо в дальнюю подклеть сволочь, и остальную справу тоже. Сдалось оно отцу Михаилу! А мне оно надо – с тобой спорить? Братьев – тебя унять – дома не оказалось, так я чуть не надорвалась, пока дотащила! А ты дрых, скотина пьяная! А теперь на меня же и лаешься!

В другое время такой поворот не остался бы без внимания Макара, и скандал получился бы на славу, но сейчас его не это волновало: скорее бы глянуть, все ли на месте.

– А Рунок где?

– А где ему быть, коли хозяин бражкой занят? На лугах, в табуне.

На крик уже не оставалось ни сил, ни желания.

В дом вбежал Кочка и следом за ним Колот.

– Об чем шумим? Никак, плясать наладились? А чего в обнимку?

– Ох, вовремя вы... – Верка обрадовалась им как родным. – Дядька Дорофей, помоги! Макар вот ногу подвернул, а его в дальнюю подклеть довести надо. Игнаша знает, покажет.

– Ничего, управимся. Кочка! Ты где, пень моченый? Занавеску откинь! – Колот, особо не напрягаясь, погрузил Макара на плечо и понес, как колоду. – Не трепыхайся! Ты-то меня версту тащил, как тать торбу краденую – бегом и с оглядкой, чтоб не заприметил кто. Забыл, как от своры степной спасались? Ничо, завтра староста баню на всю ораву ладит, там и повспоминаем... – бурчал Колот, протаскивая друга в низкие двери. – Здесь, что ли? О, Кочка, пень моченый, посвети да кинь чего-нить на сундук. Десятника надо устроить с удобством. Учишь вас, учишь, пней моченых, и все без толку!

* * *

...Пантелей веником машет, словно половцев по степи разгоняет, а не старого друга парит. И Влас который ковш кваса с хлебной корочки на каменку плещет. Ух, и любят в десятке Пантелея попариться! И всегда хоть в дубовый, хоть в березовый веник, а добавляет десятник крапивы, для ядрености. Уже и стены трещат от жара, а Кудлатый ржет да тоже веник берет – сейчас они с Пантелеем на пару...

Квасок холодный, игристый, легко на душу ложится. Как в Ирии побывал! Весь десяток за столом в предбаннике от жара отдыхает, только Кочки нет – так и не положено новику, покуда баньку в порядок не приведет.

Кудлатый опять чего-то врет, Вершень в лад ему подвирает, а все так и покатываются. И не слышно, чего говорят, но все одно хорошо. Только вот глаза у Пантелея странные какие-то.

Вроде и как всегда, да только куда десятник ни повернется, а все на него, на Макара, глядит. И остальные тоже. И смех, и разговор их далеко где-то, словно за стенкой, а взгляды тут, рядом остались. И так глядят, словно виновен он в чем. Да что ж такое-то? Неужто чего подлого совершил? Я ж с вами вместе до самого конца!..

А сзади в предбанник половец лезет, тот самый, которого Макар последним в брюхо пырнул. Не видит его Макар и повернуться не может, но точно знает – он это, а следом и остальные, порубленные им в последнем бою. И хохочут все, мерзко так ржут, будто рады чему-то, особенно тот, последний.

А Пантелей уже свой десяток уводит. Прямо так, через стену предбанника и уводит.

– Эх, Макар, Макар! Как посмел друзей боевых бросить? Мы на тебя, как на последнюю надежу, а ты... Один остаешься... Теперь навсегда... Прощай...

– А я? Я с вами! С вами я должен!

Макар рванулся следом, да половец сзади насел, не пускает, регочет пуще прежнего.

– А, урус? Храбрый урус! Теперь с нами будешь! Нам служить станешь!

И остальные вторят! Бросился за своими следом, но стена ударила по большому колену, разбила в кровь губы, рассадил лоб...

– Макарушка... – Верка за спиной пыталась его удержать. Он и сам рад бы остановиться, да тело колотилось о стену, словно лещ на камнях; волнами накатывала судорога, и не хватало дыхания.

– Не предавал я! Не предавал! С вами остался! – и ведь проснулся уже, не спит, а сон все не кончался, и не стихал голос десятника:

– Ты ж нашей надежей был! Надежей...

Вроде отпустило немного. Братья прибежали, оторвали от стены, усадили на скамью, почти силком влили в горло что-то холодное. Тело отпустило, а за спиной все тот же половец глумился, рабом своим называл, и некому свернуть голову поганцу, некому его глотку заткнуть.

Дождь слово по чьему-то наущению с полночи капал, охлаждал голову. Ночь на исходе, а мыслей все не убавлялось.

Ни слова дурного не сказали ему вчера друзья, не попрекнули ни разу. Тогда с чего сон такой, что в петлю лезть хочется? За что Пантелей с того света укорил? Почему половец этот в его сны пришел и уйдет ли теперь? Неужто и впрямь подлость совершил? Чего с собой-то в жмурки играть? От себя не спрячешься.

Вспомнил вдруг, как Кочку в ратники посвящал... Эх, и это из головы вылетело! Уже тогда мальчишка его носом ткнул, выходит, да мало оказалось?

* * *

Обоз остановился на дневку, когда до дальних ратнинских огородов оставалась всего четверть дня пути. Надо было и себя, и имущество в порядок привести: на сроду не стиральной рухляди, что взяли с половцев, и вши, и всякая другая пакость всегда стадами паслась. Зачем такую радость в Ратное тащить? Конечно, обозники, когда по телегам добро раскладывали, все сушеной полынью с ромашкой-зеленушкой пересыпали, не жалея, но все равно, перетряхнуть да свежим пересыпать не лишнее.

Макара разбудила перебранка обозников: всяк норовил подогнать свою телегу поближе к реке да раскинуться пошире, а места сотник выделил не сказать, чтобы много, потому как растянется обоз вдоль берега – беда может приключиться. Вроде и рядом уже места родные, а кто знает, кого сейчас в лесу носит? Да и лесовиков не всех еще замирили.

Солнце только еще просыпалось, забелив небо на востоке, а в лагере все уже давно поднялись. Макар, не шевелясь и прикрыв глаза, прислушивался к творящемуся вокруг его телеги водовороту.

Ругались обозники задорно, иначе и не скажешь, с душой. Ратники, конечно, тоже не колокольчики лесные и заворачивали порой – сосны качались, но вот так, с вывертами, да присказками, с подковырками, да со словечками, по всему миру собранными, умели только обозники.

Ага, вот Петруха материл своего помощника, молодого парня, в первый раз взятого из дома с обозом. Тот умудрился опрокинуть под ноги кашевару два ведра только что принесенной воды. Тут же Карп каркал, как ворона, указывая новикам, что надлежит сделать, покуда утреннюю кашу по мискам не раскидали.

О! А это уже где-то в стороне сотник самолично разнос кому-то учинил. И, похоже, не обозному.

Пока каша не поспела, и подремать не грех, благо нога хоть и болела, но уже меньше, чем в первые дни. Тут главное – лишний раз не шевелиться, особенно с утра, этому Макар за дорогу успел научиться. Только не заснешь, когда вокруг такое творится. Волей-неволей фыркнешь, когда услышишь, как Хлопуша своих посылал по тем дорожкам, что и лешему не сыскать. Вот же не повезло человеку – ему бы по его норову да стати ратником быть, а у него одна рука с детства сухая – только видом на руку походила. Такой не то что меч – бабу за титку не ухватишь.

Лежать бревном Макару надоело, захотелось если не вместе со всеми делом заняться, так хоть оправиться по-людски, а не под себя. Но пока и про это мыслить рано, а Ильи рядом не видно. Пришлось самому потихоньку устраиваться – мешок с сеном рядом.

– Дядька Макар, погоди, помогу.

Макар дернулся и тут же взвыл от боли в ноге.

– Кочка, ты? Мать твою! Игнаша, жив?! – единственный новик из десятка Пантелея стоял рядом с телегой и лыбился, как девка на торгу. Когда Макару сказали, что погиб весь десяток, кроме него, он и не вспомнил, что Игнат в тот день вместе с остальными новиками грузил обоз – так привык, что этот вечно лохматый парень всегда за спиной. – Ох! А я уж думал... Ты где пропадал, охламон?

– Так здесь и пропадал. Пока ты без памяти лежал, я с дядькой Ильей по очереди. А потом в дозоры от нашего десятка ходил. Сегодня вот до ночи свободен.

– От какого десятка? – не понял Макар.

– Так от нашего... – парень тоже не понимал, что так удивило Макара. – Больше-то пока некому.

– Так нет больше десятка. И Пантелея убили.

– Как нет? – в глазах Игната вспыхнула обида. – А ты? И я тоже! Дядьки Пантелея нет, стало быть, теперь ты за него десятником. Ну, и я новиком у тебя под рукой.

Макар скрипнул зубами: докатился! Новик поучал его, ратника, заслуженного в воинских делах! И ведь правильно поучал, по делу! Да-а, видно, здорово его та булава достала! Только все равно мало, еще надо бы, да по голове по пустой, для прояснения мыслей.

– Батя мне, когда провожал, так и наказывал, – продолжал Кочка, словно не Макару, а всем что-то объяснял. – Десятника во всем держись, а после него – Макара. Он правая рука Пантелея и его преемник в десятке...

– Ратником будешь! – перебил парня Макар.

– Чего?

– Ратником, говорю. Илья придет, сгоняй, позови Луку Говоруна. Да Леху Рябого с Еремой-старшим. Для ручательства двое надобны, ну, да тут лишних не бывает.

Парень, похоже, такого не ждал: по делу-то раньше осени воинского пояса ему не видать. Да и не часто вот так, в походе, коротким обрядом обходились. Но тут Макар в своем праве. Да и что это за десяток – десятник да новик? И других новиков в такой десяток не дадут, и потом кто ж десяток из одних новиков в бой пустит? Да и где теперь тех новиков брать? Не так много парней в Ратном – не выберешь: молодых бойцов их родня себе под крылышко всегда старалась определить. Но так далеко Макар решил пока не загадывать – до дома сначала добраться бы. А пока предстояло решить неотложное.

Первым подошел Ерема – седой, но не старый еще ратник, предпочитавший в бою секиру, что само по себе не часто встречалось. Ему и пояснять ничего не пришлось: поглядел и сразу все понял. Уселся на задок телеги, спросил о чем-то, да так, вроде бездельно, и дождался Рябого с Говоруном.

Недолог и немудрен походный обряд – новика воином назвать да слово сказать над воинским клинком. И ратникам для раздумий причин нет, все всё видели и всё знают. Негодного или просто в ком сомнение есть, десятник ТАК бы, своей волей, без испытания, не опоясал. А потому пояс, полученный в походе, среди ратников, пожалуй, ценился поболее, чем тот, что как положено, дома со всеми обрядами вручался.

После похода, в Ратном, на кругу воинском объявят его полноправным ратником, равным остальным, опояшут поясом с серебряными заклепками, да меч в новые ножны переберется. К вечеру все Ратное в гостях у отца новоиспеченного ратника побывает да по чарке хмельного за молодого воина поднимет. Тогда и девка, что из похода его ждала, ковш меду на травах ему поднесет да ревниво поглядывать станет, чтобы какая другая не сманила ее ясна сокола. Это потом, после праздника отец с матерью молодого ратника «не заметят», что ночевал сын на сеновале. Это потом...

А сейчас, вот так, просто и без лишних слов ручаются трое опытных бойцов за своего молодого соратника, берут на себя и позор за его будущие проступки, и почет за его славу. И до смертного часа будет теперь парень почитать для себя святым этот день, когда возле телеги, на которой лежал его порубленный десятник, ратники своим словом и ручательством намертво связали его с воинской стезей. Не зря, видно, Перун или еще кто из богов, воинам близкий, не дал половцам погубить парня. На нем теперь лежит долг за весь десяток.

* * *

Вот и Кочку он подвел.

И опять хохочет половец:

– Э, урус, был смелым, а теперь себя боишься! Трус стал урус! Иди ко мне, черный кумыс пить дам!

«Может, не половиц, а совесть покою не дает? Ну же, Макар, не ври себе, а то уж и сдохшие половицы над тобой насмеются. Предал и Пантелея, и весь десяток! В свои беды с головой зарылся, про долги забыл. Или не забыл, а в мешок сунул, чтобы себя, бедного да несчастного, жалеть не мешали? Нет, не забыл ни о долгах, ни о десятке. Значит, не предавал? Тогда почему?»

Не потому ли, что веры больше нет ни в силу свою, ни в будущее? Нет веры в то, что удастся свои долги половицам вернуть. Но не только это.

Думать! А как? Не так же, как Степан с Пименом Устину советовали. Мне тогда Пантелей снился, будто о беде предупреждал...»

В первые дни после ранения Макар от слабости то и дело проваливался в сон, особенно, когда унималась боль. Вот и в тот раз не заметил, как задремал, и не удивился почему-то, увидев возле телеги своего покойного десятника, пришедшего его навестить. Тот стоял рядом и повторял то, что Макар уже не раз от него слышал: что не ладно-де в сотне, раскол пошел по десяткам. Что слабеет сотня, не дело творят пришлые роды. Да один из четырех, коренной, тоже к этим смутьянам примкнул, а это большой бедой обернется. Пантелей тогда говорил и говорил, вначале явственно, а потом словно издалека, вроде слышно, что говорит что-то, а что – уже не разобрать.

Макар даже обиделся на него: не видишь – пораненный лежу, ни до чего мне сейчас.

И голос Пантелея сразу яснее стал:

– Не дело говоришь, Макар, не дело. Самое время теперь и поразмыслить о делах ратнических. Никто не мешает, никто не тревожит, лежи – думай, а не додумаешь что, меня кликни, мы теперь всегда рядом.

Макар головой спросонья потряс. Приснится же! Но голос не утих – бубнил за телегой, словно и впрямь Пантелей в гости наведаясь. Вот только не десятник сидел у костерка в вечерних сумерках. Не понадобилось и смотреть, кто у огонька устроился: своих по голосу узнают.

– Мне что, я и у мельницы отсидеться могу. Люди мне верят, никого никогда и на горсть соломы не обманул. Живу, сам видишь, справно. Дом, почитай, полная чаша, так что я не за свой прибыток хлопочу. Тут в сотне дело... – Степан говорил спокойно, словно с неохотой, но и прерываться, похоже, не собирался. – Ты вот глянь: вроде и хорошо все пока, и половицам по зубам дали, почитай, полторы сотни погони положили. И с боя полно добра взяли, да с общей доли тоже получим немало... – мельник ненадолго умолк.

– ...Ты чего все одно и то же толчешь? Это я и без тебя знаю. Ты лучше скажи про то, что я, убогий, уразуметь не могу. Али нечего? – Устин, даром, что не стар еще, а кольцо серебряное уже получил. Воин из лучших, таких и десятники выслушать не гнушаются.

– Э, ладно приbedняться-то! Убогим ты был, покуда полкотла Петрухиной каши не умял. Половину сотни обездолил, на ночь глядя! – захохотал Степан. Следом заперхал Пимен, а потом вступил и Касьян-кожемяка; его простуженную глотку ни с чем не спутать. – А теперь вроде чуток поумнее стал. Вот под утро глянем в кустах, на сколь умнее. Все мы умнеем, у котла-то!

Макар невольно фыркнул, но у костра его то ли не услышали, то ли просто внимания не обратили.

– Будь нам охота с дурнем почесать языки, Битюга бы вон позвали, он на кашу дюже падкий. Потому и говорим с тобой, что для сотни ты кровь от крови...

– Ну да! Я уж зарумянился. Дальше валяй!

– Угу. Касьян, плесни кваску, будь милостив... Ага... вот так... Ух, хорош! Так вот, все вроде в сотне у нас, как и следует, только ты глянь-ка вот как... Отчего, скажи, долю Семена

Копаня, новика, из первого же похода мы домой везем, а не он сам? Меч его только двоих половцев посесть и успел. С чего? Ну?

– Так молодой еще... был... И с двумя сразу, да пешим.

– Да? А железо, помнишь, он куда поймал?

– В брюхо. Не повезло. Сколь мучился перед смертью, и вспомнить тошно.

– Нет, ты вот скажи – почему?

– Потому! Говорю ж, молодой был, – Устин никак не мог взять в толк, чего от него ждали товарищи.

– Молодой – не молодой, а обоих враз посесть, – буркнул Пимен. – А пырнули-то его ножом засапожным. В голое брюхо...

– Так я и говорю, молодой еще, доспеха путного не имел. Что был – и тот с учения остался.

– Во-о-о... – протянул Степан. – А теперь ты мне еще вот что скажи... Видел, как ратники Пантелея легли?

– Ну, не успел я к ним. Не успел! – голос Устина сделался враз злым – до сих пор, видать, себя за свою оплошку у обоза корил. – А ты меня, что, за мое брюхо виноватить собрался, что ли? Так и ты к ним не поспел, не тебе и корить! Перед бабой и детьми Пантелея сам повинюсь, не твое дело!

– Ага, вот только и дел у меня, что с твоей задницей суды рядить. Сам с ней разбирайся. И не винит тебя никто, успокойся. Я ж совсем другое спросить хотел. Раны их видел? Куда их железом достало? Ну?

– Так все видели... И что? – заскреб бороду Устин.

– Видели, да не думали! Пантелею куда досталось? Ну?

– Так сулицей ему, в лицо.

– О! – поднял палец Пимен. – А Власа куда?

– Ноги ему покромсали, в куски. Кровью истек.

– Верно, – продолжал свое Степан. – И Кудлатого срубить не могли, покуда щит не изломали до рукояти. И Макара по ноге только и смогли достать, а бронь бы поплосше оказалась – и его бы хоронили со всеми.

– Да знаю я! К чему клонишь?

– А сам подумай: Копань в брюхо железо словил, просто потому, что кольчуги справной у него не нашлось. Пантелею сулица голову пробила, с чего? Личины у него на шлем не было. И у Кудлатого щит – одно дерево, без накладок. Влас один бы всю свору порубал, да по ногам достали. И Макар сейчас бы в телеге не валялся, коли бы ноги железом закрывал. А остальные – что, по-другому легли? У Бориски коню голову рубанули, да пешего уже стоптали. А...

Чуток помолчали. Макар тоже ждал. Интересно, к чему Степан клонит, не просто же так в больном копаются? То, что в сотне хорошей брони недостаток, и так всем известно, так от его разговоров ее и не прибавится.

– Ну и дальше что? – не выдержал наконец Устин.

– Дальше? Семерых отличных бойцов потеряли. Полпуда железа не нашлось и кожи...

Разве жизнь дешевле кож?

– Не понял – это ты кого сейчас винишь?

– Да чего тут понимать! Кто у нас брони делает?

– Кузнецы, знамо, – снова заскреб бороду Устин.

– О! – вступил Пимен. – А где они сейчас?

– Так с нами же, в походе... – Устин еще больше озадачился. Он уже начал злиться на Степана, который все время вилял и размазывал слова, словно сопли по забору. – Ты чего петли вьешь, как заяц по полю? Кузнецы-то тут при чем? Они и без того все, что могут, делают.

– Вот именно! Мы в походе уже девятую седмицу разменяли, а кузни в Ратном холодные стоят. Сколько добра понаделать можно за этакий-то срок!

– Так они тоже ратники. Вон Касьян шорник, а сидит здесь с нами у костра...

– Эт ты верно подметил, – согласился Касьян. – Именно сию. Покуда ласы здесь точу, там бы со шкуры мязгу снял, или на ремни для уздечек порезал. Да просто замочил пяток, все больше пользы, чем здесь кашу жрать да треп пустой слушать!

– Так дело-то общее! – растерялся Устин. – Иначе-то как? Мы ж отродясь ратники, и служба у нас княжья.

– Да кто ж с этим спорит? Ратники, конечно, да вот только разные чуток. У сотника нашего какое ремесло, с чего кормится?

– Так, знамо дело – воинское! С него и кормится. Мы все так, почитай...

– Э, нет, не все! – снова вступил Степан. – Касьяна с братом возьми: все Ратное седлами да уздой снабжают, все ремни из их рук идут. Или кузнецы – как без их трудов жить? А уж воинское железо вообще только с их рук.

– А как же иначе-то? – пожал плечами Устин. – Всяк свою долю вносит, у каждого ремесло, помимо воинского, имеется.

– Тьфу ты, голова садовая... – раздраженно сплюнул Степан. – Я ему про Фому, он мне про Ерему! Я те про что толкую-то? Те ратники, что кормятся больше с меча, чем с ремесла – лучшие у нас. Тебя вот взять: меч для тебя и теща, и жена, и мать родна, потому как он для твоей души главный. Не можешь ты по-другому, потому как из лучших. И лучший именно поэтому! Хоть и хозяин справный, но все одно – прежде всего вой. А вон Касьян – ему в мечном бое до тебя ввек не дотянуться, потому он не только в походах счастья ищет. А может, как раз потому он и мечник так себе. Не важно... Зато он кожу знатно мнет, те же седла кроит, доспех кожаный и подкольчужник тоже его руками ладятся. Без его трудов тебе никак не обойтись, будь ты хоть каким бойцом искусным. Сам-то в кожемяки не пойдешь ведь?

– Я? – Устин озадачился еще больше. – С чего бы? Не мое это дело! Да и не по нраву. Да и зачем в селе еще один кожемяка?

– О! – опять воздел палец Пимен. – И мы про то же! И в кузне ты чужой. Не по скудоумию или лени, просто стезя у тебя другая. Вот и подумай: зачем кузнецов да шорников без нужды в походы таскать? Ну да ладно бы, бондарничает кто или еще как, а тут – справа воинская! Это ж тоже служба, только не мечом махать. Много ли в том же Касьяне проку в бою? Нет, есть, конечно... Только будь у десятка Пантелея все, что потребно, сколько половцев от них спастись бы смогло? Вот то-то...

– Ну, так это понятно. Но нету если? – удивился вроде детскому вопросу Устин. – Было бы, тогда какой разговор?

– Да и было бы, коли бы ремесло без дела не стояло! – взвился Касьян. – А то нас вон с братом в поход со всеми сорвали, кузнецы тоже хрен знает чем заняты! Да мы за то время, что тут мечников из себя изображаем, всей сотне наделали бы и наколенников железных на коже, и поножей, и накладок на щиты с подкладом кожаным! Ими бы в походе и поучаствовали... Ведь коли тебя снарядить как надо, так ты нас с братом и Пимена со Степкой один стоять будешь! И еще на пяток таких, как мы, хватит. А ведь дождутся – начнут мастера уходить от этой обузы туда, где их работа в цене и почете, где их от ремесла в походы не гоняют.

– Так и валил бы туда, коли такой умный! – взвился Устин. – От дедов так заведено, на то у сотни от князя уважение...

– Да ты сядь, Устин, не серчай... Чего ты на нас яришься? Мы-то свои, нам сотня родная, душа за нее болит, потому и говорим... – примирительно вздохнул Пимен. – От своего долга не бегаем, сам знаешь, но думать-то никто не запрещает! Оно, конечно, коли князь приказывает, сотнику вроде и деваться некуда, но ведь с умом же надо смотреть! Коли на пользу делу, так иной раз и стоило бы мастеров побережь. Хоть вот тех, кто справу и оружие делают. И ежели это остальных усилит, так и княжья служба не пострадает. Пока-то мы в силе, а как дальше сложится?

Устин замер, переваривая сказанное, Макар тоже задумался. А ведь прав, похоже, Пимен. Крохобор он, но прав. Будь справа получше, сидел бы Макар со своим десятком у костра, жарил бы кабанятину, до дома версты своими ногами бы считал. И вдруг так больно в груди сдавило, так обидно стало! На все сразу обида закипела. На половцев – подлых тварей, которым только пограбить да из чужого дома пустошь сделать. На богов – и на старых, в которых деды еще верили, и на нового, греческого, в которого на княжьей службе верить заставили – за то, что не помогли, не спасли Пантелея с десятком. На сотника, что и впрямь непонятно зачем всех в походы таскает. На все и вся. И сам не смог бы сказать, на что именно.

* * *

Напрасно Макар корил себя за то, что тогда, лежа на телеге, поддался накотившему отчаянию и так легко поверил словам Пимена. Это не удивительно – раненым все видится в мрачном свете.

Но была и еще одна причина: у костра сидели только воины, а значит – свои. Поэтому Устин и не оборвал собеседников, ведь заговори о чем-то подобном даже не посторонний в Ратном человек, а кто-то из обозников, немедленно схлопотал бы в ухо – за то, что сотника лает, за то, что усомнился в правильности заведенного издавна порядка... Да за все сразу!

А сознание воина так уж устроено, что недоверчивые и настороженные со всем остальным миром, они привыкли безгранично верить своим. Тем, с кем идут в бой, тем, кто прикрывает им спину. «Один в поле не воин» – не пустые слова, и сила воинов только во взаимодействии. Это первое, что вдалбливается командирами и самой спецификой профессии; иначе нет боеспособной команды, связанной единой целью, а есть в лучшем случае только бойцы-одиночки.

Но именно поэтому воины и оказываются совершенно беззащитными против предательства своих, если у этих «своих» вдруг меняются цели. И даже когда понимают, что их предали, цинично обманули и использовали, больше всего переживают не катастрофические последствия этого предательства, а тот факт, что обманул СВОЙ. Верили ведь до последнего и вопреки всему – против всего остального мира. А он-то уже, оказывается, давно НЕ свой. Почему?! А цели поменялись! Как поменялись они у Пимена и Степана.

Но, с другой стороны, неотвратимость наступающих в сотне перемен ощущали все. И необходимость как-то к ним приспособливаться – тоже. А как? Кто ж его знает... Потому тот разговор и стал вообще возможным: то, что вчера еще казалось немыслимым, сегодня уже обсуждалось. Вроде бы невзначай, но обсуждалось. И никто не мог предсказать, что будет завтра...

Но Макар ни о чем подобном пока не задумывался. Он и сам не знал, с чего ему сейчас вспомнился тот невольно подслушанный разговор и дергал, как заноза. Что-то тревожило, а что – непонятно: о чем только ратники не говорили между собой на привале, особенно когда возвращались домой из похода. Ну да, конечно, хмельного они тогда выпили, а это неправильно; сотник увидел бы – непременно разнос учинил, но больше для порядка – все ратники опытные, с понятием.

Правоту Пимена Макар в тот раз признал, а вот сейчас, доведись заговорить про то же самое, уже и поспорил бы. Ну хотя бы о том, что никакой доспех от прямого удара не спасает – без воинского умения и сноровки и в самом надежном доспехе разделают, как Бурей кабанью тушу... Нет, на самом деле не о доспехах тогда речь шла.

Что же так за душу цепляло?

Макар все сидел под дождем и пытался разобраться в себе, а Пимена пока из головы выкинул – привязался же, зануда грешная! И без него есть о чем подумать. Дурной сон словно

вышиб его из морока обратно к жизни. Видно, и впрямь, Пантелей пришел, чтобы ему голову поправить, ибо начудил ратник – исправлять надобно.

Накануне в бане, куда его, как мешок с сеном, на плечах принесли, разве он один увечный был?

«Тот же Колот: силы в нем, как в целом медвежьем семействе, а что нутро разбито, кто видит? Почитай, все здоровье откашлял с кровью после стрелы, которую в прошлом году поймал. Не то что воевать – ямку копать с расстановкой приходится.

А Филимон? А Тит? А Прокоп? И у них ведь долги оставались. Неужто смирились? Неужто с совестью и достоинством воинским как-то договориться сумели? Нет! Во что угодно, но в это не поверю...

Но коли не смирились, то как тогда? Кто-то, кого не совсем скрутило, в походы ходит, пусть и не в ратном строю – в обозе тоже есть где воинские знания приложить...

Те же подводы с воинским припасом сотник абы кому не доверит. Тут понимание надо иметь, это не харч и не рухлядь, тут воинский человек нужен, с опытом. Чтобы и уложить все правильно – во время боя в телегах не покопаешься. Подлетел десяток – а ему и стрелы в колчаны, и сулицы к седлу, и копье, у кого сломалось. В бою всяко поворачивается: и припас наготове держать надо, а коли отступить или, наоборот, вдогонку, то чтоб без возни – вскочил на передок и погнал. Конечно, я-то подводы оружейные самую малость по-другому бы ставил, а то вон в прошлый раз одна, со стрелами, чуть половцам не досталась! Надо бы сотнику с Бурею сказать, а то неровен час...»

Макар вдруг поймал себя на том, что думает теперь вовсе не о своей беде. Вроде и об увечье не забыл, да только тянуть вниз, в землю, оно почему-то перестало. Неужто есть что-то, для чего и он сгодится?

Не зря же сотник его на смотр вызывал. Знал и об увечье, и о пьянке, но позвал. Значит, верил в него? Видать, нужен он был. А может?..

Андрон Комель, старый вояка, что командовал воинской частью обоза, подчиненной только сотнику, а не Бурею, в последний раз в поход сходил. Туда-то сам, а обратно все больше на телеге, ноги совсем не держали рубаку – годы свое взяли. А на его место не то что обозного – далеко не всякого ратника поставят; слишком важно для сотни, чтобы этой частью обоза – всего-то в десяток телег – распоряжался опытный и умный человек. Может, сотник Макара и звал, чтобы вместо старого Андрона поставить? Ведь всегда туда определяли именно десятника, и не обязательно увечного...

«Точно, сотник меня туда наметил! Ой, ма-ать!.. А я-то приперся с синюшной мордой, в старых портах... Без sprawy воинской! Дура-а-ак! Какой же дурак! И еще обижался, что не так встретили! Вот уж позорище!»

Больше всего Макару хотелось треснуться головой об ворота или отходить самого себя поперек спины чем покрепче. Да ведь опять братья прибегут, Веруня все равно не спит, прислушивается, а то и вовсе за дверями притаилась. Эх, драла его бабка в детстве крапивой по голому задку, да видно, мало. И батька, похоже, поленился – всю дурость ремнем не выбил, вот теперь она и прет запоздало. Верно тот половец во сне скалился – голота подзаборная, не воин...

Не воин?! А вот хрен! Не дожидетесь! Поквитаемся еще!

«А ведь на этом месте я половцам не то что долги вернуть смогу, а и сам, пожалуй, еще одолжусь! Тут, главное, так исхитриться, чтобы ратникам опорой за спиной стоять, чтобы оружие в достатке и вовремя...

А с чего ты взял, что сотник вместо Комля тебя прочит? Хотя, сам же он и сказал, что нет больше десятников... Как нет? А я кто? Хвост телячий? Ой, позорище! Завтра, нет, сегодня уже – вон, солнце встает – к сотнику виниться! Нет, сначала к Колоту схожусь, и уж с ним вместе... Врешь, собака половецкая, мы еще повоюем!»

Солнце выбросило луч из-за леса прямо в глаза Макара. Тот прищурился, улыбнулся и вдруг приветливо помахал навстречу рассвету, словно со старым приятелем сговорился и по рукам ударил.

Часть вторая

Ратное. Весна – начало лета 1125 года

Перелом по судьбе и по сердцу —
Словно острым клинком полоснуть,
Но пришлось нам, раз некуда деться,
Выбирать свой единственный путь.
И хоть зубы крошились порою,
Мы прошли сквозь огонь перемен.
Кто как смог. Кто-то выбрал иное,
Иль дорогу найти не сумел.
И не ведая, что там, за краем,
Те, кто всем не боялся рискнуть,
Находили. Но больше теряли,
Чтобы в завтрашний день заглянуть.

И. Град

Глава 1

Фаддей Чума

Ратники, не ходившие на Кунье¹ и потому в дележе добычи участия не принимавшие, покинули строй. Кто совсем ушел, переваривать и осмысливать все случившееся (благо, было чего), а кто, как и Чума, остались глянуть, кому что достанется. Ну, и еще интерес имелся – воинскую справу какую или что другое по хозяйству обменять или, если получится, перекупить у удачливых.

Первым жребий тянул Мишка, внук сотника. И как угадал! Из-за спины Фаддея послышался завистливый вздох кого-то из ратников, тоже не ходивших в поход:

– Вона, глянь, каких холопов ухватил! Везет щенку...

Фаддей только зубами скрипнул. Внутри нарастало непонятное ему самому раздражение: и впрямь, везет сопляку! Холопская семья досталась на зависть: глава – здоровенный лоб, не старый еще, да баба его, дети – девка старшая в самом соку, вторая помладше, да двое отроков. Один-то, правда, хилый совсем, то ли болен чем, то ли уродился таким, а вот второй, хоть и младше, но шустрый и прямо сейчас в хозяйстве сгодится.

И ведь Мишка этот сыну Фаддея ровесник, а в походе уже побывал и отличился там, если все ратники признали за ним право получать долю наравне со взрослыми. Не зря его Бешеным прозвали, видно, в прадеда пошел. А главное, есть кому его вперед подтолкнуть, поддержать и научить – не придется парню самому дорогу в жизни зубами выгрызать.

---

¹ См. роман Е. Красницкого «Отрок. Бешеный лис», часть 1.

И со второй долей Бешеный угадал. Заслужил, конечно, что тут скажешь, а все же... И с чего это Лисовинам так удача поперла, как снежный ком с горы? Словно наворожили. Как будто своих мало – еще целый выводок щенков где-то сыскали да в род приняли!

А ведь, похоже, старому сотнику с нападением этим и впрямь леший нащептал. Что на Славомира нарвались в дороге, ну так отбились же, а не случилось этого, так еще неясно, как бы все обернулось: Пимен-то со своими к встрече уже готовились, да не ожидали, что куньевские встрянут, а безногий калека так крутенько повернет.

Не зря Корней такой довольный, аж светится. Ну да, главное в этом походе не добыча. Удача! Удача – вот что главное! Похоже, переломил все-таки судьбу старый хрыч. После того, как Фрола убили да он сам ноги лишился, род, почитай, заглох. Лавр уже совсем не то: ратник он хороший, но до брата ему и в прыжке не дотянуться. Многие так и думали: не поднимутся Лисовины, на закат повернули. Бывает, не они первые, не они последние. А оно вон как вышло.

Вроде и недолго ездил Корней с семейством по гостям, зато с чем вернулись? Пожалуй, только Пентюх со своей Донькой не заметили, что уезжал старый калечный ратник, а вернулся Корзень, и что этот Корзень держит за пазухой, не известно никому. И про полученную княжью гривну узнали еще до того, как Лисовин с семейством обратно припожаловал. Теперь старый сотник свою власть никому не отдаст, но слишком уж долго она оставалась бесхозной – вот кое-кто ее своей и посчитал, да рано, похоже.

Чума в эти распри не влезал, однако понимал, что в сторонке отсидеться ни у кого не получится. Пимена ему любить не за что было, только и Корней не подарок. Хрен редьки не слаще. Но и раздоры в сотне никому не нужны.

* * *

То, что жизнь в Ратном меняется, и меняется неотвратимо, Фаддей уловил нутром опытного воина, привыкшего заранее предвидеть любую опасность. Старого китайского проклятия про жизнь во времена перемен Чума, конечно, знать не мог, но если бы слышал, мудрость китайцев оценил бы непременно. Ничего хорошего от происходящего он не ждал – старый, привычный уклад, заведенный от дедов и прадедов, ломался, и то, что под его обломками и сгинуть недолго, сомневаться не приходилось. Вот только понять, что причиной этому не Корней и не Пимен с Устином, а процессы, давно уже происходящие и в самом Ратном, и в мире вокруг него, Фаддей не мог. Не было у него для этого ни соответствующего опыта, ни информации, достаточной для анализа. Да и кто бы на его месте смог отстраниться от собственных проблем и бесстрастно оценить ситуацию? Человек, которого несущийся вскачь конь грозит вот-вот сбить и растоптать, не в состоянии оценить мастерство наездника, поэтому вряд ли Фаддей стал бы слушать того, кто попытался бы ему объяснить, что перемены не только неизбежны, но в данной ситуации еще и являются единственным путем для сохранения Ратного и сотни в меняющемся мире.

Традиции, сто с лишним лет помогавшие ратникам выживать во враждебном окружении, постепенно становились помехой, ограничивая возможности для развития. Особенно теперь, когда от последнего действительно враждебного поселения остались только головешки, противоречия между различными группами ратников неизбежно должны будут обостриться, независимо от их желаний и поступков. Резкое возвышение Корнея или неудовлетворенные амбиции Пимена выполняли роль внешних признаков этих противоречий, а причиной являлись объективные процессы, происходящие в обществе.

Так ранней весной корка наста прикрывает тающий снег, и если не подозревающий подвоха путник, поверив в прочность этой корки, попробует пройти по ней, то хорошо если просто в луже очутится, а то и унесет его талой водой неизвестно куда.

В Ратном вроде бы все шло, как всегда, но под слежавшимися пластами традиций уже не одна полынья протаяла, и безоговорочно доверять привычному укладу уже не стоило. Половодье перемен захватывает все, что попадает к нему на пути, хоть и начинается оно тихо и незаметно.

* * *

А ведь когда незнакомого отрока, как оказалось, Корнеева родственничка, лошадь притащила на вожжах в Ратное да узнали от него о нападении на лисовиновский обоз, не только Пимен с Устином вскинулись. Фома тоже свой десяток бросился собирать – случай-то какой! Чума не сомневался: если бы они успели вовремя, так Корнея со щенками сами и добились бы. Еще лучше, коли бы тати без них управились, а они вроде как припозднились, но зато потом лесовиков за своих покарали. И все добро с Корнеева обоза, и добыча с татей им бы пошли. И почет, и, главное – Лисовинов бы по-тихому удавили! Без старого Корзня да его немого уroda они почти беззубы. Один Лавруха не помеха; с ним бы справились.

Недаром Пимен вместе с Устином по селу метался, своих собирал. Десяток Фомы все же не поспел, Лука шустрой оказался. Да и стоило того ожидать – рыжий десятник своих ратников гонял, не жалея пота, а то и морду ленивому в кровь разбивал, ибо нежалостлив, но обиды на него никто не держал: учил Лука хорошо, и от желающих попасть в его десяток отбоя не было.

Вот и не диво, что Говорун свой да Глеба десятки уже на коней поднял, а ратники Фомы только за брони хвататься начали. Да и остальных, кто посноровистей, Лука с собой прихватил – десятка четыре набрал и двинул галопом Корнею на выручку. Устину с Пименом только утереться осталось: что ни сделай теперь, все одно пустое, по-тихому уже не вышло бы. С четырьмя десятками односельчан, таких же ратников, схватываться – пупок развяжется.

А самое главное – Кунье, что много лет портило ратникам кровь, и сладить с которым никак не удавалось, сровняли с землей. И без потерь, почитай, обошлись. Ратники подобного не забывают, и поднять их против Корзня никому теперь не под силу – к старому рубака удача вернулась! Сроду столько холопов в Ратное не приводили, да и рухляди в Куньем взяли немало – все дворы подводами забили.

Знатная дележка, ничего не скажешь. Как раз из-за этого Фаддей и остался посмотреть на жеребьевку. Варька уговорила прикупить холопов – рабочих рук в семье не хватало, в прошлом году едва управились в страду. И рухлядь кое-какая не помешает. Плуг новый хорошо бы. У лесовиков, конечно, вряд ли с железным лемехом найдется, но чем черт не шутит. А если повезет, может, и перекупить удастся подешевле.

Но уж больно нестерпимо оказалось Фаддею стоять вот так в сторонке и на чужую удачу завидовать! Он потому и в разговоры не вступал, чтоб не сорваться: так хотелось дать кому-нибудь в морду – кулаки зудели, и досада душила непонятно на что и на кого... Хотя чего ж непонятно? Десятнику своему за такое счастье поклониться надобно! Чума чуть не зарычал с той досады и на него, и на себя.

«Егор-то, как свинья, все сладкую середку ищет! Мудрила, мать его, на мою голову, хитросделанный! Был бы попроще, так, поди, и я бы сейчас среди удачливых стоял, а не в сторонке зубами скрипел. Да и сам хорош! Нет бы плюнуть да с Лукой податься, так ждал, пока десятник снесется. Вот и застрял, как боров в расщепе – ни бабку назад, ни задницу вперед... А Егор, похоже, и Корнею на помощь не спешил, и Пимена с Устином дальними огородами через большак послал. Ох, темнит он, что-то выгадывает... Довыгадывался уже, редька едкая – все без доли остались!»

Да бог с ней, с прибылью, не из-за холопов и рухляди Фаддей на своего десятника сейчас злился. В бою побывать, пусть и без добычи – любому вес прибавляет, а сидя дома, много ли уважения добудешь? Доля? Да хоть песка горсть – не суть. Главное, что с бою взята.

Фаддей и сам не задумывался, отчего он до той доли так жаден. Ведь скупердяйством никогда не страдал, напротив, того же Пимена откровенно презирал за прижимистость и заботу только о своей мошне. Но вот с бою взятое – это другое. И не только он, все ратники ту долю не равняли с иным прибытком, который имели для жизни и прокорма – хоть с работой в поле, хоть с ремеслом. Не только в кунах и гривнах та добыча оценивалась: простая медная подвеска, с клинка взятая, веса к слову прибавляла не в пример больше, чем золотая, но на ярмарке купленная.

Спроси кто сторонний, почему так, наверное, и ответить не смогли бы, да и не стали бы, пожалуй, ничего пояснять; удивились бы только, что тут кому-то непонятно. Как можно равнять воинскую долю с прибылью? Это для татя добыча – лишь воз добра, легко давшийся в руки. Главное, что в охотку и без риска, потому редкий из них становился хорошим бойцом, и никогда – воином. Ему добыча нужна для легкой жизни, а жизнь воина никогда легкой не бывала. Тать-то как раз свою жизнь превыше всего ценил, оттого от сильного противника бежал, все больше кого послабее пограбить норовил, и в чужие земли за долей не ходил: с соседа взять и ближе и проще. Татьба – она везде татьба, на всем свете одинакова.

А у воина долг перед теми, кто за его спиной, перед теми, кто его защиты ищет, и перед данным словом – служить и защищать. Потому и добыча – лишь награда за труды ратные. Походы боевые много сил берут, ох много! На хозяйство уже что останется, то и останется.

Это только мальчишки в своих мечтах возвращались домой из битв и походов на статном коне да в сверкающих бронях, с лихой песней на устах. Жизнь те мечты быстро окорачивала. Что люди – нередко кони возвращались в родные стойла с ребрами, едва прикрытыми мясом. А если еще в бою железо вражеское доставало? Воды-то, что живой, что мертвой никто пока не сыскал, а раны в одну неделю не зарубцовывались. Как семью кормить? Как хозяйство не порушить? Баба, даже самая справная да сноровистая, одна все не потянет. Вот и старался ратник добычу взять, хоть на обмен, хоть для хозяйства. Пусть разовая, но все прибыль.

Самое же главное, как еще отметить воина, который ради других людей ни себя, ни близких своих не жалел? Только достойной долей в общей добыче, прилюдно, при всем народе признав этим его заслуги. И если богатую добычу не всякий поход приносил, то уважение достойным – всегда.

Потому и ходили ратники в походы не за добычей, а за спокойствием земли своей, за безопасностью детей и внуков. Потому и слово воина ценилось тяжелее купеческого золота.

Да еще кольцо серебряное... С детства Чума глядел на эти кольца с восторгом, все мечтал, как получит такое да к Варьке хвастаться пойдет. Вот теперь и немного до него вроде осталось, и воин он не последний, а все никак! По хорошему-то, у него и больше побед, чем на то кольцо надобно, наберется, да главное – как считать.

Первых пятерых Фаддей быстро себе добыл. А потом заколодило! Даже когда к Егору перешел, удача в руки не шла: как бой знатный, так они черт-те где болтаются. Не без пользы для сотни, конечно, но так ведь и до десятка никогда не доберешь! А Чума уже и серебра наилучшего припас на то кольцо.

И здесь такой случай ушел! Лесовики – не ратники, взять их легче, а в счет идут одинаково; глядишь, и получил бы сегодня заветное кольцо. Эх, да что теперь-то...

А тем временем и рухлядь в раздел пошла. Воинское железо первым выставили. Много-мало, а шесть полных телег. Ратники, даже те, что в дележе не участвовали, невольно вытянули шеи. Лука с Аристархом разложили на деревянном помосте одиннадцать полных броней. Не сказать, чтобы особо хороших, но у новиков глаза огнем загорелись. Им такое богатство за

великое счастье кажется. Чума усмехнулся – его это железо не впечатлило и, кроме торговой стоимости, другой оценки не удостоилось.

«Аристарх знает, что делает. Ну так потому он и староста... Доли, конечно, все по-честному поделены, но ведь как исхитрился, редька едкая! Доспех весь новикам и ушел, да не абы кому, а наилучшим. И правильно! Ребят поддержать надобно, особенно тех, кому пока что купить неподъемно. Когда они еще с меча добудут?»

Ага, разрозненная бронь осталась. Ну-ка? Личин там нет? Нет. А остальным хоть подавиться.

Ну, нет же, глянь-ка! И тут не промахнулся! Ровно у кого чего не хватает, тому и перепало! Ну и верно, справа воинская – не цацки бабские. Тут делить с умом надо, а то потом больно дорого обходится...»

Две телеги опустели. Что там еще-то? Лука сдернул дерюгу.

Ну, ничего себе! На телеге ровными снопами лежали пучки стрел. Да каких! Те, что в верхних рядах, явно по полусотням разобраны и во всю длину увязаны смоленным полотном, чтобы не перетягивались и не гнулись при хранении. Наконечники в воске – защита от ржи, перья жиром промазаны. По торцам судя, дерево на древки пошло многолетней сушки в темном месте, вываренное в масле и лаченое от влаги. Ох, и много же трудов на них потрачено! Зато такая стрела воды не боится и прочна неимоверно.

Чума присвистнул. От доли, такими стрелами выделенной, только полный дурак отказался бы. За пучок с граненым наконечником пару холопов дадут, не задумываясь, где хочешь, а то и трех.

Настроение испортилось окончательно. Ну что тут скажешь – умен Лука, умен. Тот Фаддей удивлялся, чего это рыжий десятник холопов умеренно брал. Знал, конечно, что дальше на дележ выставят. Вот теперь его родичи бесчисленные и загребли, почитай, две трети всех стрел.

Четвертая телега ничем особо не удивила. Луки так себе – охотничьи, колчаны тоже. Пара сотен наконечников, опять же охотничьих, широких. Нужны, конечно, кто спорит, но трепета в сердце ратника не вызывали. Древки стрел, оперенные и еще нет. Наконечники копий и сулиц, хотя и немного. Несколько хороших щитов – в общем, вещи необходимые, но в целом обычные и мало интересные.

Не ожидая больше ничего особенного, Чума решил было уходить, даже шаг в сторону успел сделать, но тут из последней телеги достали несколько секир, с пяток приличных мечей, еще с десятков весьма хреновых и... Фаддей застыл на месте.

Аристарх выложил на помост Нечто. Чума видел подобное в молодости, когда ходил с сотней на запад ляхов гонять. Еще тогда ему это оружие глянулось, а уж теперь!

И какими путями могло попасть в лесную глушь такое чудо – неведомо, но вот же оно! Меч, да не просто меч, а...

Длиннее обычного примерно на локоть и даже с виду тяжелее; лезвие, разделенное надвое широким долом, плавно сужалось и сходило на нет остро заточенным кончиком. Таким можно колоть не хуже копья. Широкая крестовина полностью прикрывала руку и должна была хорошо защищать от ударов, скользящих вдоль меча. Рукоять, охваченная кожаными ремешками, плотно подогнанными друг к другу, заканчивалась массивным граненым яблоком, которым можно дробить головы не хуже обычной булавы. Украшений почти не было, если не считать простенькой насечки да невнятного клейма мастера на основании лезвия. Вроде ничего особенного, разве крупнее и форма несколько иная, чем привычная, но чувствовалась в этом куске железа сила, которая переходит к воину, владеющему этим клинком.

Сами собой начали сжиматься ладони, будто ощутив в руках тяжесть и силу оружия. Сердце подпрыгнуло, а душа замерла. Это его! Это только для него! С таким... Чума не мог

найти слов, да и не искал их. Он готов был отдать за этот меч всю свою долю, напрочь забыв, что в дележе не участвовал. Все вокруг перестало существовать – остались только Фаддей и меч...

Вот ушли к новым хозяевам секиры, затем остальные клинки. Чума непроизвольно подошел к самому помосту. Очередной жребий – и чудесная вещь перешла во владение к Евдокиму, молодому парню из десятка Луки.

Мир рухнул. Чума поднял глаза и встретился взглядом с самим Лукой. Тот кивнул и тут же слегка развел руками: понимаю, мол, тебя и сочувствую, только что поделаешь. Жребий.

Фаддей резко развернулся и зашагал домой.

«Да засунь ты себе в жопу свое сочувствие, дятел языкатый! Нужно оно мне... Кому отдали?! Сопляку! Да этот дрыщ прыщавый его не то что к делу применить – даже не удержит! Ухватился вон, как баба за уд, орясина... Руки ему за такой хват поотшибать и гонять до соплей кровавых, а Лука, нет бы своего щенка вразумить, только лыбится... Да что он сам-то в клинках понимает? Лучник, тьфу! Чего доброго, этот криворукий еще и обрежет его покороче. Сам не сумеет – в кузню снесет. Переделает рукоять на одну руку... Нет, угробит клинок, как есть угробит! Тьфу ты, редька едкая!»

Фаддею хотелось выть от злости и обиды на несправедливость судьбы. Или морду кому разбить – лучше бы, конечно, Луке. Хоть он и не виноват, но ведь понимать должен! А тут еще воспоминания накатили... И снова только подразнили его!

Не любил Фаддей вспоминать те времена, чего уж там, да вот меч этот... И сказать совестно, что сделали с тем, первым клинком, который когда-то взяли у ляхов. Ведь он еще тогда должен был Фаддею достаться! По всем законам – ему! А он только и успел в руках подержать, да махнуть пару раз, но до сих пор все помнит: И тогда, как сегодня, то оружие ушло на жребий. Вроде и справедливо, только неправильно – он же тот меч сам в бою взял, да пойдя докажи... Ну, в прошлый раз и спорить не стоило – Фаддей тогда только-только ратником стал, к тому же прежний староста под отцом Пимена ходил. Много с чем Чуме смиряться пришлось, тот меч еще не самое обидное, но именно он помнился. А-а-а! Да чего там, изуродовали в тот раз оружие! Если бы он тогда в хорошие руки попал – не так бы обидно было... И сейчас то же самое будет!

Накручивая себя такими мыслями и чуть не подпрыгивая от злости, Чума шел домой.

Чем ближе он подходил к своему подворью, тем злее становился. Все в жизни шло не так! Вроде и начал подниматься за последние годы, и в десятке у Егора, наконец, себя на месте ощутил, и дети, хоть и шевутные малость, а не хуже других, и дом хороший, и хлеб всегда в достатке. Но точила душу какая-то мелочь, какая – Фаддей и сам толком понять не мог.

Кольцо серебряное, опять же, никак в руки не давалось, а значит, слово свое он перед Варькой так и не сдержал, хоть и обещал, что сватать ее придет с этим кольцом на пальце. Вот-вот четыре десятка за спиной останутся, и от врага вроде никогда не бегал, и рубиться умел, а все никак!

А тут еще холопы в мор перемерли...

Чума зло сплюнул и остановился – вспомнил, зачем, собственно, оставался на дележ, будь он неладен! Холопы же! Возвращаться не хотелось. Видеть, как молокосос швыряет в кучу своих трофеев такое оружие, казалось выше его сил. Пнул изо всех сил ни в чем не повинный чурбак, что валялся в стороне, ногу отшиб, но злость немного отпустила. Однако назад тащиться все-таки пришлось – хозяйство своего требовало.

Дележ подходил к концу, непристроенной оставалась только разнообразная хозяйственная рухлядь. Много утвари вывезли ратники из Куньева городища! Не бедствовали куньевцы, ибо мужи там жили задиристые и железом погрометь не дураки. И в походы ходили, и добычу брали, холопов с чужих земель тоже, бывало, приводили. Вот уж кому не повезло, так это холо-

пам из Куньева. Раз похолопили, так теперь все заново повторилось. Нет уж, лучше сразу под нож, так жить Чума не смог бы.

Фаддей кивнул, соглашаясь с самим собой. А ведь куньевские и не сдались. Если бы не редкостная удача Корнея да не глупость его же сватьяшки, не видать бы ратникам ни добычи, ни победы, которой годами будут хвастаться те, кто пошел с Лукой.

«Нет, ну прям хоть Луке или Рябому иди кланяйся, просись в десяток, а то, чего доброго, так по миру пойдешь. С Егором прибытков ждать, видно, бесполезно. Не зря бабы судачат, что он свою удачу за морем вместе с братьями похоронил, только тень от нее до дома донес. Хоть и не дурак, совсем не дурак, и десяток умеет в руках удержат, а вот, поди ж ты – опять промахнулся, а ты тут без доли сиди!»

На дележ выложили кухонную утварь. Чума оживился, увидев среди добра медный таз, ну точно в пару тому, что он лет пять назад привез из похода. Им Варвара гордилась не меньше, чем всем остальным хозяйством в целом. Еще бы! Большой, с красивой чеканкой и серебряной насечкой по стенкам до самого дна. Сваренное в таком тазу медовое варенье не подгорало и, главное, хранилось потом, не плесневея, до нового урожая.

Вот такой подарок Варюха бы точно оценила! Фаддей проследил, кому достался таз, и снова помрачнел. Да-а, Данилу жена просто живьем съест, если он такую посудину кому продаст.

Так же ушли и хорошее тесло с плотницким топором, что глянулись Чуме, и ворот со сверлами и несколько отличных заступов и еще много чего, и с каждой потерей Фаддей все больше мрачнел.

Не везло, так уж не везло. И ладно бы дураком был, так нет – кто и умом помельче, и совестью пожиже его обошли: Паньку сколько раз за дурость били, а тут чуть не целую телегу добра увез.

Вот только с холопами Чуме и подфартило: тот же Панька от большого ума продал семью – еще не старых мужа с бабой, да девку молодую с парнишкой-малолетком. У справного хозяина такое добро не выторговать, а этому все одно не впрок. Но это Варюхе подмога, а вот чего по хозяйству... Нет, черную полосу так просто не переломить!

Варька, оглядев приведенных мужем холопов, выбор его одобрила и, пока он обедал, выпросила, кто что может и чем раньше занимался. Осталась довольна, и, накормив, придела и выделила всем какую-никакую обувку из своих запасов. Не потому озаботилась, что серебром за них плачено, и губить товар жадностью не резон, а от того, что хоть и холопы, а тоже ведь люди. Земля пока только на проталинах видна, да и та не теплее снега. У девки ноги аж синие, а ей рожать еще. И с холопами по-людски надо: все под одним Богом ходим.

Но и Варьке настроение испортила Анисья, жена Данилы: по всему селу металась, дуреха, со своим медным тазом. Назло Варваре прямо у ее двора баб в кучу собрала и хвалилась, коза драная, Варька же как будто не слышала, нет чтобы заткнуть соперницу! А ведь обычно и по меньшему поводу спуску никому не давала. Наверняка мужу в укор.

Хотя он-то тут при чем, спрашивается? То, что с каждого похода не с одной телегой добра возвращался, уже и забылось. Опять за простоту свою пострадал, за то, что юлить и выгадывать за счет других не научился. Именно такого – веселого, бесшабашного, с чертом в голове – она когда-то и полюбила. Пусть и жили они шумно, снабжая слухами все Ратное, и доставалось ей под горячую руку, да и сама Варька обиды молча не глотала – не ромашка полевая. Всяко случалось, короче, но все же хорошо жили!

Следующим утром, захватив с собой главу холопской семьи и его бабу, Чума отправился на сани за село, где в версте вниз по реке готовил поле под новый огород. Деревья там свели еще по осени, но не вывезли. Вот теперь, пожалуй, самое время. И бревна пригодятся – холопам

тоже крыша над головой нужна, не тесниться же им всем в одной избе, не скотина все же – люди.

Снег ночами подмерзал, и сани шли легко. Чума надеялся сделать пару ездов, до того как наст снова станет рыхлым от солнечного тепла.

За тын выехали, едва развиднелось, и тут Фаддей натянул вожжи. Он никак не ожидал узреть такое: десятка полтора отроков, ровесников его сыну, возились в снегу, изображая не то драку, не то бой с палками. На крошечном взгорке стояли Рябой с Игнатом, чуть в стороне на свернутой овчине уселся Лука. Десятники наблюдали за возней мальцов и время от времени выдавали копошащимся внизу соплякам какие-то указания.

Чума даже рот открыл: давно такого в Ратном не видели.

«Последний раз, поди, еще при старом Гребне... Нет, и после учили, хоть уже и не так, а вот когда Корней ногу потерял... Стало быть, снова взялись. Учат ведь, редька едкая, учат! Эт надо же! Сам Лука, значит...

А моего чего не позвали? Ну, Егор, ну, сапог дырявый, опять в лужу дунул! У-у, мать его, редька едкая, о чем только думает? Самому, что ли, к Луке подойти? Так ведь пошлет. И далеко. Его право: он-то с чужих десятков брать не обязан. Вон Игнат подсуетился, и сыновья его ратников тоже там...

Не-ет, пусть-ка холопы бревна сегодня сами тягают. Надо все же с Лукой переговорить. Может, плату ему посулить за своего? Не грех на такое потратиться, сторицей вернется. Но ведь потом Веденю в свой десяток затребует... А и ладно, чем плохо? У Луки вон последний новик жирнее рвет, чем у нас Егор, даром, что десятник».

Передав вожжи холопу и наказав, что надо, Фаддей вытянул из-под бабы дерюжку, бросил ее рядом с Лукой и присел, словно просто решил полюбопытствовать на учебу.

Видно, это было первое для будущих новиков занятие. Уметь они ничего не умели, но старались, как могли. Результатом их рвения уже стали несколько разбитых носов, с десятков совсем недурственных фингалов и пара подранных рубах. Мальчишки обуты в поршни с обмотками, на руках – рукавицы, порты тоже, наверное, не одни пододеты, на головах шапки, а вот на плечах только рубахи, да поверх них плетенки из ивняка, вместо кольчуг, но от холода воинские ученики не страдали.

Конечно, никакой серьезной учебы пока что не шло, просто десятники решили показать отрокам, чего они стоили, или, правильнее, что ничего они пока не стоили. Командный рык перемежался смехом и подначками, вызывая в душе Фаддея почти забытое мальчишеское чувство счастья. Просто от того, что молод и все подвиги впереди. А они будут, да еще какие! От того, что надо только постараться – и весь мир ляжет к твоим ногам. От того, что уже завтра на них будут глазеть девчонки, и надо хоть из портов выпрыгнуть, но быть первым!

На душе стало легко и радостно. Заботы и неудачи последнего времени отступили куда-то в сторону, отпуская его на волю, и Чуме отчаянно захотелось самому нырнуть в эту кучу бестолковых пацанов. Захотелось поорать, получить по носу, вклепить кому-нибудь по лбу и, вывалявшись в снегу, возвращаться домой и хвастаться подвигами, над которыми так хохотали старые воины. Даже живот свело от мальчишеского восторга.

– Да чо ты его, как девку, за жопу?! В морду надо, в морду! – не выдержав, заорал он.

Рядом заржал Лука...

Чуть погодя Рябой остановил отроков и стал что-то объяснять. Лука и Игнат спустились вниз и присоединились к этому увлекательному процессу. Чума остался на пригорке в одиночестве и сам не заметил, как нахлынуло, казалось, давно забытое...

Вовсе не походили эти пацаны на тех, с кем сам он начинал постигать воинское искусство. Ну, совсем не то! Его и учили не так, да и учил-то поначалу отец. А потом старый Агей, отец нынешнего сотника, придумал тех отроков, которых родичи не отдали в Перунову слободу, на обучение воинской службе ставить скопом. А то, вишь ты, дома всяк по-разному выучить

норовил. Вот и повелел он тогда согнать на учебу будущих новиков, не всех, конечно, только тех, чьи родичи сами согласились чтобы старый вояка, которого откуда-то притащил сотник, наставлял мальчишек в воинской сноровке. Мог бы, наверное, и сам, так ведь сотник же... Не то чтобы не по чину, а времени-то где набраться? Да и не по характеру ему это – неумеху и пришибить мог.

Ратник усмехнулся, глядя на суетящихся внизу отроков.

«Вам бы с наше попробовать. ОН бы вам враз показал черта задницу! ОН...»

* * *

Тот весенний день – только снега пали, да просохла площадка перед церковью – Фаддей помнил до сих пор, да так, что запах того талого снега и шум того весеннего ветра и сейчас слышал и чувствовал.

И чего только не плели про него новики, каких только баек друг другу не пересказали! Откуда что бралось, не знал никто, но принималось все за чистую правду без колебаний. Получался ОН сущим зверем, извергом непотребным, жаждущим крови новиков. И вдобавок к тому – непробиваемым дурнем.

Говорили вроде, ратнинский он. Но чьих – никто точно не помнил. Видно, потому и ушел в молодости из села искать счастья в чужих краях, что тут никого своих не оставалось. Так бобылем всю жизнь прожил, на нем род и пресекался. Оказывается, и молодого Лисовина он же когда-то учил, да еще пару новиков. Нынешнего старосту Аристарха, к примеру, пока того отец в слободу не отправил. В лесу их учил, тайно, только от глаз-то все одно не скроешься, и выходило, что Корней стал зверь-зверем как раз с того обучения.

А уж когда ОН верхом на лениво переступающем коне, расслабившись и только что не засыпая в седле, въехал в ворота Ратного, у молодых парней сердце похолодело.

Гребень... Кто ему дал такое имечко – Бог весть. Какое отношение имела бабья вещица к этому душегубу, неведомо. Короткая борода, сросшаяся с усами, скрывала часть шрамов на его лице, глаза... Да черт его знает, Чума до самого конца не мог определить ни их цвет, ни форму: Гребень никогда не смотрел людям в лицо, взгляд его все время упирался куда-то то ли в грудь, то ли в живот собеседнику. Некрупный сам по себе, но как-то так выходило, что здоровенные мужи подле него мельчали. Так при появлении матерой рыси крупный лесной олень вдруг перестает быть грозным.

Вот и в тот день, покачиваясь в седле, словно муж с гулянки, Гребень доехал до дома Агея и, как девица со ступеньки, легко, одним плавным движением, соскользнул с коня. Что он там решал с Агеем, никто не знал, только на следующее утро, до света, будущих новиков выгнали за тын.

Забыть того утра Чума никогда бы не смог. Забыть свой страх, который совершенно непонятно почему гнезвился в самом низу живота. Накануне Сенька Хомут полдня распинался о тех зверствах, которые ждут отроков, отданных в учение, о страшном ноже у пояса Гребня, которым тот заставит добивать совсем изнемогших в учебе товарищей. О том, что если захочет мысли чьи-то узнать, так его крови себе в похлебку добавит и все как есть скажет – даже самое тайное, о чем и себе признаться боишься. Да много чего еще плел. Отроки Сеньке и верили, и нет – трепло он, конечно, врет, наверное. А если не врет? Дыма-то без огня не бывает.

Заложив большие пальцы за поясной ремень, Гребень разглядывал каждого отдельно. Чума отчетливо помнил свои тогдашние мысли: «Первую жертву выбирает».

В строю начались легкие шепотки.

– А ну, замолчь! – как медведь рыкнул. – А теперь слушайте, сопляки... – голос уже не рычал, а звучал ровно. Почти ласково, как у лисы, уговаривающей пойманную мышь не волноваться. – Повторять не буду. Кто слаб, пусть уходит, сейчас в том позора нет, – помолчал,

ожидая, но никто не шелохнулся. – Кто останется, помните: железом махать я вас научу. Воинами стать сможете только сами. А не стал воином, значит, стал покойником. Или татем, коли душа червивая. Обратной дороги не будет. Пока солнце не встанет – думайте, ваше время.

Чума грустно улыбнулся: нет Гребня, уж сколько лет, как нет. Надо Варваре сказать, чтобы завтра свечку за него поставила. Не помешает.

* * *

Лука по праву числился в Ратном одним из лучших воинов, и опыта ему было не занимать, хотя, конечно, до Гребня он не дотягивал. Но науку старого рубаки Говорун не забыл – его самого Гребень когда-то вот так же приводил в воинское чувство, а теперь десятник сам мальчишек с того же учить начал.

«Глянь – всей толпой по целине к тыну погнал. А те-то обрадовались! Во как стараются! Самые здоровые вперед ломятся, а кто похитрее за ними пристроился, по проторенному. У тына обгонять начнут, чтобы первыми... Ага – точно! Эти самые умные, значит... Ну, Лука всем вставит! Нет еще понятия у щенков, в догонялки играют! Нельзя в бою только о себе думать, иначе всем смерть. Сильный слабому помочь должен, тогда и слабый сильному – опора. А эти пока что всяк сам себе конь необузданный. Хотя... Мы-то разве лучшие были?»

В груди опять что-то тихонько заныло. Ну что такого сладкого в тех синяках, что о них душа, как по девке в молодости, плачет? Не только же годы молодые?

На забороллах тем временем появились зрители. Даже бабы там! Ну, еще бы, за кровиночек своих переживали – так бы и побежали рядышком. Чума гоготнул: ох, сегодня Лука не проикается, когда мамки синяки да ссадины на сынках своих считать начнут. Бабы – они на то жизнью и поставлены, чтобы рожать да выхаживать, а ратнинские, хоть и знали сызмальства, для какой судьбы сыновей растили, но сердце-то все равно за них рвали.

А на тыне всю разгорались страсти.

– Илюха, глянь! Твой-то, никак, штаны потерял! – орал здоровенный, но бестолковый Охрим. – Не отморозил бы чего, без внуков останешься!

Лука недвусмысленно поднял кулак, но уже поднявшийся на заборолла Игнат отвесил дураку пинка, одновременно спихнув того в сугроб. Правильно, одобрил Чума, глупой насмешкой мальчика сломать легко, только вот Ратному нужны несломленные воины.

– На пузе, малявки, на пузе! – заходился весельем совсем молодой парень, сам еще недавно точно так же пахавший снежную целину носом и оттого получавший двойное удовольствие. – Сопли не заморозьте!

Ну, этому можно, пускай... Чума только хмыкнул: конечно, парня ждет внушение от Луки, но позже, не при мальчишках. Его подначки не страшны, сам еще года в ратниках не ходил, потому и заслуг никаких, и насмешки его веса не имели. Повеселиться, конечно, не возбраняется, но меру тоже знать надо. Ага, вон тот же Игнат его в ребра ткнул.

А десятники уже строили отроков у ворот. Чума поднялся и направился поближе к месту действия: Лука, если в ударе, такую речь завернуть может – отцу Михаилу со всей его грамотой не придумать. Бывало, неделями по селу пересказывали, да к Луке же и обращались, так он говорил или не так. Тот только плечами пожимал, откуда, мол, я-то помню? Говорун, одно слово.

Отлаял Лука, как Чума и думал, всех скопом и каждого в отдельности. Строй по мере его разноса менялся цветом. И без того румяные мальчишечьи лица краснели еще больше, а зрители на забороллах ржали еще громче. И выходило у десятника, что все-то здесь стоящие парни бравые и толк из них выйдет. Но потом. Когда-нибудь. Может быть.

А пока и дурни-то они. («Кто ж целину во всю ширь вспахивает, цепочкой надобно!»)

И себялюбцы никчемные, силы товарищества не понимающие. («Коли бы по очереди дорогу торили, всем бы легче стало»).

И до славы безмерно жадные. («А ведь слава из общей доблести идет. В худом воинстве и Вещий Всеслав, как золотая крупинка в горсти песка речного, цены не имел бы!»)

И слабы телом. («Вон до тына едва доползли...») И...

К концу речи десятника под мальчишками только что снег не таял. Закончил Лука уж совсем неожиданно:

– Ну, теперь так, значит. ... Молодцы, парни! Если так и дальше держаться будете, выйдут из вас добрые ратники! А теперь домой, к мамкам, пусть накормят! И чтобы завтра сами здесь меня ждали. Ну, что стоим? Кого ждем? Бегом, пока ноги к насту не примерзли! – и уже со смехом, – эй, бабы! Забирайте мальцов. И чтоб в последний раз вас всех на заборках видел!

Фаддей слушал рыжего десятника и усмехался про себя: из Говоруна сейчас словно сам Гребень глянул. Среди десятников разные попадались – и краснобаи, как Лука, и молчуны, из которых в обыденной жизни слово не выжмешь, но все до одного прошли через то учение. Оттого стоило им оказаться перед строем желторотых новиков или, вот как сейчас, учеников, так все равно их голосом старый Гребень вещать начинал. И слова его любимые, и присказки, и вообще – по его речь лилась, и все тут!

Разговор с Лукой оказался для Чумы тяжелым, и если бы не сын, так послал бы Фаддей рыжего болтуна куда подальше. Сам бы Веденю выучил, хоть и понимал, что стрелок из него, в отличие от мечника, неважный. Нет, конечно, не вовсе чтоб никакой, но с тем же Петрухой из их десятка не сравниться, не говоря уж про Луку. Тут уж выбирать приходилось, ибо очень редко кто умудрялся одинаково и в мечном бою, и в стрельбе преуспеть, но отроку, чтобы выбрать, прежде самому надо понять, какое оружие ему к руке и сердцу ляжет. Опять же, к Корнею с Аристархом Говорун близок, глядишь, и те мальцов чему-нибудь при случае научат: мечника лучше старосты Фаддей не встречал. Да и Корзень, даром, что наполовину обезножел, а схлестнуться с ним Чума никому бы не присоветовал. И от Игната с Рябым есть чему поднабраться, и в строю воевать парня учить надо, а что за строй из него самого да сына?

Вот и терпел Фаддей, пока Говорун соловьем заливался, да что-то про себя выгадывал. Но согласился десятник сразу, оговорив, как и ожидал Чума, последующую службу сына в его десятке или десятках Игната и Рябого. Справа для учения и харчи, ежели куда в лес пойдут на несколько дней – это само собой. А вот от серебра Лука неожиданно отказался, чем сильно Чуму озадачил и даже насторожил – не задумал ли Говорун чего недоброго? Хотя в подлости подозревать его повода не было, но никогда рыжий выгоду не упускал, а тут сам бог велел – ведь из чужого десятка берет. Неужто Веденя Луке так глянулся? Тогда чего сам не позвал? Или ждал, когда ему поклонятся? Ну да ладно, за сына язык у Чумы не отсох, и спина не переломила, а нрав свой... Чай, не двадцать годков, иной раз и в узду прибрать не мешает.

Варька от такой новости только охнула. Ждала, конечно, но все равно, как гром грянул. Служба воинская – не мед и не малина, ей ли не знать. Хоть и везло Фаддею в бою, но раны и ломанные кости сколько раз привозил вместе с добычей. А теперь вот и сыночку время пришло. Понимала, что другого и быть не может, и завтра громче всех баб своим сыном хвалиться станет, но сердце все равно мышкой в щель забилося.

А вот сам Веденя (крещен он был Венедиктом, но как-то сразу оно сократилось у Фаддея до Ведени, да так и осталось) изменился. Еще с утра шалил и сестер поддразнивал, а теперь, глянь, враз посерьезнел и на сестрины подначки только с превосходством усмехался. Мол, чешите-чешите языками, на что вы большее-то годитесь? Все одно не постичь вам нашего мужеского понятия.

Варька весь день то втайне от всех носом хлюпала, то, наоборот, громче обычного с соседками через калитку переругивалась, то что-то собирала сыну, словно провожала не на полдня, а на целую зиму. Дочерей посадила одежду его чинить да попутно объясняла: нечего-де губы дуть, брат в мужское дело идет. Выучится – их же защитой станет, и замуж, глядишь, с его воинской доли они пойдут, младшая-то уж точно.

День получился на удивление длинный, Варвара успела и к колодезю сходить, баб просветить: и сын-то у них в учение не просто так идет, а сам Лука Фаддею кланялся отпустить к нему Веденю. Они бы с мужем еще и подумали; коли бы старый Гребень жив был – тогда конечно, а так... Но десятника решили-таки уважить, согласились.

А вот ночь ей далась тяжело; и сама не спала, и Фаддею мешала. Он хоть и поворчал на нее, но больше для порядка – понимал, что маетно бабе. Мысли, поди, ее одолевали – одна ужасней другой. Знала, что дурь в голову лезет, да совладать с собой не могла. Вон, два лета назад новик после учения без глаза остался. А у Пантелея сынка мертвым привезли; хоть и давно было, а все же...

Утром, затемно еще, попыталась накормить парня посытнее, пока Фаддей не рявкнул. Ему ж полдня бегать да железом махать, как с набитым-то брюхом? Лучше бы к обеду побольше приготовила, когда и вправду есть захочется.

Сам Чума для сына припас подарок – все же день сегодня знаменательный. Парня, уже готового бежать к месту сбора, опоясал кожаным поясом, на котором висел простецкий короткий нож в таких же простых деревянных ножнах. Этот самый нож когда-то повесил самому Фаддею на пояс его отец, дед Ведени, точно в такой же день.

Ну, вот вроде и все. Пора. Младшая сестренка хлюпнула носом, старшая цыкнула на нее: молчи, дура, разве можно?

А отроку казалось, что все это не наяву происходит, а во сне – чудесном и немножко страшном.

Хлопнула за спиной дверь, и до ворот проводил только отец.

Глава 2

Отрок Веденя

Начало учебы далось Ведене тяжело. В первый же день он едва добрался к обеду до дому. Рубаха, несмотря на прохладу, промокла насквозь. И от снега, и от пота. Все болело, а синяков нахватался – за всю прошедшую жизнь, наверное, столько не набрал. Мать только вздохнула коротко и... смолчала – раньше-то из-за единой ссадины непременно нашла бы чего высказать. А тут...

Не с гулянья парень пришел. Его, и на скамье-то сидючи, шатает, а он не пикнет. В отца. Фаддей, бывало, тоже к речке, где они встречались, весь избитый приходил, не то что целоваться – сидеть ровно не мог, а все хорохорился – ерунда-де. Варька тогда нарочно пораньше домой уходила, хоть и страсть как не хотелось. А теперь и сыну та же дорожка выпала.

Сестры, с утра решившие встретить брата песенкой про ратника-неудачника, не начав, умолкли, едва Веденя перешагнул порог.

– Ну, что стоите? – Варвара прикрикнула на дочерей, стягивая с сына рубаху. – Рушник неси! А ты слей брату! Да куда тебя на улицу понесло?! Теплой давай! Вон на печи с утра поставлено – глаза разуй...

– Тятенька-то завсегда холодной, – попробовала оправдаться старшая.

– Тащи с печи, говорю! – приказала Варька. – Указывать она мне тут будет! Вот подашь ледяной воды мужу, когда он умается – сама в той кадке и окажешься! – усмехнулась она, глядя

на вспыхнувшую от обиды дочь. – Учить вас еще и учить, бестолковых. Отец-то холодной с утра полощется, со сна, когда сил вдосталь. Вот тогда ледяной охолонуться – самое оно, от того жар внутренний только шибче. А тут парень вусмерть умаялся – с чего у него жару-то быть? Так, тепла остаточки. А надолго ли в избе тепло, коли печь не горит? Запоминай, тебе мужа обихаживать, не все же за мамкой бегать!

Дуняша насупилась, а младшая уже стояла рядом с рушником в руках и, разинув рот, слушала мать. Нет, и раньше, когда отец приходил из похода, они много чего видели и слышали, многому учились, но тогда и не по годам им еще было, и не по уму. А сейчас выходило, что на учебу их братик пошел, а науки на всех троих хватит.

– Среди воинов растете. Ладно, Снежанка малая, а тебе, Дуняха, знать уже пора: сильно уставших, болящих и раненых теплой водой обмывают, – продолжала наставлять дочерей Варвара, между делом подталкивая старшую, чтобы та, заслушавшись, не забывала лить воду на спину и шею согнувшегося над шайкой брата. – Она все мертвое с тела смывает. Кровь да испарина, как наружу выходят, так умирают, а умершее, сами знаете, гниет да смердит. Если ран нет, а царапины только, то иной раз и без лекарки обойдется: кровь смоется, а сукровица потом ляжет чистой корочкой. Тогда и заживет быстрее, и горячка не привяжется. Ну, если что серьезнее, то травами, конечно, хорошо бы. Но это уже тетка Настена подскажет. Поняли?

Обе одновременно кивнули.

Когда Веденя подошел к столу, сестры уже поставили глиняную миску, полную горячих щей, в которую обе по очереди бухнули побольше сметаны, отчего щи чуть не вышли из берегов.

Брат уселся за стол, и младшая подала ему самую красивую ложку в доме – расписную, с резьбой на ручке. Ее Снежанке с полгода назад подарил дядюшка, не чаявший души в своей младшенькой племяшке. Щи Веденя проглотил едва не с ложкой вместе, почти без остановки. Дуняшка, собралась было подлить добавки, но мать не дала.

– Ну чего смотришь? Щей-то не жалко, да ему сейчас все мало, – пояснила Варвара в ответ на недоумение, мелькнувшее в глазах дочери. – Нельзя от пуза жидким наливать. Каши с мясом давай. Да мяса, мяса побольше, оно сейчас нужнее травы. Мужики не телки, чтобы траву пустую жевать, ну так и телки от молока не отказываются. А воину мясное надо, да пожирнее – а то какой с него толк?

Веденя, не обращая внимания на разговоры – похоже, и не слышал, о чем мать с сестрами толкуют – умял и кашу. Тепло и сытная еда свое дело сделали: отрок едва сидел. Глаза напрочь отказывались глядеть, и последние ложки он проглатывал, не поднимая век, а горьковатый сбитень с немалой долей меда, поданный матерью, выпил, уже засыпая. На большой сенник, расстеленный сестрами, рухнул, как в яму.

Девчонки, с утра измышлявшие подначки для брата в надежде повеселиться, смотрели теперь на него, спящего глубоким сном. Пока Веденя мылся, они разглядели, как густо покрыто его тело синяками и ссадинами, и потихоньку приходили в ужас. Ничего себе учеба! Хорошо, кости целы. А ведь только первый день!

– Вижу-вижу, языки чешутся, – ставя сушиться на печь поршни сына и развешивая там же его одежду, улыбнулась Варвара. – Спрашивайте.

– Мам, а за что нашего Веденю били-то? – не выдержала первой Снежанка, привязанная к брату больше старшей. Дуняша уже заглядывалась на соседских отроков, а для младшей пока что олицетворением мужской силы и красоты оставался брат.

– Да не били его, – пояснила Варвара, – учили.

– Ага... А чего тогда вон... – Девчушка показала глазами на почти сплошь покрытые синяками плечо и руку Ведени, выпроставшиеся из-под одеяла, по-детски искренне переживая за любимого брата.

– Так иначе и не научишь... – Варвара небрежно пожала плечами – дескать, что тут такого? – хотя у самой за каждую царапинку сердце кровью обливалось. Кабы не дочери, может, и повздыхала над сыном, но при них никак нельзя... – Чего испугались-то? Подумаешь – царапины да синяки! А то не видели никогда? Привыкайте, такая уж судьба наша – с воинами живем, воинов и рожаем... Вы вон шить учились, иголкой сколько раз укололись, пока приловчились? А тут не иголкой – тут оружием обучают владеть. И синяки эти не страшные – заживут, а ему после жизнь сохраняют...

– Жизнь? – охнула Снежанка. – Как это?

– А вот так! – поджала губы Варвара. – Тут его деревянными палками да кулаками охаживают, чтобы потом острым железом не попало... – Она на миг притянула к себе дочерей, коротко обняла их, отпустив, щелкнула шутливо слегка и одну, и вторую по носу и добавила с явной гордостью: – Отец-то на месте Веденюшки и не поцарапался бы, сапог бы не замочил даже! Ну, так на то он и воин, всеми уважаемый! А Веденя сегодня только первый день. Вот научится, станет ратником наилучшим, и с ним тоже тогда никто не сладит!

– Да, как же! Сопливый еще! Станет он... – Долго сдерживаемая девчоночья вредность выплеснулась неожиданно для самой Дуняши. Да и привыкла она, что братец младше ее, иной раз и командовала им, а уж посмеивалась так и вовсе частенько. Сама тут же поняла, что ляпнула глупость, и рада бы себя по губам шлепнуть, но видя, как возмущенно раскрылись глаза младшей, упрямо идя поперек себя, язвительно добавила: – Когда Снежанка бабкой станет... Ой! – Мокрое полотенце хлестко прошло по физиономии, оставив яркий красный след на щеке, да так, что слезы из глаз брызнули.

– А ну, цыц! Еще раз услышу – неделю у меня не сядешь! Сопли подбери и впредь думай, что ляпаешь... – Не на шутку рассерженная Варвара добавила Дуняше для закрепления урока подзатыльник и, уперев руки в бока, словно с бабами у колодца, оглядела дочерей и уверенно провозгласила: – Станет! А то и в десятники выбьется. Род наш такой, никогда в хвосте не плелись! Отцу не удалось – так в том его вины нет, кабы была ему в молодости поддержка – он бы и сотником стал! Ну так мы-то с ним для вас стараемся... И вам тоже дурехами неучеными жить не годится – замуж дур никто не возьмет.

– Так мы же учимся! – Снежанка даже зашлась от обиды. – Я уже все буквы знаю!

– Учиться-то вы учитесь, – хмыкнула мать, глядя при этом не на нее, а на враз залившуюся румянцем старшую. – А кто в прошлое воскресенье, вместо того, чтоб грамоте учиться, сбежал на салазках кататься, пока я отвернулась? А? Задница-то, небось, до сих пор чешется?

– Да всего раз только... – шмыгнула носом Дуняша, невольно одергивая юбку на упомянутом матерью месте. – Лисовиновы девки всех позвали – им дядька Лавр салазки новые сделал, с узорами, да раскрасил...

– Вот и я тебе салазки раскрасила... С узорами! – хмыкнула мать. – Понравилось? Позвали ее... Лисовиновы-то девки, поди, сами и грамоте учатся, и еще чему, может, а ты рот раскрыла! Снежанка скоро лучше тебя грамоту будет знать – ее первую замуж возьмут, а ты так на салазках с узорами и прокатаешься! А еще брата судишь! Запомните: он теперь воинский ученик, и уважать вы его должны как старшего! Обе!.. А вообще, – уже ласково улыбнулась дочерям Варвара, – в нашем роду ни дураков, ни дур отродясь не водилось! Вот и вы у меня умницы и красавицы, получше Лисовиновых! И нечего на них заглядываться, подумаешь, наряды! Вам брат с отцом еще и не таких теперь с похода привезут, вдвоем-то!

Фаддей вернулся домой задолго до заката: и умаялся сильно – все же бревна тягать дело тяжкое, и сына хотел встретить с учебы. Жаль, не успел.

В сенях на новом колышке висел плетенный из лозняка щит и тут же меч – деревянный, с кругляшом вместо гарды, чтобы рук по первости не искалечить. Все в полном порядке и вычищенное. Чума довольно улыбнулся: первый день, а придраться не к чему.

Сына Фаддей поднял за час до ужина – и чтобы расходился немного, и по нужде надо, а то ведь и проспать это дело можно. Девкам-то смех, а нельзя, невместно, как-никак воинский ученик. Случалось такое и с отроками, и с новиками – так порой уматывались, что и не замечали, как нужда свое брала. Да и поговорить не помешает.

Поднялся Веденя быстро, но мотало его при этом, как пьяного. Сели за стол, Дуняша пристроилась было рядом, но Фаддей так на нее глянул – только что юбка под задницей не задымилась: не к месту влезаешь, сейчас мужи беседуют, не до девичьих хаханек. Мать тут же ей дело какое-то сыскала да еще за косу дернула, и дочь как ветром сдуло.

Вроде ни о чем существенном и не говорили они с сыном. Чума поведал, что приволокли сегодня шесть возов бревен, да вот топор править надо. Веденя покивал, соглашаясь, и сообщил, что ничего в первый день сложного в учебе не было, и Лука его похвалил за выучку и сказал, что меч деревянный у него легковат, затяжелить бы надо.

Разговор неспешный, вдумчивый, вроде и ни о чем, да только вот шел он между равными. Впервые Фаддей говорил с сыном, как с мужем. Конечно, младшим в семье, но с мужем, а не с мальчишкой. И это глава семьи дал почувствовать всем. Холопка у печи вздохнула с пониманием, Варвара довольно улыбнулась, Дуняша смолчала, но упрямо поджала губы и вздернула нос, а Снежанка пискнула от радости. Еще бы! Брат стал еще старше, еще красивей и сильнее. И взялась мазать царапины Ведени жгучей мазью, которую мать еще накануне принесла от Настены, а сама при этом морщилась и страдала больше брата.

Вечер наступил быстро, и после ужина Чума отправил сына спать: уж он-то прекрасно понимал, что завтра Веденю ждет день не легче.

* * *

И в следующий, и последующий дни, и дальше, так, что он и со счета сбился, сил у Ведени хватало только на то, чтобы поесть и дойти до нужника, да на вечерний разговор с отцом. Синяки загаром покрыли плечи, хотя на боках стали убавляться. Снежанка каждый вечер, сопя, мазала брата пахучей мазью и потом, забившись за печь, ревела тайком ото всех. Несколько раз бегала к Юльке, лекаркиной дочке, но возвращалась расстроенная: не было у лекарей чудодейственного снадобья, о котором рассказывал когда-то столетний Живун. Раньше Снежанка верила, что надо будет – и найдется средство волшебное, которое и царапины враз зарастит, и синяки сведет. Только вот, похоже, нет его на самом деле. Брехал, стало быть, старый, сказки пустые рассказывал. А в поветрие помер со всеми стариками, теперь и не спросишь, было то зелье на самом деле или нет.

Может, просто ратнинские лекарки не все знали? Живуна-то не зря так прозвали, долгую жизнь старик прожил, говорили даже, еще сотник Агей мальчишкой его сказки слушал. Зимой вечера долгие, со всего Ратного в его избу ребятишки сбегались послушать. И чего только в тех сказках не было! И меч-кладенец, который сам врагам головы рубит; и щит охоронный серебряный, от любых ударов спасающий, от стрел вражьих укрывающий; и шлем воинский наговорный, ратника от врага скрывающий, глаза недругу отводящий и мороков бестелесных на супротивника насылающий; и веточка заветная о семи листиках и семи цветочках, цвета разного, только в ведьмин день людям являющаяся и семь же желаний исполняющая, ежели наговор волховской семь раз по семь до рассвета прочесть успеешь...

И про страшное, и про смешное старик рассказывал. Веденя, как и другие мальчишки мечтавшие стать ратниками, бывало, его выпрашивал, где сыскать семь источников, что из-под семи камней бьют и честному ратнику дают семь достоинств воинских. Живун только посмеивался загадочно, сказывал: вырастешь, да коли воином справным станешь, сами те источники тебе откроются. Ну что бы Снежанке тогда у него про другое вызнать! Про зелье

чудодейственное, что любые раны в одночасье заживляет и кости сращивает – старый Живун и про такое говаривал. Мала была, не сообразила!

А уж как Снежанке то зелье надобно было! У брата места для новых синяков не хватало, а они все прибавлялись. А царапин-то сколько! А заноз-то! Мамка говорила, печь ими топить можно – столь их из братика повытаскала. Очень то зелье сейчас пригодилось бы! Говорил еще, правда, Живун, что только в руках девицы красной, которой парень глянулся, силу свою оно имеет. Так и что? Снежанка и не дурнушка совсем, а вовсе даже красивая. Федька соседский, когда Ведени рядом не оказывалось, прохода не давал, дразнился. А мамка не раз говорила: раз дразнится, стало быть, нравишься. И сильнее нее Веденю не любил никто. Найдет она то зелье, обязательно!

И Юлька не помогла – девчонка же, в лекарском деле многого не знает. К самой тетке Настене надо бы сходить, но боязно – вдруг она зелье колдовское варит? Дунька вон говорила, кто чужой на то глянет, так и превратится сразу... Из чего зелье варится, в то и превратится. Конечно, тетка Настена добрая, это все знали, нарочно плохого никому не делала, но под горячую руку ей лучше не попадаться.

И мыши у нее летучие прирученные. Снежанка сама не видела, но про это в селе и так все знали. Говорили, что кормила их лекарка и обихаживала, а они ей приносили семена да лечебные травы, которые можно только ночью собирать. Человеку-то ночью живородное зернышко русалочьей травы или пыльцу цветка змеевника никак не углядеть! И все равно эти мыши противные. Но хочешь не хочешь, а идти к тетке Настене придется, за печкой сколько ни реви – толку никакого, только нос распух и глаза красные, как у той мыши летучей. А страшно-то как!

Учеба у Ведени шла своим чередом. Дни словно слились в один, вроде бы всего ничего времени прошло, а уже и лето скоро... Снег весь стаял, и грязь на дороге стояла непролазная. Лука отрокам спуску не давал. Бегали они теперь с двумя мешками, набитыми песком – один на спине, другой на груди. Вес-то небольшой – всего по пятку полных горстей, набранных самими отроками, да ведь до самого обеда плечи тянет. И привычно вроде стало, а все равно, как скидывали те мешки у ворот под навес, так словно гору с плеч сбрасывали. Правда, идти потом несподручно, ноги сами вверх подбрасывают. Девки-хохотушки нарочно к колодцу у ворот приходили к обеду, позубоскалить над мальчишками, пока кто-нибудь из баб не разгонял дурех по домам.

Тяжко отрокам учеба давалась, особенно тем, кого дома не учили ничему – отцам ли лень было, или матери слишком жалели. Ведене приходилось проще, чем многим другим. Чума хоть и слыл самодуром, а сына с малолетства и на охоту, и на рыбную ловлю с собой брал, и там времени не жалел, чтобы обучить всему, чему можно. Всего шесть лет Ведене минуло, когда Фаддей заказал Лавру небольшой топорик, малыцу по руке, и потом тот на повале чистил от веток стволы, стараясь не отстать от отца.

Сколько раз у Фаддея сердце обрывалось и в груди холодело, когда чудилось, что сын вместо ветки по ноге себе попал. Чего уж говорить о Варваре! Она и смотреть-то боялась по первости, когда Веденя во дворе хворост рубил на растопку. Мальчишке-то что – он тогда и не понимал ничего толком, а теперь руки окрепли, и топор у него большой, мужской. Зато и в учебе легче. Чума сына и к луку сызмальства приучал, и, едва тот ходить начал, на коня посадил.

Все бы и хорошо, только синяков меньше не становилось и уставал Веденя по-прежнему сильно. Понятно, что не вышивкой сын занимался, а все же закрадывалась Чуме в душу тревога, и он тайком ото всех не раз наблюдал за занятиями отроков то с опушки леса, то из прибрежного ивняка. На первый взгляд, Лука все правильно делал: и гонял в меру, не напрягая мальчишек сверх сил, и глупостей не допускал. Ладно у него все выходило, не зря в его десяток новики сами просились. Ничего непотребного сказать про рыжего десятника Чума не мог.

Одно настораживало Фаддея: как начиналась учеба кулачному бою или борьбе, так непременно попадался Ведене напарник крупнее его; не так чтобы намного, но все же заметно. Чума хорошо знал, что значат в борьбе лишние полпуда. Даже матерому воину, хочешь – не хочешь, а приходилось принимать в расчет больший вес противника, что уж говорить о подростке! Это, пожалуй, и неплохо: привыкнет парень против сильного стоять, потом легче справится с равным себе. Но не постоянно же так – и с более легким соперником бороться тоже надо уметь.

Когда доходило до палочного боя, тут Веденя и вовсе в первых был, не зря с ребячества топором махал, да отец ему и еще кое-чего показывал между делом. Но зачем тогда все время так мальчика трудить? Вот и мелькала подлая мысль: с одной стороны, может, так оно и надо – учеба воинская никогда легко никому не давалась, а с другой...

Серебра за учение Лука так и не взял. Он-то руку Лисовинов всегда крепко держал, а с кем сейчас Егор и его десяток, пока не ясно. Понятно только, что посередке не отсидеться никому: какие-то непонятные которы у десятников между собой давно шли. А Чума, что бы там ни стряслось, да как бы он сам иногда не ворчал в сердцах на своего десятника, случись что, за Егором пойдет не раздумывая. Так с чего бы этому рыжему черту для его сына стараться? Тогда почему сразу не отказал? Неужто хотел довести отрока до позора, чтобы сам ушел – тогда уж точно никто новиком не примет.

«Да нет, не той породы Лука. Что материт и в пинки гоняет – это он правильно. Я бы, поди, и сильнее приложился – тут бабья жалость кровавыми соплями оборачивается. Фу ты, редька едкая, вот ведь лезет черт-те что в голову! А все Варька! Дура-баба, не в свое дело встряла. Полночи ныла, пока не заткнул: “Поговори с Лукой, да поговори с Лукой!”, а вот поди ж, сам, как пень теперь тут торчу. Увидит кто – засмеют... О чем говорить-то? Бабам любая царапина хрен знает чем кажется, на чаде-то любимом!»

* * *

Господи, как же Ведене не хотелось просыпаться! За ночь он пригрелся под одеялом, и синяки с царапинами перестали саднить. Натруженные мышцы не ныли, и было отроку так уютно, что лежать бы да лежать до самого обеда, жаль, вот-вот петух заорет. Ну что за подлая животиная! И сам не спит, и другим не дает. За время учебы Веденя буквально возненавидел крупного крапчатого петуха с роскошным хвостом, возглавлявшего куриное семейство на их подворье. Стоило ему только прочистить клюв – и уже не замолкал, пока всех в доме не перебудит.

Приходилось вскакивать побыстрей, а то опять отец у бочки с водой первым окажется, и жди тогда, пока он наполощется. Скорее на двор!

Но отца опередить не удалось: едва Веденя выскочил из дверей, как на голову ему опрокинулась бадейка ледяной воды. Ух! Дыхание перехватило, и в глазах на мгновение потемнело. Струи воды стекали по плечам и голове, а рядом довольно смеялся отец. Отрок резко выдохнул, как учили, и, вновь набрав воздуха, громко ухнул.

– Ах, вот ты как, значит? Ну, тятя, держись!

Стоявшей здесь же другой бадейкой черпанул из бочки и погнался за удирающим и хохочущим во все горло Фаддеем. К этому веселью, как всегда, присоединилась Снежанка, выскочившая из дома следом за братом. Она с писком и визгом, хотя ей и доставались только редкие капли, то вместе с отцом спасалась от брата, то уже вместе с братом гонялась за отцом, мстя за Веденю. Дуняша лишь раз выскочила с ними во двор, выражая недовольство ранним подъемом и шумом, но получила ковш холодной воды на спину и больше не высовывалась за дверь.

Отчаянная погоня прошла по всему двору и закончилась, когда Веденя споткнулся и распластался на земле, разлив воду. По неписаным правилам игра, проходившая каждое утро,

на этом и завершалась. Грохот, визг и хохот, летевшие со двора Чумы и служившие побудкой едва не для половины Ратного, беспокоили соседей лишь поначалу, добавив немало красок к славе «чумового семейства», и без того не бледной.

Однако хорошего помаленьку: ополоснувшись и растершись рушниками, отец с сыном спешили к столу. Каша с мясом и салом, с вечера превшая в притопке, да с краюхой ржаного хлеба, да с чесночком вприкуску – просто праздник для брюха. Варвара умиленно улыбалась, слыша, как ложки дробно стучат по мискам. Дальше утро шло по заведенному порядку, и мужчины, захватив каждый свой припас, отправлялись по делам.

Веденя брал плетеный щит и деревянный меч, надвигал на голову плетеный из ивняка шлем на войлоке и спешил к воротам.

Вначале время еле-еле тянулось, первая неделя за месяц показалась, а потом понеслось – только в ушах свистело. Уже и тепло совсем стало, листья распустились, трава зеленым ковром, а казалось, только вчера снег лежал. Учеба стала привычной, и мальчишки уже не представляли себя без нее. Тяжело было по-прежнему, но любому из них стало бы наказанием даже на пару дней прервать занятия.

Да и легче стало. Если первое время они приходили домой и валились спать – и родители их не беспокоили, то теперь уже и на домашнюю работу силы оставались, а вечером и на улицу выйти успевали. Откуда силы взялись?

Десятники уже несколько недель все разом на занятиях почти не появлялись. А недавно случилось что-то непонятное – что именно, отроки толком не знали. Говорили всякое. Просто однажды мальчишки, собравшиеся, как всегда, с утра пораньше, долго прождали наставников у ворот, покуда не прибежал новик от дядьки Луки и не отправил их по домам. Веденя и не знал – радоваться неожиданному отдыху или не стоит: в Ратном происходило что-то недоброе. Отец на его осторожный вопрос только шикнул в ответ – мол, не твое дело, сопляк, и после этого несколько дней ходил злой, рычал на холопов и не по дому работал, а со своим десятком чего-то подолгу обсуждал. Мать целыми днями пропадала у колодца и возле лавки, а потом что-то пересказывала отцу, а он, против обыкновения, слушал ее внимательно и серьезно.

Но все как-то быстро успокоилось, только вот дядька Лука с другими десятниками из села уехали; отец сказал – боярские вотчины себе обустраивать. Веденя даже расстроился, что учеба на том и кончится, но нет, все продолжилось, просто десятники занятия стали проводить по очереди – когда сами, а когда вместо них кто-то из ратников. Десятники, правда, иногда наведывались из своих вотчин и все разом.

Вот и сегодня все трое должны прийти – еще накануне приехали. Видно, глянуть хотели, чему их ученики выучились, да решить, стоит ли отроков до чего потрудней допустить. Поэтому Веденя и торопился, чтобы к приходу дядьки Игната уже быть готовым и, приняв точно такую же, как и он, лениво-скучающую позу опытного, все повидавшего воина, дожидаться появления дядьки Луки. Да и не он один – все отроки постарались прибежать пораньше ради такого случая.

Лука, едва появившись, без слов махнул Игнату рукой – начинай, мол. То, что десятник сегодня совершенно не в духе, заметили все, даже Сидор Тяпа, самый сильный, но всегда сонный и потому самый непонятливый. То, что причиной этому послужило что-то совершенно их не касаемое, дела не меняло – отыграется-то десятник на них. Впрочем, тут уж ничего не поделаешь, и учение пошло своим, уже привычным чередом. Дождавшись команды, отроки рванули на обязательные ежеутренние пять кругов вокруг Ратного.

В последнее время Веденя не переставал удивляться самому себе. Скажи кто в первый день учебы, что ему понравится эта пытка, он бы, пожалуй, и в ухо ему врезал, а теперь...

Заканчивался первый круг. Отроки только начали входить в общий ритм движения. Дальше полегчает – это они уже знали. Полтора десятка сапог вдруг ударили по весенней, подсохшей от луж, земле одновременно – и следующий шаг получился одинаковым. И еще один.

Каким образом все отроки поняли, как почувствовали необходимость сохранить этот, почти случайно пойманный миг общего единства, они объяснить не могли. Просто нарастало непонятно откуда взявшееся странное, совершенно незнакомое до сих пор чувство: все полтора десятка тел будто мгновенно связали одной веревкой. Это оказалось настолько неожиданно, что, едва ощутив единение, отроки его снова потеряли, сбившись с шага, но чуть позже уже почти сознательно постарались поймать снова.

И тут, сам не зная почему, Веденя, ступая левой ногой, выкрикнул: «Ух!» А через шаг снова – «Ух!» И добавил, ступая правой: – «Раз!» И снова – «Ух!» И снова – «Раз! Ух-раз! Ух-раз!» Ух ты, как здорово выходит!

Теперь получалось, что именно Веденя всеми командовал, задавая размеренность движения. Вроде как старший. От такой мысли он едва не сбился с шага и испуганно оглянулся на бежавшего слева и чуть сзади Игната. Десятник улыбнулся и кивнул – молодец, продолжай.

Ух-раз! Ух-раз! Заканчивался третий круг. Веденя теперь бежал впереди всех: Игнат, втиснувшись в толпу отроков, вытолкал его вперед, снова кивнул и вернулся на прежнее место.

Тяжело... Не хватало воздуха, пот драл глаза, сколько его ни вытирай. Говорил же отец – подвязывай косынку. Вот ведь дурень, опять закобенился – не девка, мол! Отец тогда только усмехнулся.

Тяжело, очень тяжело. Четвертый круг на исходе. Ноги свинцово-деревянные, бегут будто сами по себе. Хорошо, хоть дышать полегче стало – то ли по привычке, то ли еще чего.

Ух-раз! Ух-раз! Ух-раз!

Господи, ну, до чего же тяжело! Когда же закончится этот пятый круг? Ух-раз! Ноги одновременно опускались на землю, рты вместе тянули воздух и вместе с хрипом выдыхали. Ух-раз! Все вместе! Всей силой! Ух-раз...

Показался последний поворот, осталось совсем чуть-чуть. Скоро отдых. Ух-раз! Веденя вдруг поймал себя на том, что останавливаться ему вовсе неохота – так бы бежал и бежал. Ух-раз!

Оглянулся на остальных: может, он один такой дурень? Нет, остальные тоже с удовольствием топтали ногами и ухали, как сотня филинов.

Ух-раз! Сила! Общая сила, их сила! Они вместе теперь могут все! Ух-раз! Кто их останавливает? У кого хватит на это сил и смелости? Ух-раз! Теперь они справятся! Со всеми и со всем и, прежде всего, с самими собой. Теперь никто не отступит, теперь только до конца. Все вместе! Ух-раз!

Всех проняло, даже у Тяпы сквозь струи пота блестели глаза. Ух-раз!

– Стой! – десятник своей командой разорвал чудесное единение. Или нет? Отроки переглянулись и разом уставились на Веденю.

– Ну, что застыли? Чего ждем? Не стоим, не стоим! Шагом до опушки! Пошли! – если ноги у отроков и были войлочными, то войлок тот точно свинцовый, и идти показалось труднее, чем раньше бежать.

– Веденя! – позвал Игнат и, когда тот повернулся, осуждающе покачал головой.

Совершенно неожиданно для самого себя Веденя снова гаркнул:

– УХ! – и тут же добавил: с – РАЗ!

Идти под такую команду оказалось даже удобней, чем бежать. И Веденя снова впереди всех.

Хотя и ноги заплетались, и на пятки отроки наступали друг другу через раз, приноровившись опять только к концу пути, но понравилось всем. Сила снова с ними! Не так, как в беге, но тоже значительно.

– Стой! – отроки замерли, а Игнат, подойдя к Ведене, спокойно произнес: – Сначала команду давай.

– Что? – не понял тот.

– Прежде чем трогаться с места, не забывай дать команду «Шагом! Пошли!» или, скажем – «Бегом!», а уж потом ухай вволю, – пояснил Игнат и подмигнул. Как своему – хитро и со значением. С понятием. Веденя остолбенел. Эт что, он теперь за старшего? Все смотрели на него, ждали чего-то, а он и не знал, что делать-то.

Веденя испугался: чего уж хуже, чем дураком выставиться?! И тут на помощь пришел уже Лука, ждавший их на опушке.

– Что встал, старшой? Ерша проглотил? Снарягу проверь и на пары отроков разбивай! Учиться пора!

До обеда время пролетело с такой скоростью, будто его и не было вовсе. Веденя даже осип: непривычно горлу такое. Устал он больше обычного, но, на удивление самому себе, был доволен. Почти счастлив. Вот если бы еще Яруска видела, как он сегодня...

– Веденя, – Лука выцепил парня из толпы расходящихся по домам отроков, – ко мне после обеда зайдешь.

– Зачем, дядька Лука?

– У ерша ребра считать! Сказано – зайди, и не хрен спрашивать! – рыкнул десятник, но тут же, сменив тон, пояснил: – Ты теперь старшой, а старшому нельзя дураком быть. Потому расскажу, чем завтра заниматься станете. Уяснил?

– Уяснил, дядька Лука!

– Хорошо. Тогда домой беги. Да отцу от меня поклон передавай. Молодец, парень! – вдруг широко улыбнулся десятник. – Ну, давай, дуй...

Настроение у Ведени стало просто совершенно невероятное! Он – и вдруг старшой! Ноги сами пританцовывали, разбрасывая брызги воды и грязи...

– Эй, ты! Чумной! Подь-ка сюда! – в проулке стоял младший сын мельника Гераська с приятелями. Веденя с ними никогда особо не дружил, но вроде и не ссорился. Да и от остальных отроков те всегда держались особняком, и не столько потому, что подобралась там все больше родня (это-то дело понятное – все с детства вокруг своих собираются, вон, дядьки Луки родичи тоже ватагой ходят), сколько потому, что уж больно много о себе понимали. Подумаешь, и позажиточнее их отцов есть, а не важничают, а эти...

До сих пор все этим «важничают» и ограничивалось: если не считать мелких стычек по разным пустякам, вполне обычных в мальчишечьей жизни, так откровенно Гераська не нарывался. А вот сейчас, похоже, решился. Он уже давно на воинских учеников Луки смотрел исподлобья.

Почему его с родичами Лука в учение не взял, неведомо. Бронька говорил – отец Гераськи приходил к рыжему десятнику, про что говорили, правда, он не слышал, наверное, как раз просил за своего сына, да ушел злющий. Все это Веденю совершенно не касалось, но сейчас ему словно ковш воды на голову вылили. Он прекрасно знал о прозвище своего отца и не любил его. А уж когда так вот...

– А в зубы не хочешь? – То, что драки не избежать, он понял сразу, но как же не хотелось! Да и сил не осталось. Наверняка Гераська нарочно именно сейчас прицепился, после занятий.

– Подойди и дай! Деся-я-ятник Чумной...

Веденя даже злиться почти перестал – это когда же они узнали? Не иначе, подсматривали...

– А тебе завидно, что ли?

– Чего? – Гераська презрительно скривился. – Пинкам, что ли, завидовать, которыми вас, дурней, дядька Лука, как собак по околице, гоняет? Да кому оно нужно-то? Да и не быть тебе десятником – не по вашему чумовому рылу гривна. Спроси своего отца, сколько он у моего деда нужников перечистил. Из милости позволили, а то бы ему сроду пояса воинского

не видать... Так дурни у умных вечно в рабочих, хоть с мечом, хоть с сохой... И тебе туда же дорога!

Вот теперь злость ударила в голову так, что в глазах потемнело. Презрительный хохот Гераськиных подпевал только подлил масла в огонь. Противники явно заманивали Веденю в узкий проулочек, где легче взять числом. А и плевать! И больше не рассуждая, он врезал, как учили. В зубы. Гераська кувырнулся назад. Сбоку прилетел чей-то кулак, Веденя увернулся, даже не успев заметить, чей. Ушел и от второго удара ногой, но отскочить от жирной туши Мотыки Каши в проулочке шириной в три локтя не было никакой возможности. Толчок оказался сильным, Веденя опрокинулся на спину и ударился затылком обо что-то твердое. И потерял сознание.

Глава 3

Фаддей Чума. Вразнос

Фаддей в прекрасном настроении возвращался домой с реки, где он все утро провозился с шитиком. С полем под новый огород закончили еще накануне: бревна загодя вывезли, валежник и весь лесной мусор спалили, распахали. Можно и репу сажать. Ничего не скажешь – работа тяжелая, а надо. Глава холопской семьи попался рукастый и работающий, подсказал, как легче на веревках бревна укладывать, да и баба его не ленилась: понимали, что и им с того огорода кормиться. После такой работы можно если не отдохнуть, то заняться чем-то для удовольствия.

Вот шитик таким удовольствием и был. Без лодок, хоть каких-нибудь, на реке никак не обойдешься, у всех в селе они имелись. Ратнинцы, ежели где по узким протокам или курьям ползать, долбленки ладили – лучше для такого дела и не придумаешь. Имелись и набойные лодейки: тоже невелики, однако для рыбака, что на стрежне рыбу берет, такие удобнее простой долбленки. Ну, а те, кому рыба не просто подспорье в хозяйстве, а для прокормления, так и вовсе заводили несколько разных лодок. Помнил Фаддей, как мальчишкой бегал на берег, где холопы отца Говоруна мастерили большую ладью – тот все пытался наладить торговлишку с Туровом да другими городами. Не вышло, правда – какой из ратника купец?

Однажды в походе Чума подсмотрел, как шитики делаются, и потом целую зиму в сарае над своим мудрил. Зато по весне как ратнинцы глаза вылупили, когда он этот самый шитик на воду спускал. Невелик, конечно, всего-то локтей двенадцать, а вместительней обычной долбленки, да и поустойчивей, что для рыбака не последнее дело, хоть и сидит в воде помельче. Ну, и полегче.

Рыбка-то не только кормила, но и неплохой доход давала, особенно если знать, как ее не только выловить, но и приготовить. И если наловить того же осетра все в Ратном умели, то как засолить и подкоптить, чтобы во рту таял, словно масло, и не разваливался, знал только Чума. Повторить никому не удавалось, а у него и свои покупали, и на Князем погосте не брезговали, недаром купчики, что время от времени наезжали в Ратное, первым делом к Фаддею шли, за осетрами, подкопченными до нежности. Да и остальную рыбу брали охотно; не сказать, чтобы дорого, зато самому никуда не мотаться.

И за сына Чума радовался. Накануне встретил Игната, который вместе с прочими ново-явленными боярами к вечеру заявился в Ратное (*«И чего их всех принесло, интересно? Словно сговорились. Ну да и хрен с ними – не мое дело...»*), так тот очень даже Веденю хвалил. Из лучших у него сынок – это ли не радость?

И Дуняша у них выросла рукодельницей – вышивка ей удавалась на диво. Сам-то Фаддей особо в этом не разбирался, но Варька не могла нахвалиться. А недавно дочь выпросила у

матери два клубочка шелковых ниток, тех, что он лет пять назад из похода привез. Варвара их все берегла, да руки не доходили, а тут на тебе! Девка так рушник вышила, что и на торг отвезти не стыдно – полкуны можно запросить, не меньше. Варька разохалась и рушник дочери в приданное сразу отложила – возраст подошел.

А младшая все больше с травками да всякими настоями возилась, глядишь, травницей станет. Не Настениного полета, понятно, так ведь и простыми хворобами, да по бабьим делам тоже кому-то надо пользоваться, а почет не меньший, и прибыток тоже – люди за такую помощь всегда щедро отдарятся, и в будущей семье такую невестку уважать и ценить станут. Та же Настена и поучит, за серебро, конечно, но тут уж ничего не попишешь, учение всегда дорого. Серебро-то как далось в руки, так и уйдет, а умение и пропить не всякому удастся – всегда с собой.

Да и Варюха, может, еще сынка сподобится родить, не старая же, некоторые бабы и позже рожают. Двое младенцев у них померли, царствие им небесное.

«Кабы не Настена, так и Снежанки с Веденей в последнее поветрие не стало бы. Так что если младшая и впрямь на лекарку нацеливается, выдюжим. Оно того стоит».

Хорошо все же! Мысли в голове крутились добрые, спокойные. Солнце яркое. Лужи синие. Он разглядел свое отражение в очередной: это ж надо – борода от улыбки до ушей чуть не вдвое раздалась. «Ах ты, зараза! Дразнишься? А на тебе!» И брызги, сверкнув на солнце, разлетелись в стороны. Чума хмыкнул, хохотнул и поскакал, как бывало в далеком в детстве, по лужам, любуясь сверкающими брызгами.

У ворот, за которыми возле колодца, как обычно, толпились бабы, пришлось утихомириться и дальше идти степенно – все же не мальчишка.

– Слышь, Фаддей, отстаешь от сынка-то... – Верка, вечная соперница его Варвары в бабьих перепалках, тянула из колодца ведро. – Или не знаешь еще? Веденя-то твой в десятники выбился. Начальный человек прям – куда там! Да ты постой, погоди, расскажу! – зачастила она, видя, как Фаддей, не оборачиваясь, прибавил шагу.

Можно было бы и послушать, ежели что другое, но про такое лучше самого Веденю спросить – ему, небось, похвалиться не терпелось. И Варька насмерть разобидится, если прознает, что ласы точил не с кем-нибудь, а с Веркой – у жены наверняка язык горел первой рассказать ему такую новость. Ну надо же! Верка-то, конечно, и сбрехать может, но только не в воинских делах, за это спрос строгий. Ее же муж ее и поучит.

«Поднялся сын! Я не выбился, ну так пусть он свое возьмет. За весь род наш, значит... А чем Веденя того же Игната хуже? Тот еще совсем молодым десятником стал. При мне новиком бегал, а поди ты... И тоже отец простым ратником ведь был, а сын вон в боярах нынче ходит. Надо бы подарок Ведене теперь памятный, дело-то серьезное. Десятник, как-никак! А у начального человека отличие должно быть, как же иначе? Не для баловства или похвальбы – для дела. Плевать, что он пока десятник над такими же сопляками – и Корней, небось, не сразу гривну сотничью на шею повесил».

После обеда до козюляк сходить, пояс новый купить, да к Лавру заглянуть, нож получше посмотреть, а нет – так заказать. Эх, и чего заранее не подумал! Сейчас бы в самый раз Веденю ножом хорошим опоясать. Пару месяцев всего, почитай, и проносил дедовскую память... Ну и ладно – теперь пусть тот нож внуков дожидается. Глядишь, родовым сделается. Чтобы и через сотню лет потомки в воинский строй в первый раз с этим клинком вставали».

И Чума снова расплылся в довольной улыбке.

Ворота во двор встретили его распахнутыми настежь створками.

«Никак, ждут? А Варюха чего квохчет? Не по-доброму как-то... ЭТ ЧЕГО ТАКОЕ?!»

Возле крыльца стоял Бурей, а у него на руках, будто неживой, лежал бледный Веденя. Варька бестолково металась по двору, не соображая, что надобно делать, хватаясь то за одно, то за другое. Чуть в стороне Снежанка роняла на рубаху слезы и кровь из сильно распухшего носа. Юлька, непонятно за каким делом, но очень кстати оказавшаяся здесь, хлопотала рядом, стараясь помочь ей, а Дуняша распахнула дверь в дом.

Из-за забора высунулся соседский малец Федька и замер, оглядывая двор. Нехорошо смотрел, зло...

– С тобой-то что? – спросил Фаддей у заплаканной дочери. Спрашивать, что с сыном, было почему-то страшно.

– Мотька Каша... ногой... – то ли проговорила, то ли проревела Снежанка, – я Веденю оттащить хотела-а... а он ного-ой...

Бурей уже заносил отрока в избу.

– Что с сыном? – Фаддей поймал жену за локоть.

Варька никак не могла прийти в себя:

– С учебы принесли. Вот...

Как Чума оказался на улице, он не помнил. Не видел, как следом выбежала Дуняша и понеслась куда-то, а из соседнего двора с перекошенными от злости лицами выскочили Федька и два его старших брата и тоже побежали прочь. Чума решительно направился в сторону усадьбы Говоруна. Возле распахнутых настежь ворот подворья Луки возился с какой-то справой Тихон, племянник десятника. Увидев Чуму, он с улыбкой закивал ему:

– А-а, Фаддей, здрав будь! Слышал уже, слышал, – но от сильного толчка в грудь опрокинулся назад.

«Над чужим горем смеяться?! Еще и дорогу заступил!»

Сам Лука сидел за столом и хлебал щи. При виде Фаддея рыжая борода десятника расплзлась в стороны.

– А, Фаддей, заходи! Щей будешь?

Бешенство резко отпустило Чуму, как всегда перед схваткой, лицо слегка побледнело.

– Я... тебе... сына... доверил... а ты... что... сотворил? – Фаддей говорил почти спокойно, и именно это встревожило Луку и заставило подобраться.

– Ты что, рехнулся? Пропись... – Ничего не понимающий Лука не столько рассердился, сколько удивился – в чем дело? Не с чего вроде бы.

– Пропись?! – стол вместе со щами полетел в сторону, в глазах Фаддея вспыхнули факелы, и борода Говоруна повстречалась с его кулаком.

Нога Луки воткнулась в живот Чумы. Фаддей с трудом выдохнул, но устоял, несмотря на темные пятна, которыми отчего-то пошло все вокруг.

Однако в избу уже ввалился Тихон с тремя дюжими парнями, родичами десятника. Четверо на одного – это много. В тесной горнице такое не под силу даже Андрюхе Немому.

– Не бить! – из-за опрокинутого стола поднимался Лука. – Охолонится, поговорим. А сейчас за ворота его!

Во дворе Чуму отпустили: негоже ратника, как собаку, пинком со двора вышвыривать. Сам уйдет. Фаддей передернул плечами, потер живот – здорово лягается десятник, редька едкая.

Вот тут-то он и увидел под навесом на лавке меч. Тот самый. Рядом подпилы. И ремешки на рукояти наполовину расплетены. Чума даже застонал от бессилия и злости: *«Ну, не уроды ли?! Ну, ладно, сопляк этот, понятно... Но как Лука допустил?!»*

Нельзя в чужом доме хозяину зла желать. Не по обычаю это, не по-людски. В воротах можно. Вот там и высказал:

– Ничего, Тишка, передай Луке: сочтемся!

Теперь домой. Чума запоздало обругал себя: *«Вот же дурень! Надо бы сначала узнать, что с сыном!»*

Он уже подходил к своему подворью, когда сзади окликнули:

– Ну, и долго ты еще Луке в рот смотреть будешь?

За спиной стояли Егор с Фомой.

– Я-то? Я сам себе печка в избе! – не хотелось Фаддею сейчас ни с кем беседы вести, а уж с двумя десятниками тем более. – А Лука... Не тому он на ногу наступил. Только эт мое дело. Вам-то что?

«Не до них сейчас. Домой надо, узнать, что там с Веденей. Но и просто так уйти нельзя – десятники, чтоб их...»

– Торопишься? – вступил в разговор Егор, слегка отодвигая в сторону Фому; покивал сочувственно. – Слышали мы о твоей беде. Пошли, нам по пути – по дороге поговорим.

До дома Фаддея идти совсем немного оставалось, но попутчикам хватило времени, чтобы пригласить Чуму заглянуть, как освободится, к Фоме на разговор.

– Ты, Фаддей, не ерпенься. С добром к тебе. Не только твою мозоль Лука с Корнеем каблуком прижали. Так что приходи, поговорим, – уже у ворот закончил Фома. – Есть о чем.

Во дворе, на куче ошкуренных бревен расположилась Снежанка с какими-то горшочками и туесочками, а рядом с ней, полыхая кумачовыми ушами, пристроился соседский Федька. Девчушка, сама с припухшим носом и хорошим синяком под глазом, чем-то мазала ему сбитые в кровь костяшки на руках и, подражая Настене, беседующей с болящими, выговаривала за неосторожность. Чума по резкому запаху узнал целебную мазь – сколько раз самого ею пользовали! Едучая, зараза, но парень сиял от удовольствия, а Снежанка уже тянулась к царапинам на его лице. Фаддей хоть и проскочил мимо, тревожась за Веденю, но про себя усмехнулся:

«Ну вот, еще один родич намечается. Малье они еще, но кто знает... Сам-то Варьку за косу когда дергать начал? То-то...»

Ни жены, ни Ведени Чума в доме не застал. Заплаканная Дуняша, хлопотавшая по хозяйству в отсутствие матери, хлюпая носом, объяснила, что приходила тетка Настена и, посмотрев Веденю, велела нести к ней. Мать тоже сейчас там.

– А сказала-то что? – Чума скрипнул зубами: лекарка из-за какой-нибудь безделицы к себе не заберет. Значит, плохо дело с мальцом. Рывкнул с досады на дочь, хоть ее-то вины ни в чем не было. – Да не реви ты! Говори толком!

– Так я толком... Сказывала, покой ему нужен, а у нас де только медведи по двору не бродят... И мамка как ума решилась. Ее тетка Настена по щекам отхлестала, да чего-то выпить дала – полегчало ей, придет скоро.

– Вот дура... С Веденей что? – Чума чуть не влепил дочери оплеуху.

– Так через три дня дома будет. Лекарка сказывала...

Фаддей уже не знал, куда кидаться.

«Самому бежать к Настене? Нет, не пустит, уж коли отсюда забрала. Да и невместно мужу в такие дела лезть. Варьки дожидаться надо, придет скоро».

Мучили нехорошие мысли, предчувствия грызли ничуть не лучше, и Фаддей метался кругами по дому. Вроде и не с чего: лекарка ничего плохого не сказала, а он трясется, как баба! Что-то надо было делать, куда-то бежать, но что именно и куда, он представления не имел. Бешенство, до того прибитое страхом за сына, вновь поднялось до края.

Выскочил во двор, пару раз врезал от души сунувшемуся не вовремя холопу, довесил его бабе, прибежавшей на шум, рубанул топором по здоровенной колоде для колки дров, да так, что тот и застрял там намертво. Выдирая, сломал топорщице и, матюкнувшись, вылетел со двора, сам не зная, куда его несет.

«Фома звал... Ну так и ладно, зайдем. Не услышу чего толкового, так хоть душу отведу – тот тоже не дурак кулаками помахать».

В доме Фомы его и впрямь ждали. Правда, здесь же оказался и Степан-мельник, братец недавно побитого сотником Пимена, но сразу заторопился по делам. Ну и бог с ним, со шкурой.

– Ну и чего звали? – Фаддей нарочно держался вызывающе, всеми силами нарываясь на драку, но остальные вовсе не спешили в рукопашную. – Или сказать нечего?

– Так хорошему-то ратнику завсегда есть что сказать, – судя по всему, заводиться Егор не собирался и грубости не замечал. – Так не на сухую же глотку. Садись, Фаддей.

Что еще оставалось? Чума опустил на лавку.

– А сказать что, так и не всякому скажется, – добавил Фома. – С тобой вот можно. Ты Егорова десятка ратник, стало быть, не чужой. Так что садись и общество поддержи, а то мы одни уьемся до пенькового треска. Ты и виноват будешь, что друзей один на один с брагой бросил.

– Верно. Да и душу полечить надо. Сын-то как? – Егор говорил искренне и спрашивал не просто для поддержания разговора: на самом деле соблезновал, Чума это чувствовал. – Смышленный он у тебя. Видел я поутру, как он отроками командовал – будто родился с гривной на шее. Ничего, перемелется. А что побили – крепче будет. Настена поднимет. Мы как раз стариками станем, вот на мое место и пойдет. У меня, сам знаешь, девки одни. И будешь ты, старый вояка, под командой сына ходить. Чего уж лучше!

От Егоровых слов Чуму будто отпустило. И правда, поднимется сынок, теперь уж не удержишь! И не будут его, как когда-то самого Фаддея, к земле прижимать да бедностью попрекать. Егор зря не скажет. Фаддею вдруг до жжения в горле захотелось похвастаться, какой у него умный и честный сын – ну вот ни разу батьке не соврал! Какой работающий и старательный – сколько вдвоем успевали, покуда на учебу не пошел. Так и там последним не стал, Игнат вон не нахвалится...

Чума все говорил и говорил, а Егор с Фомой слушали. Когда соглашаясь, когда усмехаясь, но Фаддею и не важно было, верят или нет. Ему просто хотелось высказать, скорее самому себе, какой у него замечательный сын вырос.

Брага на столе стояла слабая, с такой грех сильно захмелеть, но и ее хватило – Фаддею уже не хотелось крушить головы. Зачем? Прав Егор, есть у него будущее. Сын поправится, в люди выйдет, дочерей замуж выдаст, глядишь через десяток-другой лет у Ведени свой десяток соберется. Из племяшей да сыновей...

– Только вот тяжело ему подниматься-то будет, ох тяжело... – Фома будто комок снега за ворот сунул. – Хороший парень, а намается.

– Эт с чего бы? – Чума, уже разогнавшийся мыслями, дернулся от внезапного окорота. – Игнат вон...

– Игнат... Что Игнат? Он сам под Лукой ходит, – пояснил Фома. – Не он решает. Что Корней укажет, то и будет.

– А Корней чего? Ему-то мой Веденя чем не угодил?

– Да нет, он его и знать-то не знает, – снова взялся пояснять Фома. – Так ведь Лука напоеет, сам рассуди.

– Ну... Рассудил... И чего? Ему ж ратники нужны, так с чего бы ему сына-то моего давить?

– Так ратники-то ему нужны для себя. Под свою руку, значит. Чтоб ему служили, как собаки верные. А кто на поклон, как Лука, не идет, тот враг.

– Так и что? Всяк так и ломит. А иначе-то как? – Фаддей никак не мог уловить, что же хочет сказать ему десятник. – Веденя-то тут каким боком?

– Да в том-то и дело, что никаким. Ты сам подумай. Зверенышу своему Корней намного больше десятка собрал. Так?

– Ну, так...

– Теперь... Внуков у него посчитай, сколько? Да сын еще... Сосчитал?

– Ну и...? – что-то брезжило в голове Фаддея, но как же не хотелось ему понимать того, о чем толковал Фома.

– Так ведь каждому по десятку надо дать. А то и поболее, как этому, Бешеному. Ему вон вообще грозился полусотню собрать. Где ж на твоего-то ратников найти? Ему в первую голову своих надо наверх вытянуть. Вот и получается, что Ведене твоему ходить простым ратником под дурнем каким, вроде Кузьки али Демки Лисовиновых.

Больно ударил Фома, очень больно. В самое чувствительное место выцелил. Фаддея как в прорубь опустили. Только что все так хорошо складывалось! И ведь прав Фома! Чуме ли не знать, как дальнюю родню, коли серебра за душой нет, в иных десятках давят! Своей шкурой все это распробовал. И доля в добыче не та, что остальным, и работа черная на спины таких вот ложится. Для того и берут их в десятки, чтоб было кого за крайнего держать.

«Нет, хлебнул. Не хватало и сыну так же!»

– Вот и думай сам... – продолжил Фома. – Того же Егора возьми. Сколь прошел, сколь повидал. Много ли у нас таких, кто в варяжской дружине подняться смог? А ходу ему дали? Сам вас собрал! Вспомни, как ты из старого десятка уходил. Егор тогда за тебя чуть не на ножах со всеми десятниками... А теперь за его правду Корней его вон как приласкал... – Фома покосился на враз помрачневшего Егора, машинально ухватившегося рукой за обрубленную топором бороду, и быстро перевел на другое. – Ты вон пятерых до кольца не доберешь никак. Последний поход с Корнеем вспомни. Ваш десяток тогда в самую рубку сунули, а там, поди, счет докажи. Ты вот по счету двоих тогда взял. А по делу? Четверых? Не меньше.

– Пятерых... – думай не думай, а прав Фома!

– О! И кому в счет еще трое пошли? То-то! А Карпа, родича своего, сотник меж телег поставил, знай, руби – весь счет под ногами. Он тогда шестерых себе добавил; за два боя кольцо взял! А ты сколько лет маешься?

Тут только Фаддей заметил, что говорит с ним один Фома. Егор, чуть не обнявшись с кружкой, забился в угол, и было непонятно, то ли задремал, то ли просто слушал.

– Вот и считай теперь. Тебе всю жизнь ходу не давали, и сыну твоему то же самое готовят, – гнул свое десятник. – И всем нам тоже.

– Что – то же? – Фаддей не был дурнем, но мысли Фомы почему-то не встраивались в привычные понятия.

– А то! Половину сотни он уже заморочил. В рот ему смотрят, дураки. Он же их под своих сопляков готовит, на их горбу в царствие небесное въехать норовит. А как въедет, так уж нам поздно думать. Сейчас надо!

– Погоди-погоди. Давай разберемся. Кунье он взял? Взял! Добычу поделил? Поделил! Так что не так-то? – Фаддею показалось, что он уловил ниточку истины.

– Ага, взял... Фаддей, ну ты что, и вправду чумной? Ну, подумай! Когда Таньку Лавр умыкнул, помнишь? А потом? Лисовины втроем всему Куньему бока намяли! Ты думаешь, сотня не смогла бы эту деревушку взять? Да на один чих!

– Не понял. А почему тогда?... – попытался возразить Фаддей.

– А не понял, так слушай! У него ж там родня с того времени завелась. Коли бы не дурень-сват, так, считай, Корней давно уже смог бы свою сотню набрать. Только ему верную. Вот тогда бы точно всем нам одна яма, как Пимену. А он все ждал, пока сватышка копыта откинет. Не дождался, пришлось самому помочь. Не прискачи Лука, хрен бы он пошел брать Кунье – по-доброму бы все решил. Заодно и удостоверился, сколько он ратников за собой поднять может. Доходит?

Чума молчал. Было в словах Фомы что-то не то чтобы неправильное, скорее, недоговоренное. Но спорить с ним сложно, тем более говорил десятник все, как есть.

– Теперь вот что подумай, – вкрадчиво продолжал Фома. – Куньевские-то, почитай, все родня, а это ж какая орава! Он же только ближайших вольной наделил, а остальным приманку

оставил. В полусотню Бешеного за ту же вольную все, почитай, готовы сыновей отдать, только свистни. Так кому твой Веденя нужен? А подрастет вся эта мелкота да натаскается, что тогда делать? Они уже крови попробовали, а что дальше? Подумал? – Фома и сам, похоже, верил в то, что говорил. – Ты глянь, много ли он у народа спрашивает? Старики с кольцами и то возражать опасаются – вон, Пимен уже возразил. Через пару лет, конечно, все разберутся, что и кому Корней задолжал, только не опоздать бы.

Фома замолчал, приложился к бражке и выжидающе посмотрел на Чуму. Тот задумчиво чесал бороду. А ведь и в самом деле выходило, что Корней силу набирал, но большой беды Фаддей до сегодняшнего разговора в этом не видел. Но вот если на это так взглянуть, то и правда радоваться нечему.

«Что Пимена с совета вперед копытами вынесли – горя нет, да только ведь и порядки воинские рушатся! Ну, где видано, чтобы младшая стража не под взрослыми ратниками, а под таким же сопляком ходила? Неправильно это! Да и чему еще их там учат? Похоже, и вправду Корней хочет сотню извести, а сам со своей дружиной под князье крыло сотником податься. А остальным тогда как? Без сотни и для Ведени в воинском деле места нет – уж десятиничество точно не улыбнется.»

Да какое тут десятиничество, долю ратника бы сохранить!»

Ему самому не так чтобы много осталось, хотя загадывать грех, но сыну...

«Только жить начинает, а уже поперек колеи колоду подбрасывают. Оно бы, может, и под князьей рукой неплохо, да только в Турове своих хватает; это боярскому сынку место десятичника всегда пригрето. Честно там не выслужись, а серебром дорогу мостить – серебра не напасешься. Вон, тот же Корней с князьями в родстве, но и ему только сотничество в Ратном нашлось. А у Ведени так и вовсе, кроме как в своей сотне нету возможности подняться.»

Правда, Корней над десятками новой младшей стражи таких же сопляков ставит. Вон, Васька-Роська или как его там? Говорят, вообще из холопов, а за пару месяцев в десятичники вышел. И ведь не кровный родич – по крещению, и в род взят с расчетом, но в десятичниках же! Что тут скажешь? Своих, конечно, Корней не забудет, но и остальным дышать дает, хотя.... Кому роздых, а кого и давит. Тут или под него идти, или...»

Фаддей вдруг поймал себя на разглядывании какого-то темного пятна на столешнице – то ли баба чем прижгла, то ли такая плаха попалась.

«Нет, что-то не связывается у Фомы. Не гонит же Корней мальцов в свою Младшую стражу силой! И Луке не препятствует ратнинских мальчишек воинскому делу учить. Задумал бы худое – зачем себе на голову врагов плодить? С Лукой он бы всяко договорился. Пятно... Ну да, пятно. Темное. И чего привязалось к глазам? Тьфу ты!»

А Егор-то молчит. Почему? Опять долю выгадывает? Или что свое задумал? Ему под Корнея идти – нож острый. Пока, что ни говори, свой десяток всегда под рукой. По человеку собранный, только ему верный: чуть не с каждого десятка по ратнику. Старики с кольцами ему возражать не станут: всяк волен свой десяток набрать, коли есть желание, да найдутся охочие под его руку встать. А как у Корнея обернется, бабка надвое сказала. Воеводство-то, оно от князя пожалованное, и кого там на десятки поставят, еще вопрос. Чтoб оно все пропало! Жили же сколько времени и отцы, и деды – зачем менять? Привычное хоть понятно все. А тут и не знаешь, с какого боку к этой жизни моститься...

Конечно, никто не сможет приказать ратникам целовать крест, если им это поперек души, вон Немой гривну привез, а толку? Но и против князьей воли десяток тоже не будет. Понятно, чего Егор мнетя: ему рука княжеская, что эсернов на шее. Да еще с Корнеем сцепился – бороду он сотнику не забудет.

А Фоме-то что надо? И десятичник с твердым десятком, и не бедствует. И не дурак... Вот именно что не дурак! Вот оно, пятно темное!»

Фаддей поднял взгляд на собеседника.

– Ты, Фома, начал, так уж договаривай. Что надумал? – тон, каким это было сказано, озадачил десятника. – Не темни.

– А самому подумать?

– Ну, то, что я надумаю – это одно. А вот что вы, два десятника, скажете, знать бы не мешало. Прежде чем сесть, под жопу глянуть не лишне, а то усядешься... на ерша местом чувственным.

– Значит, наперед знать хочешь? – такого оборота Фома, по-видимому, не ожидал. Привык, что Чуме только чуть подпали, а дальше он сам заполыхает.

– Ну, так я ж не лошадь. Эт ее сначала запрягают, а уж потом дорогу указывают... – Чума ждал, что скажет Егор, и пока не спешил.

Десятники переглянулись, и Егор придвинулся к столу. Кивнул, помедлив, будто раздумывая:

– Смотри, Фаддей, сам решил, я тебя за язык не тянул. Валяй, Фома!

– Валять, так валять, – Фома только усмехнулся. – Тогда слушай: десятнику твоему под Корнея идти не с руки. Ты вот обиделся на него, что доля с Куньева не досталась. А ему, думаешь, не обидно? А мне? Сотник все под себя гребет. Да ладно бы просто свой род поднимал – это как раз понятно. Так нет – всех остальных по миру пустить готов! Глянь только, сколько уважаемых людей притеснил. А жаловаться некому. Раньше хоть погостным боярином княжий человек сидел, а сейчас... Федька-то погостный² его побратим, без малого кровный родич.

– То есть как? – Вот это новость! И немалая. Выходило, что и с боярами Корней в родстве.

– Как-как... А вот так! – Фома едва не шипел. – Дочку боярина они сговорили за Мишку, за внука, чтоб ему... Давно уже, а тут годы подходят. Смекаешь, к чему идет? Корнея теперь и через Туров не сколупнешь. И гривну сотничью не с Федькиной ли подачи черт колченогий получил? А ведь это не все!

Сотне не сегодня-завтра на новое место переселяться. Не на этой седмице, конечно, но все же... А он, гляди, уже себе место поудобней мостит. Сначала своих к лучшему определит, а тех, кто не у него под рукой, посадит, куда сам захочет! И что, ты думаешь, вам с Егором достанется? Угол от завалинки? И то, если смиренными будете. И не мы одни так думаем.

– И кто же еще? – с подначкой хмыкнул Чума.

– Пимен, конечно, не бочка меда, но он хоть другим не мешал. Кого он обделил? Обманул? А Степан? Сколь лет мельницей занят. А теперь что? Не любите вы друг друга, знаю, так вам и не миловаться. Зато слову Устина и старики с кольцами поверят. Нам бы сейчас Ратное на старых обычаях удержать, а там живите всяк, как желает. Вот теперь и думай. Ты крест Егору целовал, когда в его десяток шел? А он с нами, – Фома мельком взглянул на Егора, будто просил того подтвердить свои слова, но Егор снова уткнулся в кружку и взгляд Фомы не заметил.

– А вот теперь слушай то, за что и головой заплатить можно. Мы тут не один день думали: нельзя допустить, чтобы из сотни стадо баранов сделали. На убой, как прошлый раз. Оно, конечно, сотня княжья, а все же на особицу мы – не дружина, которая у князя кормится. Нас еще Ярослав опасался, а уж нынешний туровский князь вообще больше половцев боится, – десятник отхлебнул браги, то ли для смелости, то ли просто горло пересохло. – Спасти же сотню, пока Корней свои дела творит, нельзя! Не хотелось бы, конечно, свой все же, но как иначе? Да и не мы начали – он первый кровь пролил! Так что решили, значит – вырезать Лисовинов надо! Пусть не всех, но Корнея с его зверенышем обязательно. Больно уж шустрый паршивец, вреда от него много. Ну, и Немого тоже придется. Жаль, ратник знатный, но ведь как пес цепной у Корнея, – Фома с сожалением покачал головой. – Ну и там еще... кто противиться

---

² См. роман Е. Красницкого «Отрок. Бешеный Лис», ч. 1, гл. 1.

будет... Ну, это позже. Сначала Лисовины! Так, как? С нами идешь? Или дальше на Корнея горбатить думаешь?

Фаддей молчал.

«Вот, значит, какое пятно... Темное...»

Его не торопили, да и кто с ходу ответит на такой вопрос? Разве только тот, у кого, кроме ненависти, ничего больше не осталось. А у Чумы семья.

– А остальные наши как? – вспомнил Чума про свой десяток.

– Говорил я с остальными, но тогда только думали, что делать. Сказали, коли пошли за мной, стало быть, согласны... – голос Егора звучал ровно, но... Пожалуй, слишком ровно... – Ты-то как?

– Я тоже на верность присягал! Я с тобой! – решительно отрезал Фаддей. Почти не думая, ибо ничего другого он сказать и не мог. Ответить по-другому значило нарушить клятву верности, а воин своему слову хозяин. Вот только на душе почему-то скверно. И правильно вроде Фома говорил, а все равно скверно.

– Ну, слава те, Господи! – выдохнул Фома, – а то меня сомнения грызли. Не обижайся, Фаддей, не всякому такое сказать решишься. Егор вон и то... Ну, да теперь все ладно будет. Вот теперь и медку можно. Я-то, каюсь, эти помои потому и выставил, чтоб не захмелеть, решать-то на трезвую голову надо...

Фома балагурил, настроение у него заметно поднялось. Еще бы – такого бойца к себе перетянул! А вот Егор не особо радовался: молчал если не хмуро, то задумчиво.

Фаддей снова глянул на Егора, тот чуть кивнул.

– Да нет, благодарствую, пойду я... – откланялся Чума. – К сыну мне надо. У Настены он. А хмельным к ней – сами знаете...

Решение все-таки пойти к лекарке созрело внезапно – Фаддею вдруг непреодолимо захотелось увидеть сына. И что там кто скажет – плевать! Тут такие дела творятся! Неведомо, чем закончится. Ради него же все – ради Ведени...

Со двора вышли вместе с Егором.

– Ты вот что... После, как сына проведаешь, к Арсению забеги, наши там все собираются... – приказных ноток в голосе десятника не слышалось, скорее, он обращался к Фаддею с просьбой. – Поговори там, пусть решают.

– Угу, – Чума в мыслях уже бежал к Настене. – А сам чего?

– Нельзя тут приказом. Каждый за себя решить должен... – Казалось, десятник и сам еще не знал, как поступить. – Скажи им, что Фома тебе говорил, пусть думают.

– Угу...

– Только не долго. На третью от этой ночь решили.

Повидать Веденю не удалось: Настена, хоть баба и душевная и все понимает, пусть и болтают про нее всякое, однако в лечении строга неимоверно. И если погнала, значит, так и надо. Но пусть лучше ругается, чем молчит. Ратнику ли не знать, как выглядит лекарка, если не может спасти болящего, а тут любо-дорого послушать: и «лоботрясом бездельным, не по делу шляющим», и «дурнем, всякое себе думающим» обозвала! Стало быть, ничего страшного. Да и сама подтвердила: нечего беспокоиться, все хорошо будет.

Ну, хоть с сыном все, слава богу, обошлось. Настена свое дело знает, не зря же ратники ее своей хранильницей считали. Сколько мужей от смерти спасла, сколько баб ее стараниями от бремени разрешилось, не померши, и дитяток свет увидело – счета нет. Каждый в Ратном ей если не своей, так жизнью близкого своего обязан. А в поветрие, кабы не лекарка...

«Да что говорить, вечером надо бы ей чего занести в подарок... Варька вон уже и меда горшок, и круг воска принесла...»

Фаддей поморщился – жаль воску. Понимал, что жалеть нельзя, а все же... Любил он воск – теплый, душистый. Из походов вез весь, какой с меча брал, и запасы имел немалые. Сам

же и свечи из него делал: лучины, которыми освещались почти все избы в Ратном по вечерам, он и не любил, и просто боялся. Видел еще в детстве, как целая семья сгорела из-за них.

«Ну да бог с ним, с воском! Пошло бы на пользу. Настениному слову верить можно, даром что бабой уродилась, а никакому мужу не уступит. Для нее и серебра не жаль...»

От души отлегло, даже дышать полегче вроде стало, как от лекарки вышел и остановился за воротами, решая, куда теперь податься. И к вечеру вроде, да до темноты еще далеко.

«Егору обещал с десятком переговорить...»

Тащиться к Арсению Фаддею не хотелось. Ну, совершенно. Сейчас бы домой, щец похлебать да чуток поваляться. Труды, конечно, привычные, да уж больно день сегодня тяжкий выдался. Вчера до ночи пахал, до сих пор плечи ноют, но хоть закончили... С утра косил, а потом вроде и не перетруился особо, так ведь и не обедал, и на ногах все. Потом с Веденей...

«Тьфу ты! Нашел о чем вспоминать, аж спина опять взмокла...»

И опять родня эта Пимкина! Варька что-то такое говорила. Никак мы с ними оглоблями не расцепимся...

А я-то давеча на Луку кинулся. Ну, дурень! Лука, похоже, и не знал ничего, иначе сам бы Веденю и принес, да и за Настеной бы он послал, а не дома щами баловался... Да тогда я бы не Бурея, а этого рыжего во дворе и встретил. И чего, дурень, взвился, не подумавши? Хорошего человека обидел! И что насовали мне там – сам виноват: спасибо, ребра не поломали, в своем праве были. Нет, завтра с утра меда стоялого захватить и виниться идти, Лука отцовские чувства поймет. А то поднимется Веденя на ноги, ему в учебу возвращаться, а родной отец такую свинью подложил, редька едкая! Нет, права Варюха, надо как-то свою дурость в узду впрягать, чай, давно не отрок уже, а то и доиграться можно.

Да еще Фома с Егором заботу подкинули, нашли время, словно подгадывали!

А-а! Да чего козла доить без толку! Быстрее переговорить и домой – Варька, небось, заждалась уже».

Глава 4

Десяток

Жена Арсения выставила на стол корчагу с брагой, что-то из снеди и, поджав губы, но не решаясь что-нибудь сказать, вышла. Понимала прекрасно: ратники собрались обсуждать свои дела, и ей лучше даже не соваться. Но свое мнение иметь ей никто не запретит: кабы просто языки чесали – ладно, а раз за бражку взялись, значит, что-то там неладное. Только вот время выбрали... Наобсуждаются, муж, чего доброго, захмелеет, а работы немеряно – когда хозяйством-то заниматься?

Ждали Чуму: негоже без друга начинать, да и дело какое-то у него, Егор говорил. Собственно, из-за этого Арсений и созвал всех, кроме Андрона, уехавшего из села по какой-то надобности, да двух новиков – тем невместно еще в делах десятка голос иметь. И бражку на стол выставил, хоть и не время нынче гулять – весной день год кормит, но, по всему видать, на сухую такой разговор не обойдется.

А пока что ратники наслаждались нечасто выпадавшим им бездельем каждый по-своему. Молчун Савелий обдираал вяленую щуку, со значением поглядывая на стоящий в углу бочонок с пивом. Заика внимательно разглядывал не раз виденный им арсенал хозяина дома. Петруха ковырялся в углу с большой кружкой.

Арсений уже не первый день пытался понять, что же задумал их десятник. То, что в сотне раскол, уже всем понятно. И что с убийством на совете десятников Пимена ничего не решилось

– тоже. А значит, всех заденет. Уважать он Егора уважал, но слепо идти за ним... Нет уж, тут лучше с краешку и с оглядкой. О себе тоже забывать не следует. Одно дело – присягать на верность в бою, другое – подставлять голову неведомо под чью оглоблю, пусть и в делах своего десятника. А тут еще и непонятно пока, своего десятника или чужого.

И вообще, десятника ли? Что-то часто Егора в компании со Степаном и покойным Пименом замечали в последнее время. Они хоть ратниками и числились, но все больше по своему хозяйству труды клали. Их родни на общих работах давно никто не видел, все холопов присылали, да и то со скрежетом зубовым и после напоминания старосты. И в воинских делах они не особо усердствовали. Вот и думай тут, как хлев вычистить, да в навозе не извозиться.

Мысли эти не дал Арсению додумать появившийся, наконец, Фаддей. Судя по всклокоченной бороде и злости в глазах, не слишком-то Чума был расположен видеть соратников. Поздоровался, как кабан рыкнул.

– Давай к столу... – Арсений решил, что торопить события не стоит. Фаддея он знал не первый день и был уверен, что, выпив и обругав всех подряд, тот в конце концов внятно поведает, зачем его Егор прислал, сам при этом не явившись. – Петруха, браги налей!

– Ага... – Петруха отчего-то лыбился во весь рот, – мне не жалко.

Что-то Арсению не понравилось: Петра он знал не меньше, чем Чуму, но на этот раз опоздал...

А Фаддею, пожалуй, сейчас именно этого и не хватало – кружки холодной, из погреба, браги, и он благодарно кивнул.

Почти ледяная брага и впрямь хороша, но только когда она течет в горло, а не на бороду и рубаху... Чума с недоумением глянул на свою кружку: неужто так руки трясутся, что пролил? Да вроде нет. И тут Петруха заржал в голос, а Фаддей обнаружил проковырянное ниже среза кружки отверстие. Вот из него-то теперь брага и лилась мимо рта. Позабавился, значит...

– А на тебе! – орошая всех сидящих за столом остатками питья, кружка просвистела у самого носа Петрухи. – Ща добавлю... – Фаддей почувствовал что-то вроде мрачного удовлетворения: наконец! То, за чем он давеча шел к Фоме, нашлось здесь.

После первого удара в брюхо шутник хрюкнул и перестал ржать. Второй, доставшийся в челюсть, и вовсе лишил его всякого удовольствия от удавшейся выходки. Арсений ловко втиснулся между Чумой и Петром и, не давая махать кулаками, оттеснил Фаддея в сторону. Молчун тем временем сбил с ног взвившегося было Петруху, повернув его на живот, прихватил руку и просто уселся сверху, не давая тому подняться.

– Все, Фаддей, все... – Только потасовки Арсению сейчас и не хватало. Петька, чертов придурок, нашел когда шутить! И над кем! Сколько раз уже били за такое. Надо бы ему шею наломать, но потом. А пока что Арсений собирался унять Чуму и все-таки обсудить с ним дело. – Потом ему рожу разукрасишь. Сам тебе помогу, коли не управишься. Ты скажи лучше, на хрена нас Егор собрал? Он же сказал тебя ждать.

– Дождались, шутники, мать вашу... – сегодня Фаддею решительно не давали отвести душу. Хоть и пришел он к Арсению не за этим, но из-за Петрухи-придурка сорвался, а теперь все заготовленные слова из головы вылетели, и он вывалил все, как получилось. – А Егор тоже умник, вроде вас, все в рай торопится. Лисовинов они резать собрались! В ночь через две...

Все замерли. Хоть и чуяли уже, к чему идет, но услышать вот так – радости мало. Междоусобица такая штука – прав ты, не прав, а все равно чистым не остаться. Кому-то да враг.

– Лисовинов, говоришь? В ночь через две? И кто пойдет? – Вот уж что Арсению было не с руки, так это разборки среди своих.

– А тебе жаль их, что ли? – Чума и сам не понимал, почему вдруг заговорил именно так. Его самого перед этим грызли сомнения, доводы Фомы не казались такими уж бесспорными, а тут словно толкало что под бок. – Всем на шею сели! Скоро их сопляки нам указывать начнут!

А дележ? Чего не десятников наказали? Их вина! А нам кукиш! Роздали, называется! Вон Евдокиму-то на хрена? – вырвалась наружу жгучая обида.

Фаддей и сам себя сейчас не слышал. Вывалил все подряд, отвечая своим мыслям. Он не заметил, как ратники, слушая его, переглянулись, но все-таки в конце концов свернул на то, что казалось ему правильным:

– И пора давно старые порядки в Ратное возвращать!

– П-п-про п-п-порядки понятно... Идет-то к-к-то? – неожиданно влез Заика, хотя обычно предпочитал молчать.

– Так Фома со своими, Устин еще. Степан вон родню поднимает... Да почитай, все Ратное... – Чуму несло. И сам уже понимал: что-то не то говорит, а вот остановиться не мог – в душе Фаддея сейчас насмерть метелили друг друга два Чумы. И дурной на голову, судя по всему, брал верх. – Сам-то подумай, все уважаемые люди недовольны.

– Это что, Степка-мельник теперь у тебя в уважении? – Петруха подал голос из-под все еще сидящего на нем Молчуна и тут же заткнулся от тычка Савелия.

– Так ему... – одобрил Арсений, – добавь еще! Коли еще раз рот откроет и от меня получит... Слышь, Петруха? Тебе говорю... – но все-таки кивнул Молчуну. – Отпусти ты его, Сава, а то последние мозги выдавишь.

А Фаддей снова готов был лезть в драку. За день столько всего произошло, что поступать осмысленно уже просто не оставалось сил, однако упоминание Степки-мельника несколько остудило его пыл. И впрямь, чего это он завелся? Уж ему-то Степан в благодетели никак не подходил, скорее, наоборот. Но слово сказал, отступить поздно.

– А вы с Егором, стало быть, в первых рядах? – поинтересовался Арсений. – И мы, значит, за вами следом? Так, понятно. А чего Егор-то хотел?

– Так... это... – растерялся Чума, вспомнив наконец, зачем вообще пришел. – Он и хотел узнать, согласные вы или как. Не хочет он вас по приказу...

– Нас? А ты, выходит, в любом случае пойдешь... – то ли спросил, то ли согласился Арсений. – Понятно... – он взглянул на вылезающего из-под Савелия помятого и всклокоченного Петруху с припухшей левой скулой, затем на Заику и, наконец, на самого Савелия. – И много вам Степан пообещал?

– Так за обычаи дедовские... – Фаддей только что рубаху на груди не рванул.

– Это понятно, дело святое, – перебил Арсений. – А вот кому добро лисовиновское пойдет? Что Егор говорит?

Такая мысль Фаддею, похоже, и в голову не приходила.

«И правда, кому все достанется? А у Корнея немало... Да Лука с Рябым и Игнатом... и Аристарх тоже...»

А как же Веденя? Кто молодых учить будет? Ни хрена ж не ясно...

От таких простых и понятных вопросов слова Фомы вдруг перевернулись, и от их правоты не оставалось камня на камне, а два Чумы в голове Фаддея сплелись в такой клубок, что и не поймешь, кто из них кто. Да пропади оно все!

Вдруг вспомнился Гребень. С чего бы? А ведь он не раз говаривал: «Делай, что должно, и пусть будет, что будет. Только вот, что должно, поперек души идти не может – душу потеряешь».

«Ну и что должно сейчас? Клятву на мече десятнику давал? Давал... Вот и выходит, что дороги другой нет, кроме как с Егором... Вроде все верно, а вот на душе – ну как в выгребной яме. Да чего они все на меня? Егор послал узнать. А они чего? Я им крайний, что ли?»

– Так как вы? Идете или как? – Ну, не знал Чума, что на вопрос Арсения ответить, оттого злость только усиливалась... – Чего тут думать?

Арсений снова переглянулся с Савелием и вдруг широко улыбнулся:

– Думать надо, друг мой Фаддей. На то нам голова и дадена. А чтоб думалось лучше, давайте-ка хлебом холодненькой, ей-богу, полегчает... – и разлил по кружкам брагу. – Чтоб здравы были! – выпил, утерся и, не закусывая, налил еще. – А Егору скажи: мы его никогда не подводили и сейчас, стало быть, не подведем. А теперь, чтоб нашему роду не было переводу, – и опрокинул вторую кружку.

– Хватит думать, высохнешь! – вновь подал голос Петруха.

– Во-во, оно самое. Первый раз правильно сказал, – Арсений уже наливал себе третью.

– Да пошли вы! – Фаддея вдруг охватила такая безнадега, что вмиг и драться расхотелось, и вообще все стало безразлично, только горечь в душе, словно желчь растекалась: а ну их всех! И Фома прав, и Арсений, а он, Чума, как ни глянь – дурак. Но язык за него будто сам продолжал лаяться. – Как бабы, ей-богу!

– Это кто баба? Я те покажу бабу!.. – Петруха опять заткнулся, едва начав: кулак у Савелия был тяжелый. Никто не знал почему, но именно Савелию задиристый Петруха возражать не смел. И сейчас тоже умолк, правда, Фаддея успел заново вывести из себя.

Затевать новую драку в чужом доме не хотелось, да и сказано уже все, что нужно – так, во всяком случае, казалось Фаддею. С досадой махнув рукой, он выскочил из дома.

Арсений, уже заметно захмелев, принялся за четвертую кружку. Савелий понаблюдал некоторое время за приятелем и вдруг изрек:

– Трава... того... Покосы глянуть бы. Дрова тож... Лежат, – и, помолчав, добавил: – вывезти надо. Зятя возьму, поможет.

Такой длинный для Молчуна монолог оказался столь неожиданным, что даже Петруха забыл сморозить очередную глупость.

– И ч-ч-чо? – поинтересовался Заика.

– Ехать надо... – поднялся с места Савелий.

– Понятно... – Арсений о чем-то договаривался уже с пятой кружкой браги. – И ты... За дровами?

– Ага... – ответил Молчун уже из-за двери.

Заика с Петрухой переглянулись. Оба сейчас думали об одном и том же: Савелий, даром что на слова жаден, как мытник на серебро, а вот нате вам – выдал. Не с угару же.

За дровами он надумал! С чего бы это? С зимы еще не все спалил, а сейчас припекло – срочнее некуда, даже зятя от работ отрывает? В случае чего, поди, найди их в лесу – а ночь-то уже назначена... И зять у него в десятке Фомы. Выходит, и сам мимо, и еще одного ратника из-под удара выведет.

Савелий дураком никогда не был. А им тогда с какого перепуга лезь в эту заваруху? Медом там не намазано. Э-э-э, нет, и они не глупее своего десятника. Чего это Егор не сам явился, а Чуму заслал? Стало быть, не уверен? Тогда и им ежа голой жопой пугать не с руки. Понятно, что Степану надо, он с Корнеем все одно не уживется, вот пусть и разбирается сам. Петруха чесал по очереди то затылок, то бороду, усиленно вспоминая, что за дело может найтись у него подальше от Ратного, причем срочное. Видимо, ничего не вспоминалось, поэтому он буркнул только, что надо срочно зайти к тестю.

Но его никто и не слушал. Арсений, расправившись почти в одиночку с целой корчагой браги, уже расслабленно сполз на скамью, проявляя твердое намерение перебраться под стол.

– П-п-п-петруха, Е-е-егору ск-к-кажешь... – Заика, по всей видимости, тоже что-то для себя решил.

– Сам скажешь... – поспешно перебил его Петр, напяливая шапку и решительно поднимаясь из-за стола. – Я ж говорю – некогда. Мне к тестю... Поговорить... – Все и так было понятно, и оба, не тратя больше время на разговоры, выскочили за дверь.

Арсений, задумчиво глядя им вслед, действительно переместился под стол, но не свалился без памяти, как можно было ожидать, а вполне осмысленно стянул туда пару старых

тулупчиков, нашедшихся на стоящем тут же сундуке, и долго ворочался, устраиваясь поудобнее. Подозрительно долго для мертвецки пьяного.

Кроме как домой, идти Чуме было некуда. К сыну бы зайти, узнать, как он, да пока Настена сама не позовет, лучше не соваться. Лекарка свое дело знала хорошо, не ему, простому рубаке, в такие дела лезть... И домой уже расхотелось. С Арсением бы посидеть, подумать.

«Ага, с ним сейчас надумаешь! Залил глаза по самые брови – аж булькает. И куда в него столько лезет-то? И, главное, с чего? Не трусил же... Ну уж кто-кто, а Сюха не из трусливых! Тогда что?»

Что-что – умный больно! Ясное дело – в драку не хочет лезть, вот что! Хоть Устин, хоть Корней, одна редька с хреном, дерьмом приправленная... А ведь хитро! Поди, докажи, что он еще трезвый был, когда я там разорялся! С пьяного какой спрос? А хватит брази – так он и второе пришествие под столом пролежит, не то что резню. Это меня все время поперед всех несет, будто черти за порты тащат!

Ну и что теперь? Мне-то эта свара тоже ни с какого боку. Не Егор бы, так наложить бы на всех кучу побольше – пошли они! Так нет, сам, дурень, рот раззявил, не заставляли!

А чего я мог сказать? Не пойду, пальчик болит? Вот коли бы и вправду занедужил... Тьфу ты, ведь сроду не болел, только раненым валялся!»

Вдруг перед Фаддеем откуда-то вынырнула Дуняша. Запыхалась, видно, бежала.

– Тятя! Тетка Настена тебя зовет...

У Чумы зашло сердце – неужто?.. Даже думать боялся, ЧТО...

– Что с Веденей?!

– Так не знаю... Тетка Настена послала...

– Да жив? Нет? Говори... – Чего, дура, тянет? И без того тошно...

– Да жив, с чего ему помирать-то? – искренне удивилась Дуняша. – Очнулся и поел даже... – и тут же взвыла от звонкой оплеухи. – За что, тятя?

– Чтоб думала... – Из Чумы будто воздух выпустили. – Пугать так...

У дома Настены в светлых летних сумерках Юлька раскладывала на мешковине какие-то травы: то ли сушить, то ли еще для чего. Где они такое только находят? Всю жизнь Чума по лесу лазил, а вон той травки с синеватыми цветочками на толстом стебле отродясь не видал. А-а! Не до того ему сейчас.

Веденя лежал на низкой лежанке у окна и заметно обрадовался отцу. Даже вскинулся, будто вскочить собрался, но тут же опасливо покосился на перегородку, отделявшую его лежанку от печи, у которой осталась Настена.

– Лежи-лежи. Лекарка сказывала, рано тебе пока бегать-то... – Чума неуклюже топтался, чувствуя себя почему-то не в своей тарелке. Надо бы что-то сказать, утешить, что ли? И о чем говорить, если Настена волнительное настрого запретила. – Так ты, эта, лежи, сынок! Тебе сейчас вылежаться... Может, поесть чего охота? Мож, меду принести? – И тут же заметил на столе четыре разного размера горшочков. Никак, с медом?

Чума глянул на сына, на стол и хрюкнул от смеха. Неловкость, которая мешалась репьем в портах, исчезла.

– Ну, брат, сладкая у тебя, однако, жизнь пошла – аж завидно. Самому головушкой прилечь, что ли? – Сын улыбался, значит, все в порядке. – Надо бы мать попросить, чтоб поспособствовала...

– Я вот те щас сама поспособствую... – За спиной стояла Настена, покачивая в руке тяжелый каменный пестик, которым что-то собиралась растирать в каменной же ступке... – Парню настой нужен, а у меня не десять рук. Вот и потрудись, разотри. Силы у тебя много, так что давай! А языками и между делом почешете.

Ну и как с ней поспоришь? Перун – не Перун, а в делах лекарских прямо Аристарх в юбке, а то и кто посерьезней, пожалуй.

– Эт кто же тебе столько меду-то натаскал? Мамка, что ли? – разговор, наконец, пошел легко, без напряжения.

– Ну, и мамка тоже... – Уши у Ведени отчего-то заалели. – Да вон Снежанка с Дуняшей принесли.

– Ага, а еще один кто?

– Да не знаю... – Уши сына, казалось, вот-вот прожгут подушку. – Не заметил.

– Ну ладно, не заметил, так не заметил, бывает... – Пестик усиленно скрипел в ступке. – Я вот тоже, бывало, не замечал, как Варюха сюда чего только из дома не тащила, когда сам по первости, еще новиком, в этой же избе лежал.

Настена вдруг выглянула из-за печи, что-то углядела.

– Юлька! А ну, сюда!

– Чего, мам? – впорхнула в дом девчонка.

– Вон тот горшок, с цветочками, кто принес?

– Так не знаю я... – Юлька покраснела и с укором глянула на Веденю.

– Не знаешь? А чего Ярька, дочка Прохорова, с полудня на опушке отиралась, тоже не знаешь?

– Так щавель собирала... Кажется... – Юлька зло насупилась и опустила глаза себе под ноги. – Не знаю я.

– А кто знать должен? Я тебя тут зачем оставляла? Щавель! Это после скотины-то? И много собрала? Я тебе сколько раз повторяла, коли без памяти человек лежал, кого попало к нему сразу допускать нельзя?

Чума с сыном слушали перепалку, но отнеслись к ней по-разному. У Ведени, казалось, сейчас вспыхнут волосы на голове – так жарко запылали лицо и шея, а вот Фаддей довольно ухмылялся. А что, Прохор – ратник справный, не дурак. И не родня, похоже, хотя это у Варьки спросить надо. Да и Ярослава, дочка его, тоже ничего, пусть и мала еще. Хотя это кудель долго тянется, а года... И не заметишь, как время придет девку сватать.

– Настена, ты уж того... Не ругай девку сильно... – решил вступить за девчонок Фаддей. – То я ее просил занести горшок, занят был.

– Ну да, и цветочков тоже ты набрал? – ехидно осведомилась лекарка, разом вогнав в краску и самого Фаддея. – И в платочек вышитый завернул?

Вот так всегда! Сколь раз Чума еще по молодости пытался переспорить бывшую тогда девчонкой Настену и всегда в дураках оставался.

– Да не жаль мне! И парню твоему не во вред, – вдруг подобрела лекарка. – Это я вон своей никак втолковать не могу. Она же и не задумалась, чего это Ярька тут околачивается, вот и просмотрела. А должна понимать, что нельзя болящих без призору оставлять, а потакать им – еще хуже. Тем паче, ближним их: те и с добрыми мыслями, а навредят запросто. Фаддей, а ты чего заслушался? Три давай!

Чума взялся за ступку и подмигнул смущенному сыну.

– А ты молодец, хороша девка! Давай, учись, вот в новики выйдешь, глядишь, и сосватаем. Мы вот с Варюхой, мамкой твоей... Мне годков двенадцать было, когда она меня коромыслом по носу огрела да потом у матери своей мазь какую-то сперла, меня же лечить. Хорошо вон у Настены тогда поспросить прежде догадалась, а то б налечила...

Странный сегодня сложился у Чумы день, сразу столько и хорошего, и плохого на голову свалилось. Не было больше у души сил на себя все брать. Не мог и дальше Фаддей о плохом думать, вот и потянуло что-нибудь доброе вспомнить. А что слаще юности? Это Веденя по молодости не понимает, какое счастье, когда вот так девчонка для тебя горшок меда из дома утаскивает да цветочки тайком подкладывает.

Поймет еще... Да вот только когда поймет, того уже не будет. И почему так жизнь устроена? Никто не знает.

Вроде и посидел с сыном всего чуть, а глянь, солнце уже к лесу клонится, пора до дому, да и Настена поглядывает косо: вот-вот погонит. Ничего, и завтра тоже день будет. Однако и с лекаркой следовало переговорить: Юлька-то видела, как эти паскуды сына били, может, чего и рассказала матери.

Настена и порадовала Фаддея, и огорчила. Ничего страшного с Веденей не произошло: на ноги поднимется и воином станет. Лекарка объясняла чего-то, да разве поймешь словеса эти ведовские? Главное, все в порядке.

А вот то, что Юлька матери рассказала про то, как Веденю побили, снова заставило Чуму зубами скрипеть. Ни Лука, ни другие наставники, ни отроки из учеников воинских в случившемся не виноваты.

– Юлька говорит, случайно твой Веденя головой о бревно приложился – сообщила Настена. – Там в переулке когда-то въезд к старым воротам вел, его тогда еще мостили от грязи. А теперь одно бревно вышло наверх. Мотька Веденю с ног сбил, тому деваться и некуда – переулок узкий.

– Это который Мотька? Не родня ли Степана? – перебил Фаддей, а у самого уже закипало.

«Ну что за род такой паскудный? Никому от него добра не видать».

– Он самый. Кашей малыцы прозвали, знаешь?

– А то! И папаша его такой же... Свинья поросая!

– Ну, у них Гераська заводилой.

– Это Степанов младший, что ли? И чего не поделили? – нахмурился Чума. – Он же старше Ведени, да в новики отец его не спешит определять.

– То-то и оно, что не спешит. – усмехнулась знахарка. – Да только, сам знаешь, у нас либо воин, либо обозник. А если ни там и ни тут, так и вовсе никто. Отец-то его придержать хочет при мельнице, да и сам он не сильно рвется ратное дело постигать, но заедает же, что девки на посиделках новикам глазки строят. Нет, старшие-то ему объяснили давно, что те же девки дурные, не понимают, что отцы не столько на лихость женихов, сколько на мощну отцов смотреть будут, умом-то и он уже с этим согласен, а в заднице еще зудит... А тут Веденю твоего десятником признали. Младше его, а уже в уважении, получается. Вот и взелся Гераська.

«Ну, Настена, ну, баба... И откуда все знает?»

Домой Фаддей шел долго. Вроде и рядом, а вот занесло сначала к реке, затем у ворот посидел... Луна улыбалась с неба, а мысли не давали покоя, бились в голове.

«Много-мало, а почти четыре десятка лет за спиной. Не старик пока, только много ли до того осталось? Ну, пять лет, ну, десять, и силы начнут таять, а там... Да и эти бы годы еще прожить! Был бы простым пахарем, тогда ладно, а ратником... Тут никто наперед не угадает, как повернется. Судьбу не зря злодейкой кличут, та еще баба! За куну ее милость не купишь. Ладно, коли убитым привезут, а если калеккой? Хорошо, если вроде Макара или Филимона – эти хоть до нужника сами дойти могут. А ежели приложит, как Котьку? Сколько мучился, не поднимаясь, сам себе не рад был. Коли бы не Бурей...»

Настена тогда сразу сказала – не встанет, да какая баба с таким примирится? Катюха, Котькина жена, билась из последних сил, но куда одной, да с пятью малолетками с хозяйством сладить? А Константин... Как ни зайдешь, глазами корил, почему на месте не добились. Говорить не мог, а вот взглядом... С титешников вместе – и по грибы, и девкам под юбки тоже. А жизнь все по-своему расставила. Одна половецкая стрела в спину перечеркнула другу жизнь. И понимал Фаддей, о чем его побратим просит, а не мог. В лесу, после боя смог бы, а дома... Как

на Катерину глянет, так всю волю словно ветром выдувало. Ну как у ребятишек отца отнять? Какого ни есть, а отца.

Вот и пришлось к той же Настене идти кланяться. Последней тварью себя чувствовал, но пошел, не смог сам. Она своей рукой тоже не смела, боги ее ведовские такого не позволяли. Не могла она, силы своей не потеряв, чужую жизнь прервать. Любую жизнь. Для того она Буря и выходила. Выкормила, выучила да воспитала. Понимала: не всесильна лекарка, а иная жизнь страшнее смерти оказывается. Хотя и тут вслух не призналась, прогнала его тогда. Только Котья вроде как сам в ту же ночь и умер...

Фаддей все правильно понял и потом ни словом этого ни разу не помянул. Не он первый, не он последний. Про такое ратники даже друг перед другом молчат, но все знают, что никому эта судьба не заказана. С годами не только опыт на плечи ложится, но и хворобы всякие тоже, старые раны о себе напоминают.

В бою в основном молодые и старики гибнут, да калечатся. Первые по неопытности, вторые по немощи, о которой и не думали, а она возьми да объявись не к месту. Не хочет ратник слабым себя чувствовать, не может до самого последнего признать свои недуги и отказаться от воинской стези. Сам перед собой не может – не то что другим это показать. Лучше уж голову сложить, считая себя воином. Но это если сразу, без мучений.

А с другой стороны, пусть сам ратник этого уже не увидит, но каково его семье остаться без отца и мужа? Не бросали в Ратном семьи погибших в бою: и долю с походов выделяли, и по хозяйству помощь оказывали, да разве самого хозяина заменишь? Уж Фаддею-то все это не понаслышке известно: у самого батька голову сложил, едва Чума закончил воинское ученичество да начал определяться в новики.

Тогда все и рухнуло. Новичку и справа другая нужна, не в пример воинскому ученику. И конь добрый. А отцовского коня вместе с хозяином одним копьем... Было в семье серебро: и на коня, и на справу бы хватило, да отец настрого перед походом запретил его трогать. Сестрам на приданое скоплено и уже по сговору обещано – нельзя волю погибшего нарушать. Да и знал Фаддей, каково бесприданницам в иных семьях достается, не мог он у сестер их будущее забрать. Вот и пришлось на поклон идти. Да он по молодости еще слова не имел – за него старшие решали.

Мать с дядями тогда и рассудила: Мефодий, отец Пимена, хоть и не близкий, да все же родич, должен вроде в понимание войти. Да вот дядья-то не кровные, сестрам материным мужа, сами тому же Мефодию родней приходились. Чего они присоветовать могли? Агею тогда кланяться надо было, Агею! Он хоть и слыл зверем лютым, а о сотне думал, не дал бы новичку пропасть. И в десяток, если не к себе, так еще к кому путному определил бы и справу с конем выделил бы. Не за так, конечно, но наверняка такую, что справой назвать можно. А у Мефодия... Тьфу! И вспомнить противно: за полудохлого коняку, которым и волки бы побрезговали, да кольчугу с мечом, тоже едва живые, такую лихву заломил, только держись!

Только это уже потом, в первом походе выяснилось. Мать вроде и добра сыну хотела, думала, у родича все же потеплее будет, да без должного понятия о деле воинском что решишь? Вот и доверилась дядьям. Откуда же ей знать, чем это для сына обернется. И обернулось, да еще как!

Другие новики уж давно мечами махали, а Фаддей все то навоз тягал, то дрова колот... И неизвестно, чем бы это все кончилось, кабы Агей не углядел да в морду Мефодию не залез, за то, что новик вместо учебы воинской, как холоп, на него горбатит. Пригрозил: еще увидит, Чуму себе заберет, а Мефодия тот навоз жрать заставит.

Учить начали и с хозяйских работ убрали; с Агеем спорить – дороже обойдется. Да вот не полегчало, Мефодий его от Агеевой мордотычины больше любить не стал: в мальчишки для битья определил в десятке. Все затрещины, все оскорбления ему доставались. Воинской сноровкой тоже не особо делились, да оказалось, что выучка Гребня дорогого стоит. Чума не

только своих одногодков, но и новиков второго года частенько опережал. Всеобщей любви это ему не добавило, но цепляться стали меньше. Да и то только ратники, а новики били его несколько раз всей гурьбой. Сильно били, чтобы покорились. Вот тогда-то впервые и вспыхнуло в нем то бешенство, за которое потом получил свое прозвище.

Сейчас-то понятно, а тогда все врагами виделись. Одни мордовали, как могли, другие смотрели да молчали. Это для ума понятно: коли мать отдала в учение к одному десятнику, так другому не с руки вмешиваться, а для души... За что его Мефодий невзлюбил? За что принижал? Он что, хуже остальных был? Или слову, не им данному, не верен? Всех, кто и в подметки Фаддею не годился, уже в ратники определили, а его Мефодий все в новиках держал, долю его на себя считал, да в каждую заваруху вместо близкой родни пихал. Сколько ран тогда огреб – за всю жизнь потом не было столько. Потому и кидался очертя голову в драку даже не на слово, а просто на взгляд косой. И люто дрался – никого не жалел и себя не помнил. Но это и помогло выстоять и отбиться – побаиваться его стали.

А может, так бы и сгинул Фаддей, если бы Гребень свое слово не сказал. Не молод он уже был, но Мефодия перепугал до икоты, когда появился к нему в дом да сам при всех Фаддея опоясал мечом. Агей, когда узнал, только крикнул, да еще раз морду Мефодию расквасил.

Но ратником Фаддея признали и определили в десяток Нифонта. Тот хоть и приходился Мефодию родней, а под него не гнулся и в своем десятке сам порядки ставил. И там не медом намазали, но хоть долю выделяли равную и бранную работу наравне с остальными. Вот только доля эта два года почти вся Мефодию и уходила в оплату за ту клячу, что давно сдохла, да меч с кольчугой, самим Гребнем в лом брошенные. Да и там как среди чужих себя чувствовал. Потому, когда уйти удалось к Егору, так разве что не свечки в церкви ставил, что развязался с этой семейкой...

И как Варюха только терпела? Ну, и тесть покойный, земля ему пухом, в понятие вошел. Не раз ведь сватов к Варваре засылали, ан нет, его дождалась. И замужем первое время они жили небогато – еле выбрались. Потому он за достаток так держался – хорошо знал, каково без него.

А теперь... Брякнул, не подумав.

«Ну, кто за язык-то тянул? Хошь не хошь, а лезть в эту свару придется, а на хрена, спрашивается? Корней, конечно, не родня, хотя, как глянуть... Мать говорила, что и с Лисовинами через кого-то там они в родство входят. Ну, если поискать как следует – нашлось бы. Не намного и дальше, чем к Пимену, надо думать. Коли бы не дядья-покойники с их советами, так, глядишь, и Корней родней бы признавал. А родней он даже и дальней не разбрасывается. Вон, Илюху-обозника и то пригрели...»

А теперь, как ни глянь, хоть против одного, хоть против другого меч подними – все одно против родни. Опять же, Корней, как ни крути – сотник. На верность ему клялся. Измены ни они, ни сам себе простить не смогу. Что теперь делать? Слово-то Егору дал.

Окажутся сверху Устин со Степаном, на их благодарность рассчитывать не придется. В такой драке выжить – уже счастье, это не с лесовиками резаться. Один Андрюха чего стоит, даром что увечен. Да и сам Корней не подарок. И каждый – противник, что уж себе-то врать. А там и Лавр не промах. А потом ведь и Лука непременно вяжется, Рябой с Игнатом... Про старосту и думать неохота, они с Корнеем, говорят, с детства дружки закадычные, да такие, что Степку-мельника и родство с Аристархом не спасет. А если их порубить, много от Ратного останется? На пару десятков наскребется ли?

А Корней верх возьмет – воишкаться не станет, под горячую руку всех, кто поперек пошел, под корень вырежет, Корзень, он Корзень и есть! Вот тогда точно конец. И семью не пожалеет. Да и по закону всем мужам в семьях, против сотника бунтовавших – смерть».

А сын? Ему за что голову класть? Только жить начинает.

Что же делать?! В бунт идти – смерть либо бесчестье. Не пойти с десятником – слово рушить, а это для ратника все равно что смерть – никто руки не подаст. Для семьи тоже конец: кто же сыну клятвопреступника десяток доверит?

«Как быть-то? И родных, и себя к краю подвел. Варюха пока не знает, а как ей такое скажешь? А ведь дочкам замуж идти... Ох ты, мать моя... Им-то как теперь? Кто ж их возьмет, от такого отца? Что ж делать-то? ЧТО ДЕЛАТЬ?»

Глава 5

Отроки. Воинские ученики

Следующим утром у ворот отроки в полной готовности ожидали привычной утренней пробежки. Наставники задерживались.

Первым пришел Игнат, но, даже не поздоровавшись, уселся на скамью, откинулся спиной на тын, вытянув ноги, прикрыл глаза и, кажется, даже задремал. Отроки переглянулись: сегодня самый добрый из наставников вел себя необычно, но понять, что бы это значило, они не могли.

Некоторое время спустя пожаловал Леха Рябой и, так же как и Игнат, не замечая мальчишек, примостился на той же скамье.

Лука появился еще позже. В домашней рубаше и стоптанных сапогах – видимо, в чем ходил по двору, в том и пришел. Поздоровался с Игнатом и Рябым и, сумрачно глянув на выстроившихся отроков, наконец спросил:

– Вчера домой гурьбой шли?

Отроки в недоумении переглянулись.

– Вы что, с утра в нужнике мозги забыли? Я спрашиваю, вчера домой гурьбой шли?

– Ну да, дядька Лука... – решился ответить самый бойкий на язык Коська Карась.

– Как Гераська со своими Веденю метелил, стало быть, видели? – протянул наставник.

– Так это... Мы думали, они сами... – начал было Карась, но, поймав взгляд десятника, стушевался и сник. – Ага... Видели...

Лука молчал и только смотрел – сумрачно, не по-хорошему. Отрокам, уже почуявшим недоброе, от его взгляда стало совсем уж маятно и неуютно. Если бы рыжий десятник ругался, даже материл по-черному, тогда бы мальчишки знали, что хоть и сотворили непотребное, но содеянное исправимо. Но десятник молчал.

– Значит, видели, – подтверждая какую-то мысль, наконец кивнул Лука. – И мимо прошли. На гулянку, должно быть, опоздать боялись. Все, гуляйте дальше... – Повернувшись, зашел в ворота и скрылся из виду.

Леха Рябой, скользнув взглядом по строю отроков, как по пустому месту, отправился следом.

Игнат горестно вздохнул, покачал головой и тоже повернул к воротам.

– Дядька Игнат... – Не выдержал пытки неизвестностью длинный и худой Талиня.

– Чего тебе? – полуобернулся десятник.

– А чего это они? – отрок кивнул вслед уходящим наставникам.

Игнат, казалось, даже удивился вопросу:

– У вас, что, и вправду мозги дерьмом заплыли? Вы десятника своего бросили. И что вам тут еще не ясно?

– Так мы думали, они свое решают, мало ли... И раньше бывало... – перебивая друг друга загалдели мальчишки.

Игнат снова вздохнул и тоном, каким учат титешников не совать пальцы в огонь, заговорил:

– Вы, конечно, не ратники, а пока ученики воинские... Были... – добавил он, чуть помедлив, – а значит, понимать должны: воинское братство крепче даже родового. Между собой всякое бывает, но против чужого всегда вместе! А вы? На вашего десятника четверо навалились, и вся ему подмога – две сопливые девчонки! И ведь отбили! Девчонки! Кому и на что вы после этого сдались? И не важно, что он в старших всего полдня пробыл – вы его сами признали. Да и какая, к хреням, разница, десятник или нет – вы СВОЕГО бросили! Понятно? – Игнат досадливо поморщился. – Себя вы опозорили – ладно, вам жить. А Луку и нас с Лехой зачем? Кто ж нам учеников после такой стыдобы доверит? Теперь гляди, десяток бы не разбежался. А-а-а! – Игнат со злой досадой коротко махнул рукой и поспешил за товарищами.

Некоторое время отроки ошеломленно переглядывались.

– Это что же, – осторожно озвучил общую мысль Коська, – выходит, кончилось наше учение?

– Да вы что, не понимаете? Прогнали нас! С учения воинского прогнали!!! – сорвался в крике Ефим Одинец, крепкий невысокий парень, который всегда раньше всех являлся по утрам и отличался прямо-таки звериным упорством во время занятий. – Как я домой пойду? Я ж один у мамки остался, вся надежда у нее на меня!

Отроков как кнутом стеганули: и вправду, что делать? То, что теперь каждый может презрительно ткнуть в них пальцем – это не беда, вовсе не беда, а вот то, что дорога в новики им теперь навсегда заказана...

На мальчишеских лицах по мере осознания глубины и необратимости постигнутого их несчастья стала появляться растерянность, близкая к панике. Это же навсегда! На всю жизнь!

Ведь предательство хуже трусости, в сотне и за меньшее смертью карали. Судьба Андрея-Плясуна, которого казнили во время похода на Кунье, у всех еще на памяти. Их-то, понятно, убивать никто не станет, а толку-то?

Как теперь родным на глаза показаться? А родне как жить? Родного сына из дома гнать? Куда такого пристроить? И в обоз, пожалуй, не примут. Только с холопами на поле вместе горбатиться. У кого семьи большие, еще как-то вытянут, а что таким, как Ефим, делать? Одинцом его и прозвали как раз из-за того, что он в роду последний остался...

Отроки, начавшие было шуметь, вдруг разом притихли.

Все искали глазами кого-то, кто мог бы сказать нужное слово, принять решение, дать команду и повести за собой. Того, кто был для всех. Только этого одного рядом не было. Вчера Веденя ничего такого и не делал: кричал, бегал, вроде и без особого смысла, а вот нате вам! Словно веревочку, что их связала, выдернули. Накануне они себя чувствовали хоть и бестолковым, но воинством, а сейчас... Толпа, одно слово.

И на душе у всех только пустота и ужас.

– Что делать-то? – совершенно убитым голосом Одинец задал наконец мучивший всех вопрос. – Домой нельзя.

– Нельзя! – так же угрюмо подтвердил Карась.

Остальные почесали затылки, подумали, покривились, представив свое возвращение к родителям, вздохнули и согласились – нельзя. Никак нельзя. Лучше уйти.

– Может, Гераську отметелить? С дружками? – предложил рыжеватый отрок, родич Луки, Бронька.

– Угу, в самый раз. Вот тогда точно героями станем, девки внукам рассказывать будут. После драки кулаками махать, всей кучей на пятерых! – скривился Каська.

– На четверых, – поправил кто-то, – Мотьку Кашу Федька Малый с братьями вчера еще отделал. На руках домой принесли.

– Еще веселее. Сопляки без нас справились!

– Так что делать-то? – встрял с вопросом Тяпа.

– Кабы знать. Обгадились, дальше некуда. Дядька Лука каждый день о воинском братстве говорил. И дядька Игнат тоже.

– Вот и давайте сделаем, что положено воинскому братству! – неожиданно выдал Бронька. – Сами в поход сходим. А как добьемся славы, так и дядька Лука простит!

– Дурак! Какой славы? Нас и до новиков еще не довели! – Карась был чуть старше остальных, потому и рассуждал более взвешенно. – Что мы умеем? И оружия нет...

– Холопов приведем! Или ладью захватим! – завелся Бронька, – тогда враз...

От него только отмахнулись. Не до веселья им сейчас было, а то бы вовсе засмеяли. Какая ладья? Откуда она здесь, в начале лета? А холопы? Это еще кто кого приведет: холопы-то ведь тоже не в дровах найдены, есть и из ратников.

Но сама по себе мысль понравилась. Ладья не ладья, но не зря же их чему-то учили. Холопов, конечно, не возьмут, но что-то же добудут? И отвагу покажут, и старосте Аристарху добычей поклонятся, чтобы с Лукой поговорил. Глядишь, и простит. Настроение отроков самую малость улучшилось. Обозначилась какая-то цель, и мир стал чуть светлее, а стоило только появиться надежде, и мальчишки, как им и положено, легко приняли желаемое за вполне возможное. Ну, не может быть совсем плохо! И уж точно не с ними: они – сила.

– Ладно, попробуем, – согласился, наконец, Карась. – Айда на старые выселки у озера. Там теперь никого нет, вот там и подумаем.

Отроки толпой двинулись к лесу. Одинец, глянув на остальных, нерешительно дал команду:

– Ух! – никто не возразил и следом раздалось: – Раз! Ух раз!

Стараясь двигаться в ногу, бывшие воинские ученики скрылись в лесу.

Дождавшись, когда мальчишки окажутся подальше, на той же скамье устроились Лука с Игнатом: они далеко и не уходили. А Леха Рябой и вовсе наблюдал за отроками с заборол.

– Слышь, Лука, а не круто ты с ними? Сопляки ведь еще.

– Не, Игнаша, никак по-другому... – Лука вдруг улыбнулся. – Ты сам вспомни, что вам Гребень устроил. Леха! – позвал он Рябого. – Помнишь, как он этих мелких тогда научил?

– А как же!

Теперь улыбались все трое: что да, то да – Гребень был безжалостен. Или им тогда так казалось. Хорошо теперь с высоты лет вспоминать, как оно было, да зачем: прожито и понято все. А коли не понято, так прожито зря.

Это молодым все внове, все непонятно и понять пока ума не хватает. Как слепые, тычутся в обочины там, где дорога прямая, а обернуться посмотреть не могут: жизни-то за плечами всего ничего. Вот им и кажется, что прямо идут, пока в канаву не свалятся. Хорошо, если старики рядом окажутся, тогда и из придорожной канавы правильную дорогу можно найти. А когда нет никого?

Не зря Лука Гребня помянул. Поколения сменились, а все повторяется. И лет-то совсем немного прошло, а нате вам! Надоело однажды отрокам, которых Гребень учил, деревянными палками махать, решили себе сами славы и доли добыть. Сбежали ночью – к ратнинской сотне прибиться думали. Три десятка ратninцев тогда вышли вылавливать татей, что у Княжьего погоста баловали.

Да разве старого рубаку обдуришь? Парни только-только успели к реке ниже погоста выйти, а он уж там на камушке сидит, их дожидается. Обратно всю дорогу Гребень неспешным шагом да с роздыхом шел, веточкой от комаров отмахивался, а они, ученики воинские, вокруг него кругами бегали. То есть бегали те, кто свободен был, а шестеро, сменяясь по очереди, вместо лошади троих самую малость подраненных ратников на себе до дома тащили. На обрат-

ном пути, как по заказу, телегу с ними встретили, вот Гребень и велел вознице возвращаться, а мальчишек заставил носилки сделать да раненых на них перенести.

По дороге же пояснял, что своих они предали, Ратное бросили, им, мальчишкам, доверенный пост. И не важно, что пост тот не на стенах. А ну как случится что? Да еще отцов и братьев своих под удар поставили: как им с татями управляться, когда безоружные мальцы по лесам без няньки бегают, в былинных ратников играют.

Домой едва живые добрались, а Гребень еще и наставлял: не хотели-де головой думать, ногами соображайте, однако никому об их походе не рассказывал и позже не вспоминал. В селе все равно узнали, конечно, а им самим запомнилось навсегда. И остальным урок вышел знатный, да такой, что по сей день всех, кто в тот «поход» ходил, нет-нет да подначивали.

– Это да... – закивал головой Игнат, который тогда тоже оказался среди выучеников Гребня, – но ведь и время другое было. Сам вспомни. Мож, не стоит так мальцов, ну как ломаются?

– Игнат, ты сам глянь: с четырех десятков ратников едва полтора десятка учеников наскребли! – Лука с досады хлопнул себя по колену. – А новиков сколько, задумывался? И вовсе нет, если с прошлыми годами сравнить – хорошо, если этих поднять успеем. Что ни говори, прав Корней: сотню поднимать надо. Будем над ними трястись, какие из них ратники получатся? Кто не сдюжит, так пусть уж лучше сейчас, чем когда в новики выйдут... Леха! Что они там? – поинтересовался рыжий десятник.

– Думают... – откликнулся сверху Рябой.

– Не ссорятся?

– Да нет, обсуждают чего-то.

– Это хорошо, это радует. Не ссорятся, значит, есть надежда, что осознали, и толк из них выйдет. Хе! Только бы в поход не сбежали, – и все трое понимающе гоготнули. – Игнат, присмотришь?

– О, к лесу двинули! – донесся сверху голос Рябого. – Неужто и в самом деле за долей собрались?

У леса слышалось: «Ух-раз! Ух-раз!»

Заброшенная заимка на неудобьях представляла собой несколько полуразрушенных хибар, вбитых в землю чуть ли не по самую дерновую крышу, и каких-то столь же ветхих хозяйственных строений, окруженных чем-то вроде местами поваленного, но еще поддающегося опознанию тына. Трава тут росла не сенокосная, свистун все больше да низкий чахлый кустарник, река близко, но подход к ней неудобный, а земля под огороды негодная. Кто и когда пытался тут обжиться и куда делся, все давно забыли. Может, еще до переселения в эти места сотни тут кто-то обитал, да потом ушел или вовсе сгинул – бог весть. Мальчишек это не интересовало. Главное, место укромное, от села достаточно далеко, а хибары хоть и ветхие, а под крышей. Да и тын подправить не долго – какая-никакая, а все ограда.

Дело шло за полдень, и наблюдавший за «новоселами» с опушки Игнат не удивился, увидев, как отроки, выгоняя на отмель рыбу, бьют ее острыми палками. Кто бы сомневался, что ратнинские мальчишки не останутся голодными в родном лесу. На «усадьбе» остался только Талиня, исполнявший обязанности и дозорного, и кострового разом.

Игнат еще раз внимательно оглядел дома и речной берег, собираясь подобраться поближе, и тут обнаружил, что мальчишек стало меньше. И где остальные? Домой сбежали? Не похоже на них. Игнат озадаченно почесал бороду: выселки располагались в стороне от нахоженных троп, и сам он бывал здесь давно, когда еще вокруг зеленел чистый луг, так что старые воспоминания не помогали.

Только как здесь лещина оказалась? Посреди луга, на бугорочке? И откуда у нее в корнях взялись прошлогодние листья? И травка не луговая... Так вот куда мальчишки подевались! Выставили тайные дозоры. Значит, пока они с Лукой и Рябым думали, да Игнат потом домой

забегал, эти черти куст лещины в лесу выдрали и сюда приперли. Не зря, значит, гоняли их наставники!

Теперь к ним просто так не подобрешься: по подсчетам Игната еще трое где-то спрятались. Месторасположение двоих из них он определил сразу: один наверняка залег на заросшей бурьяном крыше – надо будет похвалить мальцов, когда все утрясется. А вот того, кто засел в дупле, с другого края леса, наставник решил проучить при случае: кто ж пост в дупле устраивает? И не скрыться незаметно, и обзора никакого.

* * *

Десятник тихо хрюкнул: ну, ничего в мире не меняется! Он когда-то тоже мнил себя шибко умным, правда, дупло нашел поскромнее да чуть повыше. Старый Гребень однажды затеял воинскую игру – в лис и зайца. Лисы облавой шли, зайца гнали, а тому главное – не попасться на глаза преследователям. Самой же лихостью считалось сбить погоню со следа, спокойно прийти к стоянке и там всех дожидаться. И чем раньше, тем лучше.

«Лисы» «зайца» до темноты искать должны были, вот Игнат и пошел тогда на хитрость – в дупло спрятался, отсидеться надумал. Отсиделся, как же! Гребень будто знал, куда отрок подался: спокойно подошел как раз к тому самому дереву и уселся прямо у корней. Несколько часов так просидели: Гребень в тенечке под ветерком – ему в июльскую жару хорошо, а Игнат в дупле – в тухле и сырости. И кто только по нему там ни ползал, кто ни кусал! Теперь вспоминать смешно, а тогда обидно показалось. Как только Игнат собирался перескочить через дремлющего наставника и дать деру в лес, тот, как назло, просыпался, кряхтел, устраиваясь получше, и несчастный «заяц» опять сидел, затаив дыхание.

К обеду начали подходить отроки, все, как один, злые: след потеряли и найти так и не смогли. Гребень тогда только раз на дупло и глянул, когда велел им раскладывать костер. Под этим самым деревом. Под дуплом. Когда мальчишки все мясо, добытое там же, в лесу, обжа-рили, велел подбросить в костер сырой травы: комарье-де одолело.

Как Игнат из того дупла вывалился, он и сам толком не помнил: слезы глаза выедали, в горло словно метлу запихнули. Смеялись над ним поначалу все, и громко. Пока Гребень не оборвал:

– Вы его сами отловили? Или из дупла выковыряли? Чего ржете?

Помнится, отроки после этого все дупла в лесу обыскали: Гребень велел. А сам Игнат затрешиной отделался и радовался, что старый рубака его ни словом не попрекнул – не совсем дурак, значит. Прозвище, однако, долго за ним ходило, так бы, может, и остался Зайцем Копченным, кабы не насмешник Кудлатый из десятка Пантелея. Когда Игнат первый раз предстал перед ратниками в качестве новика, дядька Елисей по прозвищу Кудлатый сграбастал его в охапку, с озабоченным видом чуток поискал заячьи уши на лохматой голове смущенного и потерявшегося от такого обращения парня и заржал: «Тож мне, заяц! Придумали! Кочка болотная!» Так Кочкой и звался, пока матерым ратником не стал.

* * *

Третий часовой в конце концов обнаружился в зарослях иван-чая на взгорке. Ефим Оди-нец, сын вдовы Алевтины. Вот этого стоило похвалить: и опушку видел, и усадьбу, и озеро у него под приглядом, а сам он от чужого глаза укрыт. Пока Карась не окликнул, Игнат его и не замечал. Если и дальше кто-то еще из них станет так же с умом действовать, глядишь, и вправду с добычей вернется.

Подобраться к стану поближе удалось только вечером, в сумерки. Мальцы с постов ушли за ограду – и правильно, охраняемый участок надо сокращать. Без оружия, ночью, они беззащитны, и пост незаметно сменить не смогут, а одному всю ночь стоять – это уж слишком.

Вот гомонили отроки намного больше, чем следовало. Особенно шумел Бронька – видно, не только мастью он удался в своего родича, Луку, которому приходился не то двоюродным внуком, не то каким-то племянником. Парень просто захлебывался самыми невероятными задумками: от захвата «чьей-нибудь» ладьи он перескочил к налету на ближайший полоцкий острожек и, не останавливаясь на этом, тут же предложил поход в степи. Его подняли было на смех, но следующая мысль – потрясти ближайших лесовиков – всех заинтересовала. Спорили только о том, кого именно трясти и как это лучше сделать, ссылаясь при этом на опыт отцов, дядьев и старших братьев.

Прозвучало, правда, еще чье-то предложение дойти до Горыни и увести несколько небольших лодок мелких торговцев, что обретаются под Давид-городком, но его, тщательно взвесив, все же отвергли: слишком отчаянными слыли эти торговцы, связываться с ними себе дороже. Да и татба тогда получается, а не воинский поход.

Отроки никак не могли на что-то решиться, все раздумывали да колебались. Слишком долго: если по-хорошему, им уходить надо было, а не на одном месте сидеть. Игнат уловил сомнения в голосе Касьяна, прозванного Карасем, самого старшего по возрасту, но никак не командира. И сам Карась, видимо, уже понимал: не его это дело – приказы отдавать, не ему вести. Оттого и медлил, и старался выслушать всех и решать с оглядкой.

Кто-то из мальчишек помянул боровиков, то есть жителей Борового хутора, верстах в десяти вверх по реке, и тут уже Игнат насторожился и заинтересованно прислушался. В этом Боровом обитали две немалые семьи некрещеных лесовиков из кривичей, занесенные в эти края неведомо как. С Ратным они не враждовали, но в родню не шли, хотя и с остальными соседями особо не роднились – особняком держались. Если парни учудят чего, с этими и без крови договориться можно: здесь они тоже пришлыми считались, хоть и жили уже несколько поколений, тем более, с сотней ссориться им не с руки. Подробности мальчишеских соображений по части задуманного нападения Игнат уже не расслышал – отроки понизили голоса, перейдя от споров к деловому обсуждению, а посты ученики расставили толково, ближе не подобрешься.

Вроде кто-то еще предлагал «сходить за добычей» на Хромую весь, но тут ратник только ухмыльнулся: пусть идут, ежели от собак побегать хотят – в Хромой веся собачки зна-атные.

Наконец, отроки договорились и, к полному удовольствию своего наставника, разошлись по двое – в разведку. И к Хромой веся, и вокруг озера – к Медогонам, значит. В том, что эти посланцы вернутся назад ни с чем, опытный ратник был уверен. А вот те, что направились по тропе, проходившей как раз мимо сидевшего в засаде Игната, похоже, шли к Боровому. Вот тут следовало разузнать все подробнее... Десятник пропустил их и пристроился в хвост.

Вторым шел Одинец, а ведущим – Талиня. Да так уверенно вел, что Игнат не усомнился, что парень здесь уже бывал, и не раз: так ходят по родной избе, а не по бурелому. И вокруг хутора по кругу обошли; не зная, той тропки и не найдешь. Да и сиял отрок как-то подозрительно, будто не в чащу к комарам на съедение топал, а на пироги торопился.

Шагов за полсотни до частокола, окружавшего лесной хутор, Талиня полез на елку. Забрался, словно дома на сеновал, почти не останавливаясь, и сразу же на той же самой елке заверещала белка.

«И что дуре среди ночи надо? – удивился Игнат, но тут же досадливо сплюнул: Талиня, олух, вызывал кого-то, на этот раз подражая трясогузке. – Ведь знает же, что они спят по ночам, так нет... Вернемся – шею наломаю придурку!»

Пора было самому посмотреть, что там, за частоколом, происходит, и Игнат залез на дерево неподалеку. Вовремя: дверь избы открылась, и на крыльцо выскочила девка в одной

рубашке, только на плечах что-то темнело – видать, платок накинула. Дверь, однако, не закрылась, и через малое время из нее выглянула уже баба. Девка, правда, ни на что внимания не обратила, поспешила к калитке и о чем-то заговорила с подошедшим туда же отроком.

Баба же, особо не высываясь, немного послушала и спряталась в избу, потихоньку прикрыв за собой дверь.

«Ну, будто так и надо. Ха! Придется Васке Жердяю откуп за невестку готовить. Он-то об этом знает? Что-то не слышал я таких разговоров, а ведь это уже серьезно, – прикидывал десятник, потихоньку сползая со своего наместа. – Выходит, породнятся все же боровики с ратнинцами, тем более, если девка догуляется да затяжелеет. Но главное – сопляки точно сюда пойдут, и сомневаться теперь нечего».

О чем там щебетали влюбленные, Игнат и слушать не стал – сам таким был, и не так давно... Эх! Пора в Ратное, а то мальцы и вправду долю добудут, себе на шею.

Уже по свету ввалившись во двор Луки и угодив прямо к столу, Игнат, подкрепляясь после бессонной ночи от щедрот рыжего десятника, рассказал тому о ночных приключениях. Своих и отроков. Оба посмеялись, но сердечные дела Талини и у рыжего десятника вызвали нешуточный интерес: дать урок соплякам, а заодно и привязать к Ратному две немалые семьи и заполучить дружественное поселение – дело серьезное.

– Тишка! – позвал Лука племянника и, дождавшись, пока тот ввалится в горницу, распорядился:

– Пойдешь сейчас к Лехе Рябому, он должен как раз ко мне собираться – уговаривались мы с ним вчера. Ну так вот, поклонись ему со всем уважением да скажешь, что ко мне идти не надо, по-иному сделаем. Пусть берет Василия Жердяя – того, что у него в десятке состоит, и оба к старосте во двор идут. Дело до них есть. И не сболтни там лишнего, знаю я тебя! Говори, что сам не ведаешь, что да зачем, только дядька Лука велел. Понял? Ну, давай бегом! – и, дождавшись, когда племянник убежит, снова обратился к Игнату, доедавшему кашу с мясом:

– Я к Корнею сначала зайду – звал зачем-то, а ты сразу к Аристарху ступай – пока соберемся, расскажи ему все, что мне тут поведал. Это уже его дело.

У старосты совещались недолго. Василий Жердяй (ну точь-в-точь отражение сына, только в полтора раза длинней), и вправду напоминавший длинную жердь, на которую навесили болотную кочку, выскочил первым и поспешил домой, а вскоре его жена, кругленькая, румяная и едва достающая макушкой мужу до груди, Полька-Покатушка, прозванная так и за внешность, и за всегдашнюю готовность поохотиться по любому поводу, металась по подворью, охая и радостно причитая.

Еще чуть позже четверо верховых с вьючными в поводу покинули Ратное.

* * *

Игнат не ошибся: именно нападение на боровиков показалось отрокам самым подходящим для воплощения в жизнь их грандиозных планов. Вот туда-то они и направились ближе к вечеру следующего дня.

Вел отряд все тот же Талиня. Они с Одинцом вернулись из разведки под утро и выглядели при этом весьма занятно: Талиня глупо улыбался, прятал припухшие губы и почти засыпал; Одинец спать особо не хотел, лицо у него тоже заметно опухло, но вовсе не от поцелуев, а комариными стараниями. И сведения, в отличие от остальных разведчиков, они принесли очень даже ободряющие: на скотном дворе в загоне у боровиков стояли четыре лошади, которых готовили на продажу. Там же хозяин хутора держал и своих верховых коней, потому что

тех самых лошадей продавать он собирался куда-то далеко, да не один, а с сыновьями, вот табунок и пригнали с выпаса.

Добыча намечалась знатная. Мало того, под насмешливым взглядом Оди́нца Тали́ня, запинаясь и краснея, поведал о некоем друге, который откроет им ворота усадьбы и покажет, где и что. И, совсем уже смущаясь, добавил, что странный этот друг имеет намерение уйти из отчего дома вместе с ними. Попытки вытянуть из Тали́ни подробности привели только к изменению цвета лица парня до багрового. Впрочем, насмешники вскоре отстали: надо было и к выходу подготовиться, и поспать хоть немного. Игрушки закончились – отроки отважились на серьезное взрослое дело.

Мало-помалу получилось так, что руководство походом забирал под себя Оди́нец. Не то чтобы самому Ефиму этого хотелось, но Карась оказался не готов к такой ответственности, а прочие о ней даже и не задумывались. Решение это парню далось нелегко: он как-то сразу почувствовал, чего тот хочет – быть начальным человеком и распоряжаться товарищами – на самом деле стоит. Одно дело – на правах сильного раздавать щелбаны и подзатыльники, и совсем другое – вести за собой полтора десятка бойцов, возможно, и в бой. Думать за них, решать одному за всех, а главное – за все отвечать. Конечно, даже если лесовики их изловят, не убьют. Наверное... Но позору потом не оберешься. Кто принял решение, кто за старшего, с того и спрос. И позор за всех тоже ему принимать.

Вот и частокол усадьбы боровиков. Подошли почти вплотную, а собаки молчат.

– Опоены собаки. Отваром сонным, – шепнул расцветший непонятно с какой радости Тали́ня.

– Друг? Сердешный, небось... – язык у Броньки думал быстрее головы.

– Да тихо ты! – в голосе Оди́нца стали прорезаться командирские нотки. – Тали́ня, давай, зови! Ты ж говорил, как луна встанет...

И снова в лесу заверещала обеспокоенная чем-то белка.

Эта рыжая непоседа своим шумом побеспокоила не только лесных жителей, но и хуторских. Собаки действительно бессовестно дрыгли, обрадованные с вечера полными мисками мясного отвара с остатками каши. Но вот старый боровик со своими сыновьями, внуками и их женами, вопреки расчетам отроков, не спали. Они давно засели во всех возможных местах, поджидая незваных гостей.

Четверо ратни́нцев, неожиданно приехавших на хутор днем, тоже составили компанию хозяевам: расположились на удобных насестах на деревьях и имели возможность видеть все лучше остальных. Они добрались до Борового хутора задолго до заката и, поклонившись хозяевам, уединились с главой рода и его сыновьями.

Старый боровик, угрюмый кряжистый лесовик с огромной бородой воспринял поначалу и гостей, и разговор с ними, как неизбежную неприятность. Куда денешься, если у рода нет сил просто послать куда подальше ратни́нцев-христиан, хотя те и не трогали до сей поры ни их угодий, ни покосов.

Переговоры получились не простые. Сообщение, что его собираются ограбить ратни́нские мальцы, «для учебы», как выразились их наставники, хозяина не слишком порадовало и едва не стало причиной ссоры. Конечно, сотня была силой, эти пришлые давно чувствовали себя хозяевами в окрестностях, и переть против них желающих находилось мало, но всему же есть предел! По их прихоти дурня из себя изображать – невелика забава.

Однако сыновья его оценили это несколько иначе. Посмеяться над ратни́нцами удавалось редко – больно уж у них кулаки тяжелые, а тут нате вам, сами предлагают. А уж когда Лука поведал о девице с хутора, пособляющей ратни́нским мальчишкам, и сам старый боровик покряхтел-покряхтел, но решил увериться самолично, обещая при этом выдрать негоднице косу «аж по самые лытки». После чего на совет была призвана здешняя большуха, которая, в

отличие от хозяина, хоть и поахала, и посетовала на такое безобразие, но как-то не особенно убедительно, и сразу же поняла, что от нее требуется. Будто она только того и ждала.

Вскоре бабье население хутора металось по двору под окрики боровика и боровихи, стараясь угадать, какая вожжа попала под хвост главе рода. Тем девкам и бабам, на кого у большухи особой надежи не было, срочно нашли занятие в стороне от хутора, так, чтобы до вечера хватило. С ними же спровадили и выявленную после короткого совещания жены боровика со старшими женщинами «пособницу». Короче, к темноте все приготовили, как надобно.

Коней тихо вывели на луг за леском, подальше от дома, заменив их конями прибывших ратнинцев. Подумав, старый Боровик все же добавил к табунку еще трех своих, очень даже неплохих.

Лука только переглянулся с Рябым и Игнатом: а юоровик-то не промах. Девку так и так надо замуж отдавать, а тут, глядишь, и без лишних хлопот обойдется, и лицо сохранит. По обычаю, если увел девку без родительского благословения, так и на приданое рот не разевай, а уведенные лошади вроде ей с женихом на хозяйство.

А с будущей родней отношения лучше хорошие поддерживать, раз уж так получилось, так что те кони еще сто раз окупятся. И самому боровику бабы потом плешь точить не станут, что бросил девку без куска.

Так что ратнинцы такой разумный подход к делу оценили: не сладится что, коней и вернуть не сложно: отроки из озорства угнали, а за их шалости ссориться с соседями никому неохота. А сладится, так мальчикам честь: не просто из баловства на такое пошли, а другу своему помогли невесту увести – обычное дело. Это отцы поймут, и, поворчав, простят.

Бабы между делом отыскиали и плошку с приготовленным сонным отваром для собак. Боровиха попробовала на язык, сплюнула и заявила, что девки нынешние совсем уж без рук да без головы рождаются, выплеснула зелье в помой и занялась этим сама.

Смазали железные воротные петли – гордость боровика, чтобы не заскрипели и забаву не порушили.

Убрали все, что можно было убрать с подворья: неровен час, ноги себе или коням поломают впопыхах да в потемках.

Словом, приготовления к ночной потехе захватили всех.

Если мужи видели в этом способ просто поразвлечься, то женщины имели свой интерес: уйдет девка замуж за ратнинца – глядишь, и других там же потом получится пристроить. Чем плохо родню в Ратном заиметь? И парням невест себе присматривать надо, а в Ратном выбор большой и семьи не бедные – конечно, не часто оттуда отдают, но случается. Боровиха уже Макоши за помощь в таком деле богатые подношения приготовила да двух толковых баб пригласила присматривать днем за будущей невестой: не приведи светлые боги, стрясется с девкой чего-нибудь.

День закончился быстро; чуть начало темнеть, как боровиха разогнала всех домашних по лавкам и печам, нечего-де болтаться, спать пора. Женатым и в темноте есть чем заняться, а у кого молоко на губах не обсохло, пусть дрыхнут. А кому не спится, тех завтра она работой порадует.

Но не спалось всем.

У «невесты» от страха ноги немели, какой уж тут сон. Бабы изнывали от желания обсудить происходящее и держались только страхом перед мужьями, которые ни за что бы им не простили, сорвись такая забава. Ну, а мужи предвкушали, как они утрут нос ратнинцам.

Вместе с гостями сидел в засаде и сам боровик, пожелавший все видеть и слышать.

Луна едва показалась над лесом, и сразу же подал голос коростель – это молодой боровичок, загодя посаженный на дерево над тропой, ведущей к хутору, дал о себе знать. Мальчишек заметили уже совсем на подходе – выходит, не зря их гоняли наставники. Отроки правильно шли, тихо, и несли на плечах что-то вроде объемистых тюков, но что именно, наблю-

датели издали, да еще в темноте, не рассмотрели. Игнат забеспокоился: уж не поджечь ли чего хотят, внимание отвлечь? Но тут зашумела белка, а следом подала голос трясогузка. Наставник поморщился: не миновать Талине нагоняя: Лука такой оплошности не простит. Сколько раз повторять одно и то же?

Двери во двор приоткрылись, и из дома выскользнула девица. Она, наверное, единственная из всех обитателей усадьбы ни о чем не догадывалась. В руках у нее болтался узелок – когда только собрать успела и где прятала? Засов тихо отошел, и в ворота скользнули отроки. У каждого за спиной торба. Десятники вытянули шеи: чего, интересно, сопляки там придумали?

Нельзя вывести коня без шума, если с хитростями не знаком, а мальчишек этому пока не учили. Может, кого дома отец наставлял? Чем они там занимались в загоне, где ночевала скотина, никто не разглядел, но когда первый конь, удерживаемый под уздцы двумя отроками, появился во дворе, едва не прозевали – стука подков об утоптанную землю двора не услышали. Лука усиленно чесал бороду: коней явно во что-то обули, но вот во что? Ни овчины, ничего другого у мальчишек не имелось. Непонятно – и потому раздражало: выходило, что это над ним мальцы позабавились. Но больше всего ратнинского десятника мучило любопытство воина, который видит новую уловку, но никак не может ее понять.

Коней уже вывели со двора, когда всю забаву чуть не испортила хозяйская псина, одна из всей своры, которая продрала глаза и решила исполнить свой долг. Лапы ее не слушались, но вот рывкнуть сил хватило. Отроков как сквозняком выдуло со двора. Даже девчонка, до того без перерыва хлюпавшая носом (надо же соблюсти приличия хотя бы для себя), мигом перестала заниматься глупостями и шустро метнулась следом, не отставая от своих «похитителей».

Псина рывкнула еще раз. Лука крикнул – вдруг его ученики в спешке чего не надо натворят? Боровик еще немного подождал, давая мальчишкам возможность отойти подальше, и заорал во всю глотку:

– Лови! Хватай! Девку украли! – и пополз вниз с дерева.

Хутор тут же превратился в курятник во время пожара. Бабы вопили, квохтали и хохотали, девки больше визжали, непонятно отчего; мужская часть хутора рычала, ржала и пыталась изображать погоню, но какая тут погоня, когда все от смеха вповалку лежат! Веселье распугивало лесное зверье не меньше, чем за версту.

Отроки, петлявшие по лесу, слышали поднявшийся гомон, но им он весельем не казался. «Похитители» уходили по всем правилам, старательно сбивая погоню со следа и не сомневаясь, что весь этот шум у боровиков – идущие за ними и жаждущие мести хуторяне.

Поначалу всех вела Сойка – так звали девчонку, боявшуюся родни больше, чем сами мальчишки. Чуть позже в проводники выдвинулся Талиня, и уже под утро всем стало окончательно ясно, что с дороги они сбились. Впрочем, ничего страшного в этом отроки не видели: главное, от погони оторвались, а когда взойдет солнце, отыскать нужное направление не составит труда.

Одно плохо: если боровики взяли след, то догонят задолго до рассвета, да и собаки скоро проснутся, а уж от них уйти можно только по воде. Разве что дождь поможет. Конечно, останавливаться никак нельзя, нужно идти дальше, пусть и неизвестно куда, главное – увеличить расстояние между ними и хутором. Вот только сил почти не осталось, да и Сойка едва держалась на коне.

Одинец скрепя сердце велел остановиться. Как получилось, что он окончательно принял на себя команду, никто и не заметил. Карась даже не пытался оспорить старшинство, сам понимал: не по его плечу эта сума, не для его головы такие думки.

– Хвост и ты, Карась... – Одинец наконец принял решение, – отойдете назад по нашему же следу шагов на двести. Если погоня появится, подадите голос коростелем. И не спать!

Ох, как не улыбалось Касьяну Карасю тащиться по лесу и сидеть, ждать; спать хотелось так, что, попади сейчас ему под веко орех – раскололся бы.

– Так и пусть Талиня сторожит, им с Сойкой все одно по ночам не спится... – попытался он отвертеться от поручения.

– Да? – Одинец чуть задумался. – Вот с ним и пойдешь. Талиня, снимай Сойку с коня – не обидим мы ее, и дуй с Карасем сторожить. Тебе спать не с руки – невесту проспшишь.

Для едва живой девчонки, которая от усталости даже бояться перестала, отроки наложили елового лапника, а сами упали, кто где стоял. Как удалось Одинцу согнать всех в кучу, на небольшой пригорок, заросший серым мхом, он не понял, но свалиться, как и остальные, не разбирая где, не мог. Сам не знал, что заставляет его переходить от одного приятеля, уютно свернувшегося под кустом, к другому и, растолкав, гнать на этот самый бугор. Просто чувствовал, что так надо, что по-другому нельзя и, кроме него, некому. Талиня с Карасем уже ушли, а Одинец так и остался сидеть, опершись спиной на общую кучу тел отроков. Небо потихоньку светлело, а погони все не было.

Глава 6

Фаддей Чума. На распутье

Очнулся Фаддей от головной боли. Виски ломило так, словно в них изнутри чем-то долбили. Сроду с ним такого не приключалось, разве что с перепоею, но вчера вроде и не пил, а на тебе. И спал плохо, будто всю ночь бревна тягал.

В доме было подозрительно тихо. Веденя уже убежал, что ли? И отца не разбудил?

Поворочал шеей – затекла. Да что ж такое на самом-то деле?! И Варюхи нет. Куда ее унесло с самой рани, шелопутную?!

– Варька... – не прокричал, а скорее прошипел Чума. А глотка чего пересохла? Кашлянул, сглотнул и каркнул: – Варька!

Из сеней выглянула Дуняша.

– Чего, тятя?

– Мамка где? – говорить было трудно, – квасу дай, что ли.

– Так к Ведене она с утра. И Снежанка с ней увязалась, – поясняла, наполняя кружку Дуняша. – Лекарка, тоже мне! По дому ей лень...

– А чего им там понадобилось? В учении парень. Чего бабам там делать? – проворчал Чума, принимая кружку с квасом.

Дуняша даже рот открыла от удивления.

– Так тетка Настена же велела с утра зайти.

Кружка выпала из рук Фаддея, и недопитый квас плеснул на рубаху. Как он мог забыть такое?! Как? Весь вчерашний день, за ночь стершийся из памяти, сразу же вспомнился, и словно стена на голову рухнула – даже в глазах потемнело от вспышки боли.

«А-а-а! Не до нее! Всего ночь осталась. Делать что-то надо! Придумать, как хотя бы детей уберечь».

– Дуняша, ты вот что... Бражка там в сенях стоит... Принеси.

Возразить дочь не посмела, но глянула неодобрительно, совсем как мать. В иное время Фаддей ей и этого молчаливого выражения недовольства не спустил бы – рявкнул бы за непочтительность, чтоб не зыркала на отца, а то и подзатыльник отвесил бы, но сейчас ни с того ни с сего почти оправдываться стал, хотя и перед Варькой такого не допускал:

– Да ты не того... Голова раскалывается. Кружку налей, не неси все-то.

Дуняша, открыв рот от изумления, чуть через порог не кувыркнулась, засмотревшись на отца. Ойкнула, споткнувшись, чуть не бегом кинулась исполнять, и когда кружку подавала, глядела испуганно. У Фаддея снова в груди защемило: вот и старшая дочка уже почти невеста. Что с ней теперь станется?

То ли действительно хмельное помогло, то ли он просто немного расходился, но боль в голове притупилась. А пока Дуняша все так же молча и торопливо собирала на стол, вернулась жена, правда, одна, без младшей дочери.

– У Настены упростила оставить, – пояснила Варвара, – они там с Юлькой по траву какую-то собрались. Та хоть и пофыркала, но взяла нашу с собой. Здесь по берегу собирать наладилась, рядом. – Варвара, не прекращая трещать, тоже принялась хлопотать по дому. – Прямо диву даюсь, право слово: Снежанка с лекарками подружилась. И не гонят они ее. Ну, ладно бы Настена, так ведь и Юлька с ней возится, хоть сама на девку и не похожа, злющая, как хорек. Намедни, видела я, как она Ярьку за что-то отчитывала, ровно взрослая! А ведь сопля еще, – Варька поджала губы. – Ну прям вся в мать, та по молодости тоже была язва язвой. Помнишь, небось? – покосилась она на мужа.

Чума не поддержал разговор, больно мысли тяжелые сегодня его одолевали. Варвара это заметила, потому и трещала, отвлекала, но сегодня Фаддею даже злиться на нее не хотелось, не то что отвечать.

«Разве ж от такого пустыми словами отвлечешь?! А сказать... Как?! Да и что изменишь? Пусть хоть она пока спокойно поживет, сколько получится».

А Варюха все не унималась.

– Ну да и ладно, чай, не съедят они ее! Конечно, лекарки, знамо дело, от них всего можно ждать. Но и поучиться нашей у той же Юльки не грех – хоть травки какие узнает, да пока будет помогать Юльке собирать их, еще что выведает. При случае, глядишь, и пригодится. Она вроде всем таким интересуется, спрашивает и у меня, что да как? А я много ли знаю? Разве что малину от жара заварить да липов цвет. А Верка-то Макарова намедни у колодца всем бабам уши продула...

Варька от рассказа про лекарок перескочила на другое, по обыкновению обильно мешая в одну кучу и свои старые счеты с Веркой, и последние новости от колодца, что успела собрать с утра пораньше. Пока Чума ел, жена продолжала просвещать его обо всем подряд, что случилось за это время в Ратном. Дело привычное.

Фаддей слушал вполуха, но тем не менее совсем не пренебрегал – давно привык, что хоть болтлива у него Варька, а порой и от нее можно много чего любопытного узнать, если слушать правильно. Но как раз сегодня ничего стоящего в ее болтовне не слышалось, что само по себе уже настораживало: в селе такие дела творятся, в последнее время чего он только не узнал из тех же бабьих разговоров, а тут как всем рты враз заткнули!

«А могли заткнуть? И чтобы никто из баб ни о чем не проговорился? Да ну их! Когда не надо, не остановишь, а тут... Одна забота – каким рисунком Глашка себе чего-то там вышила да какое невиданное яйцо у Бурея кура снесла! Кура же, не сам Бурей, чему там дивиться? Одно слово – бабё!»

Пока Варька высыпала на него ворох «колодезных» новостей, Чума привычно кивал, особо не вслушиваясь, и продолжал размышлять о своем. Но разговор про лекарок неожиданно зацепил.

«Гляди-ка, а Варька и не противится, что Снежанка к лекаркам бежит, наоборот даже. Сама чего только про них не болтала, а вон как теперь повернула! Ну да, она с Настеной девчонкой еще цапалась, когда ко мне в ту же избушку при каждом удобном случае пробраться норовила. Настена-то навряд ли Юльки в детстве норовом была – колючая, что твой ерш, и Варюху гоняла, а ее саму – бабка. Только Варька-то все равно исхитрялась – иной раз и обманом. Да и потом, когда уже мы поженились, сколько раз они схватывались... Вернее, это

Варюха все силилась Настену на место поставить. Ну, никак не могла уяснить, что та хоть и молода, а лекарка, и с иными бабами ей никак неместно равняться – с ней уже и тогда, кто поумнее и постарше, считались. Она-то себя поставила сразу и Варьке мигом нос прищемила.

А ведь чуть не первый раз мы с Варюхой всерьез поругались как раз из-за нее, из-за лекарки. Аж взвилась, что я ее окоротил, а Настену поддержал. Пусть и не прилюдно, а дома, но обиды сколько было! И на Настену взъелась туце прежнего... Взревновала, что ли, дурум? С нее станется... Сколько раз потом той же Настене кланялись – и не счесть, а вот все равно Варвара ее не любит, а тут, поди ж ты!»

Чума, занятый своими раздумьями, не сразу заметил, что жена замолчала, а когда заметил – насторожился. Варюха зря молчать не станет, нрав не тот. Коли молчит, стало быть, удумала что, а коли удумала, то и послушать стоило: важное она, только хорошо подумав, выкладывала. И верно, заговорила Варька, только когда муж закончил есть.

– Я вот тут думала, Фаддеюшка... Младшенькая-то наша к лекарству склоняется. И у самой стремление есть, и Настена вроде не гонит, – Варвара глянула на мужа и, видя, что тот внимательно слушает и не спешит сердиться или отмахиваться, осторожно продолжила: – Оно понятно, что лекарки только своим дочерям все таинства передают, но травницами и повитухами и простые бабы становятся, когда есть кому научить.

Варвара еще чуть помолчала и, не дождавшись ответа, вздохнула:

– Я ей тут не помощница. А Настена сегодня сама Снежанку предложила при Ведене оставить... – собравшись с духом, жена наконец выложила то, что надумала. – Может, по осени, как с хозяйством управимся, поклониться Настене, чтоб нашу младшую в учение взяла? Оно, конечно, не дешево, да и Настена как еще посмотрит на такое... Сам знаешь – не ладим мы с ней, да и не учила она никого, кроме Юльки своей, но в помощи-то она никогда не отказывает, да и не лекарку же из Снежанки готовить. А я уж как-нибудь перед ней за старое повинюсь, если что. Не впервой, чай, кланяться... А уж для дочери-то...

Варвара, удивленная и озадаченная тяжелым и непривычным молчанием Фаддея – обычно он или рявкал сразу или начинал что-то выпрашивать, а тут сидел мрачный, и неизвестно, что думал – тем не менее продолжала его убеждать, торопясь высказать все, пока не оборвал.

Чума слушал жену, думал. Это Варваре все просто, а ему решать надо с рассудком... Да разве ж он против? Только возьмет ли Настена девку? И не в старой сваре дело – это Варюха все помнит, Настена-то, поди, давно ее из головы выкинула, уж больно умна. Но чужую девчонку учить – видано ли? Не принято так: ремеслу своих учат, в других местах, да, бывает, берут учеников за плату, но чтобы лекарка?

И еще... Как бы оно ни обернулось, а через ночь он всяко или в могиле, или в дерьме. Захочет ли Настена связываться с его дочкой после этого? Она пришлая, конечно, и поступает так, как сама решит, но захочет ли вообще решать? Да и до осени далеко. А если его убьют, так какая плата с покойника? И оставят ли в Ратном семью бунтовщика? Не похолопят ли? Сейчас, конечно, и серебра в достатке, а по осени можно и харчами добавить, и еще чем-нибудь.

От черт, до осени еще дожить надо! А сейчас только серебро... Сейчас! Именно сейчас! Фаддея словно солнцем осветило.

«Вот дурень! Настена если сейчас согласится, то потом Снежанку в обиду никому не даст, а с ней и Корней считается! Если сегодня же уговориться да плату внести... Ух, черт! Ну Варька, ну голова!»

– Ты вот что, Варюха... – Фаддей будто только сейчас проснулся: вскинулся так, что Варвара отшатнулась, не зная чего ожидать. – Надевай, что получше, да мне рубаху с портами чистыми приготовь! Я пока сапоги вычищу. Кубышку вытаскивать пора. Ну, чего встала? – глянул он на остолбеневшую жену. – Не хрен до осени тянуть! Как оно там сложится, кто знает, да и Настена не передумала бы. А серебра у нас хватит, даже с походом. И Ведене еще

на справу, сколь надо, останется. Да что ты, замерзла, что ли? Шевелись давай! А то уйдет лекарка, жди ее потом до вечера! – рыкнул Чума на обалдевшую от такого поворота женщину.

– Так я сейчас, сейчас... – и Варька поспешно сунулась в угол, где стоял сундук. Тяжелая крышка хлопнула о стену, и послышалось шуршание перебираемых тряпок.

Дуняша только глазами хлопала, провожая родителей: одетые хоть и не по-праздничному, но и не в будней одежде, у каждого в руках по свертку. У Фаддея – небольшой шелковый платок, в который он завернул аж четыре гривны. Много. Слишком много, да и платок такой не дешев, но Варвара, обрадованная неожиданно быстрым согласием мужа, смолчала. Высказывая давно обдуманное, она заранее настроилась на то, что муж сперва отмахнется, и надеялась до осени утолочь его как-нибудь, а тут на тебе!

Неясное беспокойство в душе зашевелилось, как мышь в амбаре: а ведь не зря Фаддей так спешит, ох, не зря! Видать, есть причина. Но пока что она отодвинула эту тревогу – что бы там ни было, а Снежанку пристроит! Когда еще выдастся такой случай, чтобы муж вот так сразу с ней согласился?

Что несла в узле сама Варвара, Фаддей даже не поинтересовался. Что бы ни было – все равно, главное, чтобы Настена не отказала. А согласится, да уговор заключат, да со свидетелями... Вот и станет дочка недоступна ни воеводе, ни старосте, если что с семьей случится. Хоть ее уберезет.

Торопились они зря: Настена оказалась дома и уходить не спешила. Мало того, на огороде на грядках дергала сорняки целая девичья ватага, которую возглавляла Юлька, красная и сердитая, как весенний барсук. Держалась она чуть особняком и зло косилась на своих товарок: Снежанку и Ярьку, тоже надутых и расстроенных. Сама Настена с суровым и неприступным видом сидела на лавке около дома и разбирала большой ворох травы.

– Здрава будь, хозяйка! – поклонились супруги.

– И вам здоровья! – откланялась в ответ Настена. – Присаживайтесь.

Девичья троица, разом забыв о прополке, принялась разглядывать гостей, мало того, Фаддей острым зрением углядел какое-то движение в махоньком волоконном оконце лекаркиной избы. Не иначе, Веденя подглядывал – усмехнулся про себя Чума.

– Как здоровье твое, хозяйшюка, как живешь? По добру ли все, по хорошему ли? – начал он беседу, как принято по обычаю.

– Благодарствую. И здоровье ладно, и живу по-людски, – тоже по обычаю ответила Настена. Глядела при этом лекарка настороженно и немного насмешливо, будто уже знала, зачем к ней гости пожаловали. И не удивительно – от ведуньи не утаишь. Видимо, поэтому и не стала долго разводить вежество, кивнула с усмешкой на девчонок:

– Коли бы не вон те стрекозы, так и вообще замечательно.

– Неужто наша чего натворила? – Фаддей не на шутку встревожился: а ну как откажет? Он-то уже рассчитывал на нее. – Так ты поучи ее, поучи. Как нужным считаешь, так и поучи. Оно завсегда на пользу. И мы по-родительски тоже, значит... А чем они провинились-то?

– Да кто чем... Моя – что рот разевает. Вчера ведь только внушала ей, что лекарка и под землю на два локтя видеть должна, а уж что вокруг творится – тем паче! Так нет, и нынче губами прошлепала! Мало ли, что за травой отходили! Так ведь поблизости собирали. Вот эта коза в сени и юркнула, пока они в другую сторону глядели.

Настена с усмешкой кивнула на Ярьку:

– Я ее прямо в доме изловила, пока они с вашим сыном миловались. Ну, пусть теперь с грядки зазнобе своему улыбается, с моей на пару. А то, ишь, из дома туесок с малиной сушеной притащила да калачей... Будто не кормят его тут, бедного, – грозно вещала лекарка, и если бы не пляшущие в глазах бесенята, можно было бы и поверить, что она и впрямь сердита до невозможности.

Чума глянул на Варвару, Варвара на Чуму, и оба уставились на Настену.

– А... Эта... Туесок-то большой? С малиной? – Фаддей то ли злился, то ли удивлялся.

– Да побольше, чем тебе Варька в тот раз!.. – фыркнула Настена, и все трое захохотали. Девки в полном обалдении взирали на старших, пытаясь понять, что же их так развеселило.

– Ага. И опять на грядку! На ту же, что твоя бабка тогда вам с Варькой определила, или на новую? – сквозь смех поинтересовался Фаддей.

– На ту, на ту! – заверила его Варька, утирая выступившие из глаз слезы. – Аккурат у тына, за домом. Я ее хорошо помню!

– А чего все-таки Снежанка учудила? – поинтересовалась она, когда все отсмеялись.

– Не надо было Юльку разговорами отвлекать. И уж коли взялась помогать, так помогай, а она то ли слушала меня невнимательно, то ли перепутала. Вот и набрала невесть чего. А мне теперь разбираться приходится.

Чума с интересом глянул на траву, высыпанную на расстеленную на лавке тряпицу.

– Да тут один ежевик, почитай, и есть... – попробовал он вставить слово, защищая дочь, но тут же дернулся от Варькиного тычка в бок.

– Ну, не скажи. Ежевик ежевику рознь, – возразила Настена. – Зеленый мне без надобности. А вот этот, у которого на колоске красноватые или рыжие подпалины, как раз и нужен. А тут, сам глянь, – лекарка, объясняя, начала было показывать, да тут же махнула рукой. – Хотя тебе это знать без надобности. Ваше дело калечиться без меры, наше – лечить да выхаживать.

В ее глазах ясно читалось: ну вот, о здоровье поговорили, юность вспомнили, посмеялись, может, теперь приступим к делу, с которым вы сюда пришли? Фаддей почесал бороду, побряхтел, помолчал положенное для солидности время и начал:

– Пришли мы к тебе, Настена, с поклоном от семейства и рода нашего! – Оба супруга встали и поклонились в пояс. Настена тоже поднялась и ответила таким же поклоном. – Дочка наша младшая, Снежана, стало быть, охоту проявила к искусству лекарскому и учиться этому делу желание имеет. Трудов она не боится и к старшим почтительна. И решили мы с Варварой кланяться тебе, и просить взять ее в учение. Лучше лекарки во всей округе не сыщешь, так кому, как не к тебе, нам идти? Потому просим – не откажи. Выучи девку, чему сама посчитаешь нужным и как сама знаешь. С платой мы не поскупимся, сколь запросишь, столь и заплатим... – Фаддей замялся, не зная, что еще сказать, и на всякий случай повторил: – Прими дочку в учение, будь милостива, а мы добро не забудем.

Настена отвесила супругам еще один поклон:

– Спасибо за уважение да за доверие! Что Снежана ваша к делу лекарскому склонность имеет, я давно заметила. Есть у нее в душе сочувствие к болящим. Видно, сама Макошь у ее колыбели прошла да слово свое ей шепнула. Не каждому такое выпадает, а и выпадет, так не каждый себя понять сможет. Лекаркой ей, конечно, не стать, но травницей и повитухой, глядишь, и получится. Если не заленится. Потому в учение я ее беру. Да она уже и начала учебу... – Лекарка плавно обернулась к девчонкам и узрела их открытые рты и растопырившиеся от любопытства уши. – Это что такое?! – рывкнула она так, что даже Юлька присела. – А ну, носы в грядку! Ишь, заслушались! – И снова не спеша повернулась к супругам. – А плату за учение я бы и не стала брать, да для него многое нужно, да все свое, не заемное. А сколько чего докупать – это я попозже определю. Тогда и об оплате договоримся уже окончательно. К осени, скажем.

Фаддей замотал головой:

– Прости уж меня, Настена. С детства тебя знаю, потому и скажу, как есть: возьми всю плату сейчас. Неведомо никому, как дальше сложится, а я, сама знаешь, от рати не бегая. Никто от воинской судьбы не заговорен – не ровен час, убьют – что тогда?

Лекарка так и впилась взглядом в Фаддея, но задумалась только на миг.

– Так вон оно как, значит? – пробормотала она себе под нос.

Чума покосился на удивленную Варьку и развел руками.

– Уж уважь мою прихоть. Не хочу за дочку беспокоиться.

– Не выгоню я ее на улицу, не переживай, – Настена поджала губы, кивнула сама себе, словно решаясь на что-то, и твердо проговорила, специально для Чумы: – Я ведь понимаю, где живу.

– Вот потому и прими... – Фаддей с облегчением перевел дух и вручил лекарке сверток. – Здесь четыре гривны. И сам платок тебе в подарок.

– И вот еще возьми, не побрезгуй, – вступила в разговор и Варвара, в свою очередь протягивая Настене то, что держала в руках. – Не серебро, но тоже не лишнее.

– Ну что ж, – Настена еще раз внимательно посмотрела на Фаддея и кивнула. – Четыре гривны – это много. Очень много. Однако возьму все, сколько даете. Что останется, ей в приданое пойдет, если...

Все трое поняли недосказанное, правда, каждый по-своему.

Уговор между лекаркой и семейством Чумы заверили ратник Аким, родной брат Варвары, искренне порадовавшийся за племянницу, и Егор. Дом Акима стоял неподалеку, а Егора Фаддей встретил как раз по дороге к шурина. Будто нарочно десятник угадал.

Аким потом сразу домой заспешил, а Егор отправился провожать Фаддея с женой. Варька, правда, заторопилась к колодцу – напропалую хвалиться достижениями дочери и удачным разговором с лекаркой, и ратники остались вдвоем. Фаддей, которого присутствие десятника, несмотря на все уважение к нему, сейчас совсем не радовало, тоже попробовал было сослаться на неотложные хозяйственные дела, но Егор только мотнул головой и тихо выложил последние новости. Да такие, что они мгновенно заслонили для Чумы все прочее.

– Решили отложить, – без предисловия, тихо, как умеют говорить опытные ратники, когда таятся в засаде, сообщил десятник. – Лука, Игнат и Рябой в селе сейчас. Из своих вотчин еще позавчера все вместе заявили. Корней вызвал, что ли? Вначале думали – уедут сразу, как обычно, а они тут застряли. А под ними, как ни крути, почти полсотни бойцов ходит. Даже если половину за себя выставят – Корней всех сметет.

Чума удивленно смотрел на Егора: вроде бы не должны такие вести десятника радовать, но похоже, они его не огорчали.

– Вот и решили выждать, не все же им здесь ошиваться. Им, вишь, боярство свое обустроить надобно, – уже с оттенком зависти добавил Егор.

– Ну и ладно, – не пытался скрыть облегчения Фаддей. – И нам не больно и надо. Глядишь, и раздумают.

– Да нет, не раздумают они. Деваться родичам Пимена некуда: или Корнеев род под корень вырубить, или самим отсюда подаваться, – разбил надежды Чумы Егор. – Да и Устин рогом уперся – не свернешь теперь. Ты его знаешь. Так что, если не сегодня, так через неделю, а все одно сцепятся.

Фаддей только зло сплюнул. Егор тоже счастьем не лучился, когда заговорил о дальнейшем:

– Когда снова надумают, скажу. Да, тут вот еще что: в ночь, как Устин своих поднимет, наш десяток заступит в караул. Договорились подгадать. Понадобится, и поменяемся с другим десятком. Потому мы с тобой на вышке в ночь...

– Была охота! Там новикам место. Чего нам лезть? – привычно заворчал Фаддей, не зная пока, как относиться к услышанному. – Вон Леонтий пусть и сидит, ему в самый раз.

– Фаддей, слушай, чего говорю, и дурку мне тут не вываливай! – выверился Егор. – Сам не хуже тебя умею пнем прикинуться! Что, так в драку рвешься, что аж порты не держатся?

– Да мне оно вовсе по хрену! Не я к этому дерьму жопой прислонился, – завелся уже по-настоящему Чума.

– Вот и слушай, что говорю, если тебе похрен! На вышке посидишь, я сказал! – это уже был прямой приказ, и Фаддей, насупившись, замолчал. – А Леонтий дома останется. Я позабочусь...

– Ну, как скажешь, десятник. Смотри, тебе разгребать. Мое дело телячье.

А смотрел Егор странно. И вообще вел себя совсем не так, как должен бы по всем Фаддеевым соображениям.

«Это с какого ляда нам с Егором на вышке отсиживаться? Новиков там завсегда сажают, а тут сам десятник гнездится. Мало того, еще и меня за собой тянет на насест. Или мы с ним бойцы негодящие? Да нас двоих и на иных пятерых разменять – мало будет! А так, покуда мы с вышки слезем да добежим... Только и останется, что курей лисовиновских резать. Ну, не дурак же десятник! Чего тогда?»

– Угу. Оно самое, – подтвердил догадку, мелькнувшую у Чумы во взгляде, Егор. – Так что место наше на вышке.

– А остальные наши как? За Пимена их положишь?

– А где я их возьму, остальных-то? – и рожу при этом Егор соорудил такую, что понять, доволен он или зол, оказалось совершенно невозможным: всем своим видом десятник излучал суровость, но если присмотреться... Глаза у него блестели, словно он только что сметаны крынку умял или с молодой ядреной на сеновале вечер провел.

– А... – начал было Чума.

– Вот те и а-а-а... – зарычал вдруг Егор, а Фаддей заметил, что они проходили мимо кучки баб во главе с Веркой. Жена увечного Макара наострила уши в их сторону, хоть и сделала вид, что не замечает двух ратников. – Где они, остальные? Зашел с утра к Сюхе, так баба его мне чуть ухи не сжевала! Дескать, десятник, а за ее благоверным пригляда не имею – который день не просыхает. А когда брага закончится, так он еще неделю в себя не придет. Ни в работу, ни в драку не годен.

– А я тут при чем? – возмутился Чума. – Я же ему не наливал. Вчера заходил, так он уже вовсю с ножкой стола беседы вел.

– Не наливал он... Ты не наливал, я не наливал! А поди его бабе объясни! Да еще этот... Сват хренов...

– Кто? – уже не притворяясь, опешил Чума. – Сюха?

– Какой Сюха! Дормидонт, чтоб его! – поморщился Егор. – Сынку, вишь, приспичило, неумоготу без бабы. Вот он вчера и сорвался – сватать.

– Эт куда? К Медогонам, что ли? Они вроде жениха своей искали.

– Куда там! К зыряновским! Еще б в Киев дунул за невестой. На одну дорогу не меньше двух дней уйдет. Да там еще гостевать...

– Угу... Девку сватать, стало быть... Та-ак... – вдруг впал в задумчивость Фаддей. – Да, невестка – оно дело такое... Полезное. И главное – далеко... – и, глянув на десятника, добавил: – соседушка-то мой, Савка, еще вчера по дрова подался. Да покосы глянуть. Да родню навестить... с племянником. И зятя со сватом прихватил.

Пришло время обалдеть уже Егору.

– Это тех, что у Фомы в десятке?

– Угу. Они.

Егор хрюкнул, но сразу задавил смех.

– Фома узнает – синими яйцами со злости нестись начнет. По делам, стало быть, подался... И где ж он?

– Да кто его знает! В лесу разве сыщешь? Вернется – спросим.

До дома Чумы оставалось всего ничего, когда десятник наконец вышел из внезапно охватившей его задумчивости.

– Надо бы до Андрона сходить и к Петрухе тоже. Предупредить. Ну и вообще... Ты как, со мной? Как раз Варька тебе обед сготовит.

В Ратном Петра, как и его отца, многие считали не то чтобы совсем дурными, но с придурью уж точно. Хотя хозяйство в целом справное, но... Вечно они какими-то придумками маялись, самое простое и привычное норовили сделать по-своему, не так, как у всех, заведенное от дедов и прадедов рушили! Порой какую-нибудь совершенно ненужную ерундовину прилаживали там, где ей совсем не место. И добро бы придумывали от нужды – нет, просто от мало понятного справным хозяевам баловства. Взрослые мужи, а в игрушки игрались.

Вон, ветряную вертушку с трещоткой на крыше поставили. Сколько соседи смеялись, когда Петруха ее там ладил, а нате вам! Кротовин-то на подворье не стало. И вороны его стороной облетали, на крышу не гадили, и цыплят красть перестали. Калитку у ворот так переделали, что она при нужде вверх легко поднималась: летом такое вроде ни к чему, а зимой после метели – красота.

Подобным Севастьян Варенец, отец Петрухи, отличался еще с отрочества и за то своим родителем неоднократно бывал бит. Тот все надеялся, что с возрастом пройдет, но куда там – и женившись, и детей нарожав, не унялся. А уж когда умер отец, и Севастьян сам стал главой семьи и хозяином, он и вовсе размаху добавил. А Петруха, его сын, с детства в отца удался, а потом и его переплюнул. Вот и чудили они теперь вдвоем.

По совести сказать, было над чем односельчанам потешаться: на одну полезную придумку у Петра и его родителя приходился десяток таких, что все село покатывалось, а домашние иной раз слезами умывались. Но тут уж ничего не поделаешь: мужи, как чего в голову придет, пока не совершат – не успокоятся.

Они даже обычного кольца на воротах вешать не стали: хочешь, кулаком долби, а хочешь, неведомую резную зверюгу, приделанную к воротам, дерни за язык – в доме колоколец звякнет. Мальцы со всей улицы прибежали к воротам – побаловаться, а хозяйская псина получала свою долю удовольствия, хватая тех озорников за пятки.

Вот Чума то чудище за язык и дернул, а Егор еще и кулаком в ворота добавил. Выскочила Глашка, жена Петра.

– Здрава будь! Хозяин дома? – поздоровались гости. – Зови мужа, поговорить надо.

– Да как вы с ним говорить собираетесь? – непонятно почему оторопела она. – Он же...

– Не мельтеши, баба! – рассердился Чума, у которого опять испортилось настроение. – Не твоего ума дело, как да о чем. Зови, говорят!

– Да как же? – вконец растерялась та. – Спит он.

– Так и что теперь? Буди, стало быть. По делу мы!

– Вот иди и буди сам! – вдруг непонятно с чего взвилась обычно тихая Глафира. – Извел всех и завалился! Все бабы в доме падают без задних ног от его бочки стиральной! Во дворе грязь – не пройти, а он дрыхнет! А тут ты еще мне приказывать!.. Сам и буди, коли надо, авось добудишься!

Ратники переглянулись.

– Неужто напился? Так водичкой его... из колодца, холодненькой. Поднимется, – посоветовал Егор.

– Да отливали уже и по щекам хлестали. И нос зажимали. Без толку. Настена рассказывает, дня три они продрыхнут да опосля еще седмицу в себя не придут. А хозяйство опять бабам тянуть?

Ратники переглянулись еще раз, надеясь хоть что-то понять, и с интересом уставились на Петкину жену.

– Э-э-э... – поскреб Егор где-то за ухом. – Так он, что, не один?

– А то! И тятенька мой, и батюшка свекор рядышком лежат. Все вместе эту бочку ладили, да потом спытывали! – Глашка, похоже, еле удерживала слезы. – Да еще Троха Удача с ними, – расстроено пожаловалась она. – Обозник. Петя его зачем-то притащил, вот и его угостили...

– Ты сопли по морде не размазывай, говори толком! Медовухи перебрали?

– Какая медовуха... Зелье лекарское вылакали!

– Ы...? – лица обоих гостей вытянулись.

– Измучили всех. Теперь нам одежду чинить, бочку хорошую разбили, и Настене снова кланяться...

– Ни хрена не понял! Какое зелье? Какая бочка? – взорвался Фаддей.

– погоди... – остановил друга Егор. – Что у вас тут случилось? Да не реви ты, растолкуй путем.

– Так я и толкую. Петруша давно уже думал, как способней белье стирать. Еще зимой озаботился. Вроде облегчения нам хотел сделать, – начала объяснять Глашка. – Чтоб не руками в ледяной-то воде. Уж мы с матушкой свекровью надеялись – и вовсе забыл, а он все-таки додумался. Со свекром вчера весь вечер просидели, прикидывали, что да как. И батюшка мой с ними тоже – под бражку... Чуть не подрались промеж собой – так спорили...

Чума хотел поторопить рассказчицу, но Егор остановил его, и женщина продолжила:

– А сегодня с утра и опробовали. Воды в бочку налили, камешков мелких с песком речным накидали и вертеть ее начали. Это вчера они и спорили, как ее вертеть ловчее, вот и решили – по-всякому попробовать.

– И как, получилось? – все же влез Фаддей, но уже с неподдельным любопытством в голосе, а Егор хмыкнул и покрутил головой. Хоть и пришли оба сюда по важному делу, однако и того, и другого история с бочкой заметно заинтересовала. Баба печально вздохнула и продолжила свой рассказ:

– Да уж как получилось-то... Еле-еле развезли! Вначале они ее на колесо тележное привязали, да его вертеть пробовали. И сами, и лошадь по кругу гоняли – и не крутится оно как надо, и выплескивается все, да еще бочка свалиться норовит. И грязища вокруг.

– Так закрыть крышкой бы... Не пробовали? – подал идею Егор.

– Так всяко пробовали! – горестно всплеснула руками Глашка. – Даже и законопатили, да смолой промазали. Но это уже когда стали ее по двору катать. И так, и бегом... Хотели привязать да раскрутить, но это ж из кожи шить надо ремни такие – чтоб цельную бочку с водой удержать. К скорняку идти. Тогда Петруша и догадался – на крышу овина жерди положили, бочку туда затащили и по ним, как с горки, значит... Мол она покатится, и в тын упрется. Она и покатилась... тын теперь чинить, бочка вдребезги, а вся одежда рваная и в навозе извозюканная!

Ратники снова переглянулись.

– Слышь, Глашка, – с сомнением глядя на собеседницу, начал Егор. – А ты уверена, что то снадобье Петруха выпил? Может, сама? Того?

– Я вот тебе сейчас дам – того! – за спиной молодухи появилась женщина, ненамного уступавшая статями вдовой Алене, только старше. – Что, тоже умствовать пришли?

– Да, ладно тебе, Анисья... – пошел на попятную десятник. – Мы к Петру. Десяток наш караульным вскорости назначается, вот и хотели упредить... – он все же не удержался и спросил: – А что за зелье такое, что после него три дня спят?

Хозяйка дома вроде отмякла и только рукой махнула:

– Ой, Егор, не трави душу! Четверо в сеннике валяются. Как бочку раздолбали, так, вишь, это дело дальше пошли обдумывать! Ну, мол, как сделать, чтоб следующая не разбивалась... А дочке моей старшей рожать со дня на день. Вот Настена и дала целый горшок настойки, да я сватам передать не успела, в сенцах поставила...

Видя по недоуменным лицам гостей, что те никак не поймут простое с ее точки зрения дело (одно слово – мужи!), вздохнула и пояснила:

– Зелье это для рожениц. Чтобы баба перед родами успокоилась и расслабилась, да и после родов уснула бы легко. А оно на браге настоящее, да не на простой, а морозом да углем чищенной. Вот они и унюхали, видать.

Гости все еще ничего не понимали, и хозяйка продолжила объяснение:

– Так ведь бабе это зелье по ложке перед родами дают да по три после! А эти все в один присест вылакали – пива мало показалось. И расслабились, туды их... Оно ж и слабит, и мочу сгоняет. Вот они в сеннике и... Спят, в общем.

Фаддей взглянул на Егора, Егор на Фаддея и... едва уползли от Петрухиного дома. Отдыхались ратники нескоро.

– Да-а-а... И сказать ничего не скажешь, попали други! – наконец выдавил из себя Егор сквозь скрутивший его хохот. – Только Петруха такое и мог учудить! Эх у него голова повернута – все чтоб не по-людски...

Глядя на веселящегося Егора, Чума еще раз убедился, что случившееся с незадачливыми хозяевами почему-то очень даже устраивало их десятника, во всяком случае очередной выбывший из строя ратник своей выходкой его не расстроил. Впрочем, самому Фаддею от смеха на душе полегчало; ну, всегда с этим Петром так – то одно, то другое...

– Что да, то да... – согласно кивнул он, – Таким уж уродился. Ведь еще беспортошным чудил...

Но Егор не дал ему углубиться в воспоминания:

– Петьку, значит, тоже можно не считать. И тестя его с отцом, до кучи. Троха Удача, скорее всего, сам к ним прицепился, а ведь Устин его долго уговаривал. Ну, Петька! Интересно, он и правда то зелье попутал? Ну, да чего уж теперь – дело сделано. Давай, к Андрону поворачивай. Он вроде сегодня вернуться должен был. Зайдем, пока и он кого не родил.

Фаддей почти не сомневался, что если шепутной, но в общем-то простой души парень Петруха умудрился выскользнуть из круга мятежников, то уж битый жизнью рубака Андрон точно найдет, как в нужный момент не оказаться в ненужном месте.

Калитку открыла тетка Серафима, мать вдовца Андрона, еще не старая и весьма бойкая баба.

– Так вчера и уехал... – ответила она на вопрос Егора о сыне. – Сел на коня и уехал. Телегу только распряг, как приехал. Не повечерял даже, с пустым брюхом и ускакал, поклонился только. Говорит, вернусь скоро, а сам на коня и поскакал...

– А куда уехал, не говорил? – прервал словесный поток говорливой бабы десятник.

– Как не сказывал? Говорит, десятник зайдет – ты, значит... Зайдет, говорит, – затараторила хозяйка, – скажи, дескать, ему, что Дормидонта встретил, с семейством, со всем: сам, значит, Дормидонт, да баба его, да племян, что брата его, Охрима, сын, старшой который. Женился он, помнишь, на девке, что ему дядья на Княжьем погосте сосватали... Ну, эту, дочку ладейного десятника Павла – он еще приезжал, когда моего тестя хоронили...

Прерывать хозяйку вроде невежливо, но и выслушивать все подробности про всех родственников Дормидонта и их родственников, и не только... Десятник содрогнулся, покрутил головой и все же прервал собеседницу.

– Да знаю я, знаю! Мне бы еще узнать, куда Андрон ускакал.

Фаддей просто шагнул назад; похоже, глаза у него начинали соловеть.

Тетка Серафима недовольно оглядела обоих и, видимо, все же обидевшись, быстро закончила.

– Да сватом он в Зырянову весь отправился, Дормидонт уговорил. Негоже отцу сватом в дом заходить, договор творить, грех родичу откуп за невесту торговать. Вот он Андрона моего и упросил. А когда вернется, не сказывал.

От дома Андрона шли молча. Что на уме у десятника, по лицу не поймешь, но Фаддей не первый день знал Егора и видел, что тот прячет в бороду довольную улыбку. У переулка, ведущего к дому Фаддея, они разошлись.

– Спасибо, друже... – попрощался Егор. – Выходит, правильно ты все нашим сказал: в Ратном из всего десятка только мы с тобой и остались. В самый раз на вышке места хватит.

Фаддей только плечами пожал: мысли у десятника крученные, как хвост поросятчий, пойди, пойми его. И своих дум хватает. Как ни поверни, а что ему, что Егору в эту бучу лезть придется. Вышка вышкой, но если все быстро не решится, рубки не миновать, а для него такой поворот хуже некуда.

Одна радость – хоть младшую дочку от беды укрыли. Конечно, и ей немало перепадет, однако ни изгнание, ни холопство Снежанке теперь не грозят, а это уже легче. Старшую, может, и невестой кто возьмет, в самый цвет девка вошла. Вон, Епишка, сын Постника, с осени под окнами ходит. Не дадут ее в изгнание отправить, наверняка в семью заберут. Хоть и нелегко ей придется бесприданницей, а все лучше, чем в холопках или на чужбине горе мыкать.

А вот Ведене-то каково? Будь он мальцом, мож, кто и принял бы в работники, а так... Ученик воинский – не шутка, мамкиным подолом не прикроешь, за все отцовы грехи и ему платить на равных придется.

«Нет! Себе врать – только время терять. Пустое дело... Влез в дерьмо с макушкой, дурень нескобленный, и детям все испоганил! Чего уж тут – не будет ни у Дуняши, ни у Ведени жизни, коли не придумаю, как из этой выгребной ямы вылезти, не обгадившись! А как тут вылезешь? Если бы слова не давал... Вон, остальные, словно и не слышали ничего, так поди их потом укори! Я же их за собой не потяну в трясицу. Ежели смогли от беды укрыться, их счастье: не все в этой драке полягут, останутся у Ратного защитники...»

А ведь лесовики только пронюхают про то, что мы тут друг друга сами побили, непременно полезут счеты сводить. Слабых всегда бьют. Друзьями-то они только к сильному мостятся, а чуть что – порвут. Так что пусть... И Егор доволен: нет его десятка в Ратном! Только руками разведет. Кто ж знал? А попеняют, что десятник неисправный, десятка вовремя собрать не смог, так и плевать... Да пусть хоть пальцем потыкают, дескать, не годен! Ему перед десятком ответ прежде всего держать, а положи он всех своих ратников – кому он тогда нужен? Кто под его руку пойдет? Да и кто ему пенять станет? Уж точно не сотник, ему как раз в руку, что и десяток цел, и головы на плечах.

Вот только я дураком оказался. Видел же – молчит Егор, так и сам промолчал бы! Дурак, и все тут...»

На душе опять стало скверно. Вроде и над Петрухой поржали вволю, и младшенькую укрыл от беды, пристроил к делу, а все равно тошно. Ну, никак не верилось, что управится Устин с Корнеем. Хороший он ратник, опытный, и за сотню радуется искренне, да дружбу не с теми свел. И Фома десятник вроде ладный, но Корнею не соперник. А теперь и от его десятка сколько народу в Ратном осталось? Даже Удачу Петруха от них сманил! И выходило, что если и поднимется кто, то все одно, что телки против мясника. И Чума с ними.

Пара кружек браги, выпитых залпом после возвращения домой, никаких путных мыслей не прибавили.

Глава 7

Зверюга

Фаддей и не подозревал, что его собственная удача давно уже бродит по Ратному. Тем более ему и в голову не могло прийти, что принесет ее обнаглевшая, избалованная и само-

влюбленная рыжая зараза, которую еще весной притащила из Турова Анька Лисовинова. Ну, может, не совсем рыжая, но зараза точно.

Тогда, после приезда Лисовинов и взятия Куньего, события в селе завертелись так стремительно, новостей и перемен оказалось так много, что на мелочь, вроде привезенной Анной из Турова забавной заморской живности и внимание-то не сразу обратили. Потом уже бабы по селу разнесли весть про кошку, чтоб ее! Мужики, когда услышали, – а кое-кому и увидеть довелось – только плечами пожимали да посмеивались. Тьфу, дрянь! Нашли, что в такую даль переть! И как Корней позволил?

Но те, кому доводилось бывать в Турове и иных местах, поведали, что тварей этих аж из самого Царьграда князьям привозят, и в городах в богатых домах они уже потихоньку заводятся. Безделица, конечно – блажь бабья, а стоят дорого. Вроде бы говорили, что эти самые кошки мышей ловят, а в доме от них чище, да и по курятникам не безобразят, не то что хорьки. Еще бабы болтали, что Корней терпит, потому что это подарок Аньке от жены то ли купца не последнего, то ли боярина знатного, и обижать дарительницу никак нельзя. Варька вообще как-то ляпнула, что от самой княгини подношение, хотя в такое мало кто поверил.

Все трудности и опасности, случившиеся с Лисовинами в пути, кошку, названную прежними хозяевами Рыской за рыжеватую масть, никак не коснулись. Выпущенная из корзины, в которой ее везли, эта диковинная зверушка первым делом вальяжной походкой обошла горницу Анны, затем обследовала всю женскую половину, а потом, не обращая внимания на хозяйские призывы, уверенно направилась во двор.

Дальнейшие события развивались по древнему, как мир, сценарию. Собачье племя, до того ни разу не видевшее ни одного представителя кошачьей породы, кроме разве что лесных рысей, однако сразу признавшее врага, без промедления подняло суматошный лай. Рыська, усевшись на заборе и с полным безразличием даже не покосившись на беснующихся внизу собак, принялась разглядывать улицу и соседские дворы, всем своим видом показывая, что она тут утвердилась всерьез и надолго.

С тех пор жителей Ратного регулярно радовал неизменный собачий концерт, исполняемый самыми голосистыми из ратнинских псов в честь новой обитательницы села, отправляющейся на свою ежевечернюю прогулку. И хотя он каждый раз решительно пресекался хозяевами с помощью пинков и поленьев, любви заморской зверушке среди ратнинцев это не добавило. Да и сама Рыська, которая вначале ограничивалась тихим мурлыканьем или почти неслышным урчанием, вскоре внесла разнообразие в звуки, обычно наполняющие село по ночам.

Одиночество еще никому не приносило радости, а во всей округе кошка оказалась одна-одинешенька. Пары ей просто не было – когда еще Никифор кота раздобудет! Вот и повадилась она убежать в лунные и не очень ночи на крышу и громко поверять всей округе свои девичьи мечты о прекрасном, когтистом, усатом и хвостатом женихе. Неизвестно, на сколько хватило бы терпения у ратнинцев, а главное, у самого Корнея, но однажды посреди ночи в ответ на Рыский призыв тишину над селом разорвал новый, ранее не слыханный дикий вопль, возвестивший наступление новой эры в жизни мышей, хорьков и собак. И от метко брошенного Корнеем сапога с крыши в темноту метнулись уже не одна, а две хвостатые тени.

Каким образом случилось чудо и откуда мог взяться в лесной глуши кот, ответить не смог бы никто, но откуда-то он взялся. Рыська таки нашла себе пару! Анна, в надежде на получение в скором времени дорогостоящего потомства, упростила свекра не трогать Рыську и ее «жениха» хотя бы до тех пор, пока не станет ясно, что кошка удачно понесла.

Зато остальные ратнинцы этой радости отнюдь не разделили. Во-первых, никто не испытывал восторга от мысли, что вопящих по ночам тварей прибавится, а во-вторых, безобидная заморская диковина в глазах жителей села из разряда просто никчемной, но в общем-то обычной животины, мгновенно и необратимо превратилась в существо таинственное и даже мисти-

ческое. Если раньше при виде нее многие просто плевались, то теперь стали креститься. Кое-кто даже поговаривал, что надо бы это дьявольское отродье изловить и сжечь. Ну, или хотя бы святой водой как следует окропить.

Этим бы, вероятно, дело и закончилось, если бы не заступничество отца Михаила, прекрасно знакомого, как выяснилось, с кошачьим племенем и питавшего к нему расположение еще со времен своей жизни в Византии. В очередное воскресенье священник даже прочитал короткую проповедь, посвященную защите Рыськи и ее соплеменников, укорив ратнинцев за их суеверный страх перед безобидной тварью Божией и призвав паству к милосердию. А вдова Алена с тех пор стала ежедневно демонстративно выставлять рядом с порогом храма плошку с молоком специально для Рыськи, заимевшей с некоторых пор обыкновение наведываться на церковный двор, как будто нарочно опровергая все нелепые и возмутительные слухи о ее принадлежности к бесовскому племени.

Но всех подозрений с кошачьего племени это не сняло: слухи и пересуды прочно связывали заморскую животину со всем непонятным и таинственным, что время от времени происходило в округе. Загадочное исчезновение из закрытых погребов молока, сала, масла и сметаны, и раньше случавшееся, но относимое за счет мышей, хорьков и собак, кое-кто стал теперь приписывать исключительно кошкам.

К тому же за все время пребывания в Ратном Рыськиного «жениха» никто так и не смог толком разглядеть. Наглость и неуловимость пришельца, а главное, безразличное высокомерие ко всем жителям села, от хорьков до людей включительно, рождало у некоторых не раздражение, а злость и азартное желание отловить наконец эту редкую, как в прямом, так и в переносном смысле, скотину.

А уж бабы, судача у колодца, чего только не придумывали о Зверюге, как с легкой руки все того же Корнея прозвали кота в селе. И то, что его наслала на село обиженная за что-то Ниней, и нечисть лесная им обернулась, чтобы их, честных христиан, баламутить. Даже погибшего куньевского волхва вспомнили. Самые же отчаянные намекали на Юльку и Настену.

А уж какое раздолье было тут для языков сельских сплетниц, особенно Варьки и Верки! Каких только историй не наслушался от жены Фаддей, хоть и привыкший к бурному воображению своей благоверной, и знавший прекрасно, что все, ею сказанное, надо делить если не на десять, то по крайней мере на пять, но все-таки невольно заразившийся от нее подозрениями насчет заморской твари. Ну, поп, может, и прав, и ничего бесовского в том Зверюге и нет, тут Чума судить не брался, а вот то, что в закрытом погребе сметана убывает иной раз чуть ли не из-под носа... Не-ет, тут святой водой не поможешь, тут надо за дрын браться!

* * *

Варька еще с утра заподозрила неладное: уж очень необычно вел себя сегодня Фаддей. Она и упомнить не могла ничего подобного, но лезть с расспросами не решалась. Тем более, все так удачно вышло: вместо того, чтобы за бабью дурь послать жену подальше, ее благоверный с первых слов неожиданно поддержал предложение определить Снежанку в учебу к лекарке. А ведь, чего греха таить, она и сама сомневалась, не пустая ли блажь пришла ей в голову? Небывалое ведь дело! А он будто только того и ждал. И Настена раньше не брала никогда учениц, и между собой у них всякое случалось, а тут чуть не сама выпросила Снежанку в учение. Варвара радовалась за дочь, так радовалась, что и сумрачная физиономия мужа ее не особо огорчала. Ну, подумаешь, скажет чего! А что за брагой потянулся, так по такому делу и не жалко! Брага, правда, крепкая, без хорошей закуски муж назавтра не работник. Надо было поставить на стол побольше мясного и приготовить рассолу.

С этими мыслями и отправилась она к погребу – окорок принести да капусты квашеной из бочки набрать. А что? Ничего не скажешь, заслужил Фаддей ласку и уважение, пусть теперь хмельным в свое удовольствие побалуется и поест от души!

До сумерек было еще далеко, но солнце уже пригасило яркий дневной свет, когда Варька, привычно бормоча что-то себе под нос, открыла дверь в погреб и остолбенела: на нее в упор, казалось, прямо из стены, нахально уставилась пара огромных янтарно-желтых глаз. Глаза неторопливо мигнули, и тут же воздух разорвал протяжный бабий вопль, слышный, наверное, по всему Ратному. Еще через мгновение в стену, из которой таращился этот морок, полетела подвернувшаяся под руку крынка. Глаза мявкнули дурным голосом и исчезли, а Варька, продолжая голосить, попыталась развернуться и вырваться на свободу, но при этом совершенно упустила из виду, что дверь погреба заканчивается гораздо ниже ее лба, и с разгону крепко приложила о притолоку.

В следующее мгновение в Варвариных глазах рассыпалась радуга, и мало что соображающая баба со всего размаху рухнула на задницу, но и тут промахнулась: крутая лестница начиналась сразу от порога, и Варька, потеряв равновесие, покатила по земляным ступеням вниз, громя по пути горшки и крынки, аккуратно стоявшие вдоль стены. Как уж ей при этом удалось не покалечиться – неизвестно, не иначе Бог сжалился и помог. Только синяков себе насажала, словно ее вместо снопа молотили, но в первый момент в горячке Варвара и боли особо не почувствовала. Поднялась на четвереньки и к своему ужасу обнаружила прямо перед собой еще одну пару бесовских огоньков, но уже зеленых и не таких больших, как прежние. И, только вновь завизжав во всю мочь, поняла, что глаза эти принадлежат не неведомой нечисти, а как раз той самой нахальной рыжей животине, что обитает у Лисовинов. Испуганный визг моментально сменился разъяренным рычанием.

– Ах ты, тварь шелудивая! Тля заморская! Я тебя... – И в кошку полетела чудом уцелевшая крынка. Правда, из-за свалившихся на нее переживаний Варька промахнулась, и меткого удара не получилось: наглую рыжую тварь не припечатало посудиною, но тем не менее задело. Кошка оскорбленно вякнула и опрорхотав вылетела из погреба. Воодушевленная свершившимся возмездием Варвара довольно хрюкнула ей вслед, но в следующее мгновение взвыла сильнее прежнего: кто-то страшный и огромный вцепился ей сзади в седалище железными крючьями, благо положение ее этому благоприятствовало. Страхнуть с себя мучителя, изо всех сил виляя задом, так что последние не порушенные доски с грохотом посыпались вниз, не удавалось, дотянуться рукой до него в столь неудобной позе она не могла, а просто рухнуть на зад и припечатать вражину, к счастью для него, в панике не сообразила и из последних сил рванула на четвереньках вверх по ступенькам. Когда злодей отпустил ее из своих когтей и куда делся, она не заметила, а вывалившийся из дома на отчаянный крик жены и уже успевший основательно приложиться к браге Чума никого и ничего не увидел.

Однако разодранный зад супружницы с глубокими кровавыми следами от когтей неведомого зверя не оставлял сомнений в том, что нападение не плод ее воображения, а имело место в действительности. Невнятные Варькины объяснения сводились к проклятиям на головы как всех Лисовинов в целом, так и персонально Аньке, а также ее туровской родне и прочим знакомым, «подсунувшим эту нечисть хвостатую, чтоб ее саму поперек и вкось разодрало и не склеило!». После чего подвывая скорее от злости и обиды, чем от боли Варька, с зубным скрежетом натянула на пострадавшую задницу вынесенную испуганной Дуняшей целую и чистую юбку и, неуклюже переваливаясь с боку на бок, отправилась к Настениному подворью, продолжая по дороге обильно сыпать ругательствами.

Чума проводил мутным взглядом жену (брага уже сделала свое дело) и, хотя мало что понял, но в голову ударило давно копившееся и требующее выхода бешенство. Несколько дней неприятности наваливались одна за другой, и не было никакой возможности выплеснуть

злость, а тут на тебе: кто-то напал на его жену в его же доме! Кто-то? Варька вроде что-то несла про эту лисовиновскую тварь – кошку или как там ее.

И тут у ворот мелькнул рыжий хвост этой самой бестии, а в следующий момент разъяренный Фаддей, как был дома в одной рубашке, так и понесся по улице в погоне за Рыской, снося по дороге все, что попадалось на пути и было по силам.

А на пути у него, помимо всего прочего, стоял дом вдовы Алены. Хозяйка, с легкой руки отца Михаила, безоговорочно признавшая кошку как животное богоугодную, ее привечала, тем более и ей самой заморская зверушка сразу пришлась по душе. Вот к Алене-то и кинулась Рыска за спасением.

Дальнейшие события происходили с неизбежностью судьбы и быстротой, с трудом поддающейся описанию.

Рыска, скользнув под калитку, с ходу прыгнула на руки к Алене, в этот момент величественно следовавшей по двору от погреба с крынкой кваса в руках. Угощение предназначалось Сучку, старшине артели плотников, недавно прибывшей в Ратное. Лысый закуп, к всеобщему удивлению, сумел покорить сердце ратнинской богатырши и теперь ежевечерне после работы для закрепления успеха заявлялся к ней, усердно помогая вдовице во всем, что требовало мужских рук. Сейчас он как раз волок на двор тяжеленную бадью с помоями. Алена, конечно, и сама бы справилась со столь обыденным делом, но, как истинная женщина, не стала мешать мужчине проявлять заботу о себе, любимой, и только умилялась на хозяйственного ухажера.

Этой-то почти семейной благодати и помешали Чума с Рыской. Впрочем, вид кошки Алену не раздосадовал и не заставил насторожиться, но одновременно с ее появлением калитка с треском слетела с петель и во двор ворвался всклокоченный пьяный Фаддей с выпученными от избытка чувств глазами.

– А-а, тварь блудливая! – взревел он, узрев ненавистную животину, с удобством устроившуюся на могучей груди вдовицы. – Шалава! – и решительно ринулся к Алене.

Может, он и схватил бы свою обидчицу, если бы та согласилась его дождаться. Но Рыска легко перескочила на плечо хозяйки подворья, окаменевшей от наглого вторжения и ничем не заслуженных оскорблений, а оттуда на землю и метнулась прочь. А Фаддей с разгона и всей дури вцепился обеими руками, как ему в запале показалось, в загривок кошки.

Алене и одного бесцеремонного вторжения Чумы хватило бы с избытком, но такое! Фаддей мало того, что спяну снес ей калитку и без позволения вломился на ее подворье, так вместо извинений вдруг ее же и обложил ни за что ни про что, да вцепился своими клешнями ей в грудь, как в свое собственное, будто так и надо! Еще и рванул, словно оторвать собирался и Варьке своей отнести! Возмущение и резкая боль мигом привели ее в чувство и вернули дар речи.

– Ах ты, пьянь! Чего лапаешь?! Паскуда чумовая! – рявкнула Алена, выходя из оцепенения. Одним движением она стряхнула со своей груди лапы Фаддея и с силой грохнула крынку с квасом о его лоб. Чума, сосредоточенный до этого исключительно на ловле хвостатой ворожки, с некоторым удивлением обнаружил, наконец, наличие и более серьезного противника. Благодаря немалому опыту и воинской закалке, удар не свалил ратника, и он все-таки устоял на месте, но стекавший по лицу и бороде за пазуху густой квас вызвал новый прилив ярости.

– Ошалела?! Дура! За что?! – взревел он в искреннем недоумении, но в следующее мгновение уже катился по двору от оплеухи, которую мастерски отвесила ему разъярившаяся от подобной наглости хозяйка.

– Ерхунамумест³ гребаный! – удовлетворенно изрекла Алена, видя, как кувыркнулся нахал.

---

³ Именно так расслышала Алена то, что сокрушенно бормотал по-латыни отец Михаил: «*Errare humanum est*» – «Человеку

Продолжительное общение с отцом Михаилом сильно расширило ее словарный запас. Правда, ругался священник редко, а слова, которые иной раз произносил, и выговорить-то не всегда получалось, но вот это самое «Ерхунамумест» она хорошо запомнила, потому что именно так он ворчал себе под нос, когда девка-холопка, убиравшаяся в храме, налила по рассеянности в светильники елей вместо лампадного масла. С тех пор Алена частенько пользовалась понравившимся ей словом, чтобы заткнуть у колодца необразованных ратнинских баб, не прибегая к грубой силе. Вот и сейчас для Чумы его не пожалела.

Не считая, однако, беседу с гостем на этом оконченной, она шагнула вперед, собираясь продолжить, но тут ее опередил Сучок, находившийся до того в некотором обалдении – слишком уж неожиданно, быстро и необычно разворачивались события. Сначала какой-то пьяный в лоскуты хрен сносит новую калитку, с которой он, Сучок, накануне провозился чуть не весь вечер, затем прямо у него на глазах за здорово живешь материт и лапает его бабу, да еще и предназначенный ему, Сучку, квас переведен на этого придурка! Нет, это уже ни в какие ворота не лезло!

Отчаянный старшина плотников, преисполненный законным негодованием, сорвался с места, не выпуская из рук шайку с рыбьей требухой, которую он (вот удача!) так и не успел выплеснуть в помойную яму. Еще через мгновение едва поднявшийся на ноги Чума, не удовлетворившийся квасом от хозяйки, получил на закуску и угощение из слегка протухших на жаре помоев, а заодно и саму посудину из-под них на голову. Алена не стала мелочиться: гулять, так гулять – и приложила кулаком по дну перевернутой бадейки, довершая дело и покрепче насаживая ее на плечи славного ратника. Фаддей с туго прижатыми к телу локтями – бадейка оказалась ему только-только по размеру и сковала обручем – что-то глухо замычал изнутри, но обладающий тонким слухом Сучок различил некоторые слова и они ему не понравились.

– Это кто говнюк лысый?! – взвыл он, с силой хряпнув по бадейке подвернувшимся под руку поленом, так как неразлучный топор непредусмотрительно остался в доме вместе со снятым поясом. – Это кто плешак приبلудный?!

Голова Чумы выдержала и это, а вот старая и уже выдавшая виды бадейка не пережила удара разъяренного плотника и с треском развалилась, выпуская из своих объятий несчастного Фаддея, но в то же время и лишая его защиты от сучкового гнева. Хорошо, что Чума, не устояв на ногах, рухнул на четвереньки, и следующее попадание пришлось уже по спине, да и сила удара оказалась не столь сокрушительной, так как метил Сучок значительно выше. Но тут Алена решила, что достаточно позволила своему мужчине проявить силу и доблесть в защите ее чести, и пора уже и ей самой поучаствовать в забаве.

– Пшел вон, паскудник! – она рванула за шиворот почти выведенного из строя Чуму, собираясь поднять и выволочь его за ворота, но в гневе немного не рассчитала силы, да и рубаха на Фаддее была надета старая и ветхая, носившаяся исключительно дома: рачительная Варвара все жалела пустить целую еще вещь на тряпки и лоскуты – и ткань, не выдержав, с треском разорвалась до самого подола, лишая Алену законного развлечения.

Всему, даже очумелости пьяного Чумы, есть предел, так что Фаддей прямо с четверенок рванул к выходу, по дороге теряя то, что еще осталось на нем от рубахи. Впрочем, это было временное отступление: останавливаться Фаддей не собирался – его несло. Неважно, что он чуть не полетел через забор, наплевать, что стоит посередине улицы нагой и облитый помоями! Он желал драться! Правда, с кем именно, уже понимал плохо. Пошатываясь, Чума все-таки утвердился на ногах, развернулся и заорал:

– Ну, твари! Всех ур-р-рою! Сотник, мать его!.. Анька, сука блажная!..

К месту битвы, несмотря на поздний час, а возможно, и благодаря ему – вечерние дела по хозяйству можно было отложить и немного развлечься – собралось довольно много народу,

среди которых нашлись и сочувствующие Чуме. Двое из них, подойдя к буяну, попытались его урезонить, но как-то странно:

– Фаддей, успокойся. Ну хватит, тебе что, мало? Баба тебя отметелила, так ты совсем опозориться хочешь? – увещевал Охрим.

– Вот-вот... – вторил ему Федот. – Ты потерпи, уроешь. Потом. Ты потерпи.

– Да я их всех! Сейчас... – вконец потерял над собой контроль Чума. Оглянувшись по сторонам в поисках оружия, заметил меч на поясе у Охрима и, не задумываясь, рванул к себе рукоять. Тот словно ждал этого: вместо того чтобы возмутиться, только отступил, дернул за рукав своего приятеля, и они оба почти сразу скользнули в толпу.

Видя такое дело, Алена взялась за увесистую жердь, в руке Сучка, успевшего оглядеться по сторонам, возник топор – не его, плотницкий, а колун, которым Алена колола дрова, но все же...

Неизвестно, чем бы закончилась эта схватка (Чума, хоть и пьяный, и частично выведенный из строя предшествующими событиями, с мечом вполне мог наделать бед), если бы в этот момент откуда-то сбоку не раздался совершенно спокойный голос:

– Слышь, Чума, ты, конечно, жуть как страшен, только скажи мне, чем ты Сучка порешить хочешь? Мечом или тем дрыном, что у тебя между ног болтается?

Шагах в десяти от Чумы стоял Алексей и с откровенным интересом рассматривал его.

– И когда это ты Анну Павловну оценить успел?

Чума резко повернулся к новому противнику.

– А-а-а! Приблудный! Ну, я и тебя сейчас. И всех...

– Приблудный, говоришь? Кхе... – сквозь расступившуюся толпу хромал Корней в сопровождении Андрея Немого. – Так ведь он мне родич, Фаддеюшка. Сына моего погибшего побратим. Ты ведь не знал этого, правда? – голос Корнея становился все ласковей, а глаза темнели. – По дурости своей не знал. Но на дурня обижаться грешно, так что за это прощаю тебя, недоумка. А вот Анну ты зря помянул: она мне как дочь родная, а ты про нее непотребно...

Дорого бы дал Корней, чтобы иметь возможность отыграть назад и не оказаться случайно возле дома Алены аккурат в тот момент, когда пьяному Чуме попала вожжа под хвост – уж больно не ко времени случай! Но ничего не поделаешь – слова Фаддея при всех сказаны, да и Алексей влез в свару. Не мог после этого сотник сделать вид, что ничего не слышал, развернуться и молча уйти, никак не мог. На это и делали ставку Охрим с Федотом, когда подзуживали пьяного Чуму.

– И ты тут? С тебя и начнем! Охрим! – оглянулся Чума, но ни Охрима, ни его приятеля поблизости не заметил. – А хрен с вами... Я и сам!

Почти неслышно развернулся кнут Андрея Немого, но его опередил Алексей.

– Разреши мне, Корней Агеич. Не по чину тебе самому вшей давить.

Корней усмехнулся, но кивнул, соглашаясь.

– А-а-а! – крутанул мечом Чума.

Неожиданно его руку перехватил и вывернул из ладони меч возникший будто из-под земли Егор, встав между Алексеем и Чумой.

– Да пьян он, Корней Агеич! Сам не понимает, чего несет. Ты ж Фаддея знаешь: если что сказал неладное, завтра сам виниться придет. И боец из него сейчас никакой, сам видишь, – спокойно заговорил Егор. – А родича своего уйми. Ратник он, может, и знатный, да у нас не хуже найдутся. А если ему так крови хочется, так у Фаддея десятник есть. Сам за него отвечу. Невелика доблесть пьяного на блин раскатать... А в бою мы гостя твоего не видели.

Корней зло сощурился, Немой сдвинулся в сторону, но из толпы вышли несколько ратников – все с серебряными кольцами – и встали, разделив противников. Двое из них напоказ положили руки на рукояти мечей.

– Не дело, творишь, сотник! – вступил Аким, тоже оказавшийся среди подошедших. – Сродич твой не по делу раздор сеет. Только появился, а уж свару затевает! Не дело.

– Он побратим моего сына. Не одну битву с ним прошел... – оскалился Корней, но сам уже кивком головы остановил Немого: в драку сейчас сотник лезть не хотел и против того, чтобы разойтись миром, но не теряя лица, ничего не имел.

– Не за Ратное они бились! – качнул головой Аким. – А Фаддей за сотню не раз кровь пролил. И мы пришлому, хоть и твоему родичу, над ним изгаляться не позволим. Будет охота, так потом по совести разберемся. Придет в себя Фаддей, его спросим. Не повинится, пусть бьются, как знают, но честно. Хотя, – вдруг усмехнулся ратник, – я б еще подумал. Фаддей никому в Ратном в вечном бое не уступит, сам знаешь. Так что это кого еще хоронить придется.

– Леха! – прикрикнул Корней на все еще готового к бою Алексея. – Пошли! И верно, не дело с пьяным... Егор! Твой ратник, уводи его.

А Фаддей уже почти спал. И слышал разговор, и не слышал. Выпитая без закуски корчага браги сделала свое дело.

Очнулся Чума только ночью. Голова гудела так, что, казалось, стоявший на полке медный таз, гордость Варвары и зависть всего женского населения Ратного, гудел в ответ, только чудом не падая на пол. Болела грудь, болел живот... Чума затруднился бы сказать, что у него не болело.

Лба коснулось что-то холодное, принося некоторое облегчение. Открывать глаза не хотелось, веки тоже болели и давили на глаза, как пробойники Лавра.

«Мать честная... Где это я так нализался? Женили, что ль, кого? – удивился Фаддей, припоминая ощущения, которые ему довелось испытать лет десять назад, после свадьбы родича. – Не-е, не похоже... Тогда чего же?»

Что-то его беспокоило. Мысли едва ворочались, а нужно было вспомнить что-то важное. Он попробовал наморщить лоб – в ответ голова ударила набатом. И тут всплыло: из темноты на него таранилась зелеными глазами рыже-белая усатая и лохматая морда.

Глаза открылись сами. Чума дернулся всем телом, простонал от боли и с трудом повернул голову набок. Привидится же такое, прости Господи!

Он лежал дома, на своей постели. На столе горела свеча, и свет ее принес в его душу спокойствие. Фаддей облегченно вздохнул: все в порядке. Рядом сидела Варвара с рушником в руках. Где-то брехала собака, а соловьи и цикады силились перепеть друг друга. Хорошо...

Заметив, что он открыл глаза, жена засуетилась.

– Фаддеюшка! Ну, слава тебе, Господи! Очнулся! На-ка, выпей сбитню. С медом. Настена готовила, лечебный. Тебе враз полегчает.

Чума с жадностью выхлебал кружку сладковато-горького сбитня. И впрямь стало легче. Странное похмелье, в первый раз такое. Да и Варвара больно ласковая. Она после попойки, конечно, всегда рассолу поставит и похмелиться даст, но вот так...

– Как же они так? Из-за твари этой чуть не убили совсем. Ничего, Господь все видит, выйдет ему боком! Привез черт хромой пакость – а ты и тронуть ее не мог. Из-за них все, из-за Лисовинов! – причитала Варвара, собирая на стол. – Ну, ничего, сейчас поешь, и совсем полегчает. Настена говорит, опасного ничего нет, быстро пройдет.

В голове Чумы скрипнуло, будто несмазанная телега с места стронулась, рухнули какие-то преграды, отозвавшись болью, на мгновение опять мелькнула бело-рыжая морда и разом навалилось все: он вспомнил.

Отчаяние, злость, обида, перенесенное унижение – все разом вспухло и вырвалось из забвения, снося по дороге и спокойствие, и благодущие, и чувство домашнего уюта. И все разумные мысли.

Чума, как лежал на кровати, так и залепил нагнувшейся к нему Варьке по уху. Сильно ударить лежа было трудно, но той хватило, чтобы потерять равновесие и с размаху сесть на

пол. Варька ойкнула от неожиданности и боли в подранном Зверюгой задю и после короткого молчания растерянно поинтересовалась:

– За что?!

– Дура хренова! – рыкнул Чума, поднимаясь с постели.

– Я? Дура? – растерянно, но с закипающей обидой спросила Варька и вдруг сорвалась на крик. – Да, я дура! Таскала тебя на себе по дому, как лошадь ломовая! От помоев отмывала, к Настене пять раз бегала! Из-за тебя, скотины! А ты мне в ухо? Да пошел ты! – И, приложив мужа по лбу кулаком, отчего тот снова шлепнулся на лавку, схватила платок и выскочила из дома. Следом за ней шмыгнула испуганная Дуняша.

Чума выбрался из постели и смачно выругался. Навалившееся тяжелое похмелье не давало взять себя в руки. Жгла обида – на свою дурь, на судьбу, на Варьку. На Лисовинов, на десятника. На все и всех!

В душе снова разгорался огонь, и его требовалось срочно залить. Чума отправился в сени, где стояли братина с пивом и корчага с остатками браги. Здесь же хранился и большой глиняный кувшин необычной формы, который Чума привез когда-то из похода. В нем ждало своего часа заморское вино, крепкое и сладкое, запечатанное воском. Вообще-то их два таких было, но один распечатали, когда возвращение отмечали, а второй Фаддей берег на особый случай. Похоже этот случай наступил: такого позора, что претерпел он на подворье Алены, Фаддей раньше и представить не мог. Даже будущий бунт и все его последствия померкли перед таким непотребством!

Закуски почти не нашлось, но Чуму это уже не слишком беспокоило. После сладкого и непривычного поила захотелось чего-то знакомого, и Фаддей, особо не раздумывая, залил в себя пару кружек браги. Прежний набат в голове стал смолкать, а вот хмельное бульканье усиливалось. Чума крикнул и, подумав, залил все изрядным количеством пива. Вроде немного отпустило. Фаддей пожевал хлеба, налил еще заморского вина...

Мда-а... Не вовремя, совсем не вовремя его потянуло в нужник. Идти не хотелось, но нутро не теша, с ним не поспоришь. Чума вздохнул и поплелся к порогу. Возвращаясь в дом, он основательно приложился о косяк двери, ругнулся, но все же сообразил, что пинать его не за что да и чревато, поэтому просто продолжил начатое.

В глубине души Фаддей понимал, что нарушает целую кучу непререкаемых заповедей поглощения хмельных напитков, веками выработанных сильной половиной человечества.

Во-первых, не пить в одиночку.

Во-вторых, не мешать напитки.

В-третьих, если мешать, то в сторону повышения крепости.

В-четвертых... А ну его к черту! Где тут заморское? И пиво?

Не часто такое с Фаддеем случалось, но всякий раз ничего хорошего не предвещало. И домашние ему под руку в таких случаях старались не соваться. Варвара, покрутившись во дворе и понаблюдав тайком за мужем, поняла, что и впрямь дело плохо. Но хоть и терзали ее нехорошие предчувствия, однако ж знала прекрасно – у мужа сейчас ничего не выяснишь.

Неспроста накануне он так сорвался, не кончится это добром! А пока она порадовалась, что Веденя и Снежанка ночуют у Настены. Она с Дуняшей ночь в сеннике на задах подворья пересидит, ночами тепло уже. И холопов Варвара предупредила, чтоб не высывались – от греха, пока хозяин душу отводит. Вот переживут они его мрачный загул, а уж потом она ему все выскажет! И чего было, и чего не было распишет – мало не покажется! А заодно и визнает наконец, с чего это он?

* * *

Во время частых походов Чумы во двор и обратно за ним, помимо Варвары, внимательно следила еще одна пара глаз. Чем уж подворье Чумы привлекло Зверюгу именно в эту ночь – неизвестно. То ли решил так отплатить хозяевам за устроенный Варварой в погребе погром, помешавший им с Рыськой отведать сметаны, и за последующую погоню Чумы за его подругой, то ли свое дело сделал одуряющий запах слегка подвяленных и подкопченных крупных осетров, которых накануне подвесил под застрехой Фаддей, но кот, про которого все благополучно забыли, вышел на ночную охоту.

Тем временем ноги Чумы между собой совсем рассорились и выбирали дорогу каждая самостоятельно, а добираться до цели становилось все сложнее. Для облегчения задачи Чума сократил путь, пристраиваясь там, где его прорывало, едва успевая поднимать подол рубахи, благо портов он не надевал – так и сидел в одной рубахе. В последний раз егохватило только на то чтобы вывалиться из сеней.

Зверюга решил, что его час настал, и скользнул в оставшиеся приоткрытыми двери, почти следом за не замечавшим ничего Фаддеем. Скольких трудов стоило коту сорвать каждую рыбину с деревянного крючка и сбросить вниз, а потом дотянуть к порогу, словами не скажешь, да и не умел Зверюга говорить. Видимо, он все-таки мстил: для чего еще ему мог понадобиться десяток крупных рыб, удайся эта затея, представить сложно. Он просто остервенело рвал и таскал осетров к выходу.

И как раз в тот момент, когда утомленный, но довольный собой кот, гордо взгромоздясь на свои трофеи, решил, наконец, отдохнуть от трудов, в сени снова вывалился едва стоящий на ногах Чума. Застигнутый врасплох Зверюга сделал единственно возможное: замер темным пятном на черном фоне, надеясь остаться незамеченным.

Впрочем, Чума не слишком обращал внимание на окружающее: он и так с трудом сосредоточил последние остатки сознания, чтобы не сбиться с намеченного пути. Подчиняясь очередному приказу естества, он попытался выбраться во двор, однако едва не сверзился с единственной низенькой ступеньки, ведущей в сени. Тем не менее, устоял и по инерции сделал несколько шагов вперед, остановившись рядом со Зверюгой и пытаясь решить, в какую из трех качавшихся перед ним в темной мути дверей нужно выходить. В конце концов Фаддей решил не играть в эту угадку, чувствуя к тому же, что ноги вот-вот откажут, и дернул подол вверх.

Струя остро пахнущей жидкости полилась коту на голову. От неожиданности он оскорбленно мявкнул и прыгнул в сторону. Нет, он не то чтобы не знал, что это такое. Знал. И сам именно так метил свои владения, но то, с какой наглостью это проделали с ним самим! Неслышанно!!!

Пока Зверюга приходил в себя от оскорбления и отряхивался, почувствовавший облегчение Чума довольно замычал что-то себе под нос.

Вот тут зверское терпение и лопнуло! Испортить трофеи, пометить его самого да еще и возвестить об этом на весь мир победной песней?!!!

Это уже слишком! Такое спустить кот не смог. Душа не позволила.

Ночь разорвал боевой мяв, завершившийся коротким воем, и в следующее мгновение Зверюга бросился в атаку.

В детстве Фаддей слышал немало страшных сказок про леших, кикимор, банников и прочую нечисть: дети по вечерам чего только не рассказывали друг другу, стараясь напугать остальных посильнее, а потом даже до нужника ходили гурьбой, уверенные, что в темных сенях сидит, дожидаясь их, эта самая нечисть.

Но это в детстве. Ратника, знающего, что такое настоящая опасность, подобными рассказами не запугаешь. Чума только посмеивался над своей Варварой, когда та, насочиняв всяких страстей, иной раз пугалась любого шороха в темноте, но сейчас... Вой нечистого, раздавшийся почти у него под ногами, заставил содрогнуться всем телом, сердце чуть не выпрыгнуло изо рта, а сам Чума едва не обгадился.

Он хотел отпрыгнуть назад, споткнулся и грохнулся навзничь. При падении подол рубахи задрался почти до подбородка, из темноты, отделившись от стены, на него метнулась ночная тень, и в низ живота впились железные крючья.

Зверюга отчаянно рванул когтями первое, что ему попало. Нельзя сказать, что он испытал при этом большое удовольствие, но выбирать не приходилось: месть есть месть.

Поверженный противник что-то хрюкнул, взвизгнул... И тут перепугался уже сам Зверюга: такого рева он не слышал, даже когда года три назад по неопытности расцарапал морду медведю и потом едва спасся бегством.

Поняв, что сейчас произойдет непоправимое, Чума почти протрезвел и заорал. Да что там заорал – завизжал, завопил, заревел и заблажил одновременно! Ему казалось, что весь пах у него разодран в кровавые клочья, и то, что напавшая на него ужасная тварь давно исчезла, сообразил не сразу. Сил хватило только, чтобы выскочить во двор, окутанный предрассветными сумерками, и снова заорать.

Еще рывок на улицу и... темнота.

Часть третья

Ратное и окрестности. Лето 1125 года

Тех, кто идет за нами, не кори.
Они поймут ошибки, только позже.
Им кажется, что первые они
Мир познают и пробуют на ошупь.
Барахтаются в лужах, как щенки —
В тех, что и нам казались океаном,
И видеть не желают маяки,
Что мы им зажигаем постоянно.
Мы им и непонятны, и странны.
Им кажется, что юность бесконечна.
И нет им дел до нашей седины,
И опыт наш не учит и не лечит.
Они слепы – им руку протяни,
Пусть ошибаются – ошибки опыт множат.
И дай им Бог – когда-нибудь они
Увидят тех, кто дальше путь проложит.

И. Град

Глава 1

Воинские ученики. Первый бой

Утром выяснилось, что поляна, куда занесло ночью отроков, находилась на самом берегу реки, отгородившись от нее зарослями ивняка. Теперь стало понятно, куда всю ночь тянулись кони и почему они предпочли другой конец поляны: воду чуяли. Чуть дальше вдоль берега виднелась еще одна такая же поляна, дальше еще и еще. Одинец поначалу удивился: словно нарочно кто их тут понаделал, но быстро сообразил, что и правда – нарочно. Это же они на чьи-то заброшенные огороды забрели, сейчас запущенные, но когда-то руками людей вырванные у леса куски земли.

Чуть погода мальчишки уже плескались в реке. Вместе с купанием отступила вялость и вернулся аппетит, есть захотелось всерьез. Можно было наловить рыбы – недалеко виднелась песчаная коса, но Одинец выгнал отроков на охоту. По краю поляны, на которой они устроили свой стан, сбегал небольшой овражек. Вот вдоль него к берегу и погнали загонщики все, что таилось в небольшой лесной полоске. Четверо самых ловких спрятались на берегу, вооруженные длинными дубинками. Везение и тут оказалось на их стороне: сразу же попался пяток длинноухих, а пока Талиня с Сойкой разводили огонь, обдирали и потрошили заячьи тушки, остальные провели еще одну облаву по другую сторону овражка и добавили к общему столу еще пару зайцев.

Жарить мясо на костре – не кашу варить; Сойку быстро оттеснили в сторону, дескать, походный харч – не бабье дело. Да она и не возражала – умаялась за ночь так, что и сейчас ходила, как побитая.

Помывавшись какое-то время без дела, девчонка скрылась в кустарнике, разделявшем две поляны. То ли шуточки в ее с Талиней адрес, которые время от времени беззлобно отпускал кто-нибудь из мальчишек, надоели, то ли нужда приспела. Талиня проводил подругу глазами.

– Поди, помоги... – толкнул парня в бок языкастый Бронька. – Не справится без тебя.

Отмахнувшись от очередной подначки, Талиня внезапно встрепенулся: из кустов донесся и тут же оборвался короткий пронзительный крик Сойки.

– Да куда ты? – попытался остановить кинувшегося на крик Талиню Карась. – Мыша небось испугалась... – но и сам насторожился. Если бы девчонка просто испугалась, визжала бы без перерыва. Значит, стряслось что-то неладное.

Встревоженный Талиня вломился в заросли и тут же вывалился обратно, падая навзничь. В раздавшихся ветвях мелькнула плечистая фигура – чужак!

– Бей их! – Карась снова почувствовал себя заводилой и с улюлюканьем помчался на врага. Впереди драка, а не он ли всегда первым лез во все свалки в Ратном? Остальные, похватав у кого что было, кинулись следом.

– Стойте! Мать вашу, стойте! – Одицца бросило в жар от нехорошего предчувствия. – Нельзя так! – но его никто не слушал.

Опередивший всех Касьян Карась первым вылетел на неожиданно обнаруженных врагов. О чем он думал, когда кинулся в бой? Да скорее всего ни о чем; просто рвался очертя голову в драку и совершенно забыл, что бездумная отвага – ненадежный союзник, а настоящая битва – не ребячьи забавы. На опушке соседней поляны его встретили отнюдь не соседские отроки и даже не хуторяне, а чужак в воинской справе с мечом и двое парней в возрасте новиков, вооруженные топорами. Карась с разгону попытался ударить взрослого мечника своей дубиной, но тот легко шагнул в сторону и крутанул мечом. Даже не вскрикнув, Касьян упал с перерубленной шеей.

Справа и слева трещали кусты, через которые ломились остальные отроки. Они отстали от своего приятеля всего на несколько шагов и вывалились на поляну почти толпой. И замерли, потрясенные открывшейся им картиной: только тут до них, наконец, дошло, что шутики кончились. Мальчишки ждали всего – преследования боровиков, встречи с медведем, даже подвоха наставников, но вот к тому, что случилось, оказались не готовы: почти обезглавленное тело Касьяна в луже крови, прямо у них под ногами. Чужак с мечом в руке, по виду если не ратник, то тать, вместе с одним из парней неспешно отступали к видневшимся на противоположной опушке оседланным лошадям, за которыми присматривали еще трое мальчишек помладше. Второй «новик» уже заткнул за пояс топор и почти бегом нес туда же на плече бесчувственную Сойку.

– Ну, что стоим? Кого ждем? – Ефим Одинец и сам не понимал, что он говорит и почему. В ушах стоял командный рык десятника Луки, и он сейчас, не думая, просто повторял слова наставника, непроизвольно копируя все, вплоть до интонаций и жестов. – Пошли! Живей костями двигай! С боков обходи! До коней их не пускай!

Отроки словно проснулись. Знакомая команда прочистила мозги и указала необходимый порядок действий. Дала цель.

Парень, несший Сойку, остановился, услышав голос Одинца за спиной; оглянувшись, бросил бесчувственную девчонку на землю и метнулся назад. Старший, не оборачиваясь, раздраженно рявкнул что-то: судя по всему, тот нарушил его приказ. Да, ратнинской выучки лесовикам явно не доставало, но мальчишкам и той, что имелась, хватило с избытком. Один взрослый ратник и два неопытных, но уже умевших хоть что-то новика против толпы едва начавших

учиться сопляков – все равно что матерый волк с сыновьями-одногодками против стаи лопухих щенков.

– Бронька, жопа рыжая! – продолжал орать Одинец. – Бери Климку, Славку и Лаптя, шугай сопляков с конями. Хоть сожри их, а чтоб не мешались!

Бронька живо рванулся выполнять приказ с приданной ему командой и разминулсЯ с вернувшимся новиком шагах в сорока от места основной схватки. Тот обернулся на коней, бестолково дернулся было назад, но так и задержался на месте. Рыжий мальчишка и не оглянулся на него; он бежал и надеялся только на удачу, понимая, что сейчас они вчетвером окажутся беспомощными, догадайся чужие отроки вскочить в седла.

Он мельком глянул на круг солнца. Бронька и сам не знал, почему, но искренне верил в когда-то сказанное ему еще более рыжим, чем он, главой рода, что солнышко им родня, потому своих любит, помогает и приносит удачу. Может, и правда, солнце любило этого шептунного и не в меру болтливую мальчишку, а может, такие же сопливые коноводы растерялись или переоценили свои силы, но, бросив поводья, они схватились за ножи.

Бронька при виде этого чуть не заорал от радости. Обычно ревнивая и капризная удача только что расцеловала его в обе щеки, ибо отрокам, махавшим деревянными мечами целый месяц, вчетвером расправиться с тремя одногодками, вооруженными только ножами, легче, чем раз плюнуть.

Раскroив голову одному из чужаков прихваченной в лесу палкой, сбив с ног и связав двух других, мальчишки попытались поймать коней, но безуспешно – те шарахались от чужаков. Подманивать их сейчас – время дорогое, и ребята ринулись на помощь остальным.

Тем временем бестолковый «новик», который бросил на полпути Сойку и, вопреки приказу старшего, пытался вернуться, так и не смог помочь своим младшим – наткнулся на Ершика с Тяпой и Степкой. Справиться с тремя мальчишками взрослому парню не должно было составить труда, но у него и это не вышло.

Сидор Тяпа, очень крупный для своих лет парень, всегда чуть сонный, немного ленивый и не обременяющий голову лишними, на его взгляд, мыслями, давно и крепко подружился с маленьким, юрким и беспокойным Епифаном Ершиком, готовым выпустить иглы по любому поводу, по примеру своего речного тезки. Ершик вечно придумывал что-нибудь интересное, на голову себе и Тяпе. И понимали приятели друг друга почти без слов.

Утром Ершик растолкал Тяпу и, преодолев его лень, заставил выломать в кустах две длинные палки. В ответ на недовольное ворчание друга он только ткнул пальцем в сторону Ефима Одинца, который уже пробовал в сторонке самодельное копье. И пока Тяпа, недовольно ворча, чистил древки и делал на них расщепы для ножей, Ершик отыскивал остатки кожаного ремня, которым треножили коней.

Через час оба вертели в руках по копью, хотя и разного размера. Если у Ершика древко едва превышало его самого на две головы, то себе Тяпа смастерил длиннее и толще. Конечно, как боевое оружие эти самodelки стоили немного, но против рыси или другого хищника даже с таким можно выходить увереннее, чем с ножом или дубиной – других врагов мальчишки тогда и не ждали. Вот на эту-то пару, да на присоединившегося к ним Степку, вооруженного дубиной, и налетел торопившийся на помощь коноводам незадачливый «новик».

Основную тяжесть боя принял на себя Тяпа – и куда только девались его медлительность и неуклюжесть! Отрок прыгал, как весенний кузнечик, и тыкал во врага своим нелепым с виду копьем, не попадал и на удивление быстро отдергивал его назад, не давая ни перехватить, ни перерубить. Ершик с напарником старались зайти сзади, но чужак все время то отходил, то перемещался вбок, не подставляя спину под удар. И все же Ершик со Степкой срывали все его попытки самому атаковать Тяпу.

Долго так продолжаться не могло. Пот лил со всех, солнце перевалило за полдень, и жара давала себя знать.

В конце концов противники вынуждены были остановиться и отдышаться. Чужак рассматривал ратнинских отроков, оценивая их возможности. И то ли уж такой у него неудачный день выдался, то ли вообще он был не слишком сообразителен, да и опыта должного не имел, но и тут он совершил очередную ошибку. Стоявшего справа некрупного мальчишку с дубиной он не сильно опасался. Самого мелкого из троих, вооруженного саodelковым и коротким копьем, стоило держать под приглядом – шустер больно. А вот третий, ростом почти с него самого, а в плечах даже пошире, не особо умело орудовавший длинным копьем, показался самым опасным. Его-то он и решил убить в первую очередь.

И рассчитал он все вроде бы правильно: мальчишка с дубинкой не успеет ничего сделать, а двое более опасных – прямо перед ним. Если напасть быстро, то одного-то точно достанет. Но главной целью своей атаки он выбрал Тяпу.

Тот, понимая, что на равных противостоять взрослому парню не сможет, попытался отскочить, но нога угодила в кротовину. Отрок потерял равновесие, шагнул пару раз назад и с размаху сел на землю, выронив копье и в следующее мгновение кувырнулся в сторону, уходя от удара. Почему и зачем он это сделал, он бы и сам не объяснил. Выполнил то, чему учили чуть не месяц; даже задница заныла, словно почувствовав сапог наставника, помогавший в учебе. Ершик отскочил в другую сторону.

Чужак не ожидал такого подарка, но оценил его сразу. Как только мальчишка с копьем упал, он рванулся к нему, вскидывая топор для удара, но кувырок Сидора спас тому жизнь. Новик быстро повернулся, вновь заноса топор, теперь уже наверняка. И тут резкий толчок и укол вбок, почти в спину, под самые ребра напомнил ему о втором, мелком, которого он совершенно упустил из виду, погнавшись за легкой, как ему показалось, жертвой.

Ершик бил наверняка, вложив в удар весь свой небольшой вес. Затем выдернул копье и, дождавшись, когда противник начнет поворачиваться к нему, ударил во второй раз. В живот, под ремень.

В грудь бить он не решился – кожаный доспех, надетый на рубаху, хлипкое копье могло и не пробить. Топор скользнул вниз и, чуть зацепив руку Ершика, воткнулся в землю.

Тишина... Только перед глазами почему-то торчит топориче, и бледное лицо Тяпы рядом беззвучно шевелит губами. И шум крови в голове. Почти гром.

Вдруг тишина взорвалась, рассыпалась на голоса, топот, стон раненых и прочие звуки: Бронька трясет за плечо и говорит что-то неразборчивое. Без выражения, медленно и ровно, но непрерывно матерится Тяпа.

Епифан Ершик потряс головой. Звуки сразу прибавились. А вот что все-таки происходит, он осознал не сразу.

Знакомый ратник рубится с чужаками. Матерится и отдает приказы отрокам, отвлекаящим врага с боков. Да это же дядька Игнат! Откуда он тут взялся-то?!

Ефим Одинец стоит в порванной и окровавленной на груди рубахе и матерится в точности, как наставник, не забывая отдавать команды другой группе отроков, нападающей на второго чужака, отмахивающегося от них топором. Там вертится и Бронька со своими.

И вдруг непонятный морок, на короткое время сковавший отрока, разом отступил, мир сорвался и понесся неизвестно куда, как свихнувшаяся кобыла. Что-то надо делать! Неясно что, но надо непременно! Ершика словно подкинуло. Он вскочил, пнул в плечо сидящего рядом Тяпу и, уперев ногу в бедро поверженного врага, выдернул копье. Еще раз пихнул Тяпу.

– Вставай... Вставай, ежова жопа! – в Епифана словно черт вселился. – Порось скопленный! Вставай!

– Чо? Я?! – скисший было Сидор снова начал заводиться: зная друга, Ершик выбирал самые обидные слова.

– Не я же! Наших убивают, а ты развалился, как хряк у корыта! Со страху еще не обгадился?

– Я?! – У Тяпы округлились глаза, к лицу прилила кровь. Он подхватил копье и с криком понесся на подмогу приятелям.

Чужак заметил опасность вовремя, но понял, что отбивать Тяпино копье сейчас рискованно, и попытался просто уклониться, но на него напирала остальные отроки с дубинами, и парню пришлось прыгать в другую сторону. Однако время он потерял, и жердь с наконечником из ножа саданула его вскользь по ребрам, до мяса вспоров бок вместе с одеждой. Попытка отмахнуться топором тоже успехом не увенчалась: до Тяпы, успевшего грохнуться на землю, оказалось слишком далеко. Чужак шагнул вперед и снова занес топор.

Ершик, спасая друга, метнул копье шагов с десяти и, будь на его месте сам Тяпа, противнику настал бы конец, но Епифан попал только в ногу врага, чуть выше колена. Тот, уже раненный, споткнулся, его удар потерял свою силу, топор просто выскользнул из руки, и подоспевшие мальчишки ударами дубин вышибли из парня сознание, а затем и жизнь.

А Игнат тем временем продолжал играть с чужим мечником. Убить его десятник мог уже раз десять, но очень уж хотелось взять живым и годным для допроса. Надо узнать, откуда здесь взялись эти тати и что делали? И зачем напали на ратнинских отроков? Если мальцы сумеют справиться с остальными без его помощи, то можно позволить себе и поиграть.

Краем глаза он заметил, что сопляки все-таки добрались и до второго парня с топором. Молодцы, слов нет! Теперь его черед.

Отбив. Выпад. Не достал! А и не надо. Не все сразу. Полступни отступить. Ага, повелся! А куда он денется?! Не первый раз.

Еще отбив, сильнее. Выпад, быстрее. И еще полшага назад. Повелся, точно повелся, дурень! Теперь снова отбив. Ждет выпада. Ага, шас, жди! Удар по клинку почти у рукояти – совсем вниз сбить – и быстро по плечу. Со всей дури, плашмя! Ну вот, рука не поднимается – отсушил. Еще раз, для верности. Теперь выбить меч. Все вроде.

Левой рукой чужак потянул из-за пояса длинный нож.

«Этого только не хватало! Не-е-е, порежет сопляков, сволочь, а мне потом бабы без ножа все оторвут! И так еще за Карася виниться придется. Лучше уж я твоей башкой рискну, – Игнат ударил от всей души. – Лови по уху! Ну, и чтобы совсем не оглох – по лбу приложу».

– Эй, сопляки! Вяжите его! Не покалечьте только, пригодится.

Повторять не пришлось. Связали, как учили. Приволокли раненого. Все? Неужели все?

* * *

Бой закончился. Только что был враг, шла битва и вдруг – тишина. Сражаться больше не с кем. Не на кого нападать и не от кого защищаться, не за кем гнаться и некого убивать. Но глаза по-прежнему ищут опасность, обшаривая поляну, а разум, не соглашаясь с реальностью, пытается командовать, и сердце гонит по жилам кровь, от которой стоит гул в ушах и по вискам стучат молотки. Тело, только что отдававшее все силы, которые голова требовала от него, не считаясь с его возможностями, вдруг замерло. Только что глотка рычала и кричала, а теперь способна издавать только хрип и сухой дерущий кашель.

В голове еще скачка боя, а вокруг уже спокойствие. Трудно понять сразу, что бой закончился. Закончился! И они в нем выжили. И победили!

Кого-то из мальчишек уже начинало трясти, кого-то брала обморочная истома. Сидора Тяпу вдруг, совершенно неожиданно для него самого, вывернуло прямо под ноги. Ведь не было ничего в брюхе, со вчерашнего вечера не было, а вывернуло.

Не от вида крови или содеянного: раскаяния или жалости к врагу у Тяпы в душе не нашлось. Вывернуло от не нашедшего выхода возбуждения и... страха. Настоящего страха,

который бросает в схватку вместе с боевой злостью и ненавистью к противнику. Страха, который является всего лишь оборотной стороной отваги. И который только и остается после боя, когда злость уходит вместе со смертью врага и потраченными силами. Это он скручивает человека в жгут, крючит и корежит, если некуда его излить вместе с оставшейся ненавистью. Это он сжимает желудок в комок и дергает его до боли, стискивает мочевой пузырь и заставляет бегом искать место, где можно оправиться.

Нет человека, не боящегося смерти, нет никого, у кого бы в душе не жил страх. Только воин заставляет его воевать со своими врагами, оставаясь с ним наедине после битвы, а иные подчиняются ему и тянут этот страх на себе, как неподъемный воз, отнимающий и силы, и жизнь. Это в красивых рыцарских романах герой в сверкающих доспехах идет на битву, как на пир, легко и красиво побеждает врагов, а потом, не сменив подштанников, отправляется на бал в свою честь и развлекает там прекрасных дам рассказами о своей доблести и трусости врагов.

Победа не падает в руки, как случайный дар милостивых богов, она не трепетная юная дева в непорочно-белых одеждах. Это скорее крепкая баба, которая, надавав поначалу оплеух, придавит своими телесами так, что ни вздохнуть, ни охнуть, и редко когда после этого доставит удовольствие.

* * *

Вот все и закончилось... Хочется лечь прямо на траву и уснуть. Вот сейчас Лапоть добинтует рану на груди и можно...

Глаза Одинца распахнулись сами собой. Да ни хрена еще не закончилось! Какое тут спать?! А кони где? Их же надо поймать! Уйдут, не сыщешь потом, а это их доля, та самая, за которой пошли, ради которой Карась голову сложил! И мальчишек этих чужих сюда тащить надо! А еще... Дел-то сколько, мать честная!

«Врага себе на жопу сыскать любой дурень сумеет. Не с этого ратник начинается, а с того, чтобы суметь в бою выжить. Истинная же доблесть – не победить, а не превратить поражение в погибель для всех. Ну а если победа выпадет, так ее надо еще исхитриться за юбку ухватить, чтоб не ускакала хрен знает куда, а одарила, да приласкала. В воинском деле это тоже умение не из последних. И умение это, что жернов на шее...»

Так вот о чем дядька Лука говорил! Но как же трудно себя заставить заниматься делом, заново трудить и тело, и голову...

– Лапоть! – неожиданно для самого себя заорал Ефим. – Бронька где?

– Вон, у куста валяется!

– Бронька, титька воробыная! – Одинец, вскакивая на ноги, охнул от боли, но продолжил: – Чего разлегся? Пленных я сюда тащить буду, или пусть там валяются? Не хрен землю жопой гладить! Бери своих и бегом!

Рыжая голова поднялась из высокой травы, широко раскрыла глаза, даже попыталась что-то сказать в ответ, но повторный рык мигом подкинул мальчишку на ноги. Еще через мгновение четверка отроков уже рысила к другому концу поляны.

– Остальные, кто дядьке Игнату не нужен, коней наших берите и мигом сюда чужих лошадей привести! Ну, что встали? Бегом, мать вашу!

Вроде обо всем позаботился. Сейчас только дядьке Игнату надо доложить. Ох! Даже подходить страшно.

Но выбора не было – наставник сам уже махал ему рукой:

– Давай сюда!

Тяпа с Изосимом Дубцом, вторым по силе среди отроков, подчиняясь приказаниям Игната, привязывали чужого ратника к дереву. Ефим мимоходом удивился: странно – сидячим

привязали, но наставнику виднее. Подлетел и с ходу, даже не отдышавшись, принялся докладывать, стараясь не сбиваться:

– Дядька Игнат! Взято в полон двое коноводов. Один ранен, один с топором – новик, кажется. Еще...

– Заткнись! – перебил, не дослушав, Игнат. – Ты как сам? На ногах держишься?

– Ерунда, дядька Игнат! Могу...

– Тогда так, – снова перебил наставник, – бери вон Дубца с Тяпой и тащите ко мне молодого. Того, что ранен. Да положите так, чтобы своих не мог видеть. Сопляков сюда же. Да, девку вашу, как в себя придет, к раненым приставь. Давай быстро!

Уже убегая, Одинец заметил Ершика, чиркающего кресалом возле ног привязанного у дерева пленника. Никак огонь разводит? Зачем? – но думать еще и про это времени не хватало.

Из кустов двое отроков вытащили Талиню с багровым рубцом во весь лоб. Жив, но в себя еще не пришел. Его, как и других раненых, уложили в тенек, под кусты, поближе к реке.

– Степка, Коряжка! Что Талиню не забыли – хвалю! Теперь наш припас сюда перетащите! Потом станом займетесь: воды вскипятите да поесть спроворьте. Бегом! – мальчишки поспешно кивнули и кинулись выполнять распоряжение. Как-то само собой получалось, что и после боя Одинец командовал остальными, и никому в голову не приходило с ним спорить.

– Значит, так, – начал объяснять Игнат. – Дознанием я сам займусь. Тьфу ты, зараза! – поморщился он. – Сейчас бы сюда кого из Егорова десятка – они умеют. Только где ж их здесь взять, самим придется. Как с молодым закончу, не зевай: ежели еще жив будет, водой отливаете. Ясно? И не блевать мне! Хоть посиней, а терпи. Понял? Был бы кто еще под рукой, не стал бы тебя дергать... Гонца куда-нибудь послали?

– Ага, Хвоста. К боровикам. Они тут по реке недалеко.

– О! Вот за это хвалю! Ладно, слушай, времени у нас всего чуть, старшой их вот-вот очнется. Значит, запомни: как с молодым закончу или кончится он, позовешь Тяпу с Дубцом, чтобы в кусты утащили. И потом далеко их не отпускай. Младших подрежу – сразу их за ноги и тоже в кусты волоките. Рот заткнуть не забудьте.

– Зачем? – Одинец чуть язык себе не откусил с досады: прям как сопляк какой, а не ученик воинский. И поспешно поправился. – Сделаем!

– И бадейку какую припаси, чтоб вода рядом стояла. Поставь кого, чтоб бегал. Ершик, – повернулся наставник, – все сделал?

– Сделал, дядька Игнат! – отозвался от почти бездымного горящего костерка Ершик.

Тем временем посланные отроки пригнали двоих пленных коноводов и, не давая им упасть, привязали к нетолстым березкам.

– Бронька! Останешься здесь. Смотри, не опозорь родича! – распорядился Игнат и заторопился. – Тать в себя приходит. Все, вышло время. Одинец, со мной!

Полонянин и впрямь приходил в сознание. Синяк на лбу и разбитое мечом ухо налились одним цветом. Он дернулся, видимо, еще не сообразив толком, где находится и что с ним, но тут же его глаза раскрылись и приобрели вполне осмысленное выражение.

Игнат поворошил костерок, горевший между раскинутых ног чужака, и почти добродушно спросил:

– Из мальцов который твой?

Отследив короткий взгляд, согласно закивал головой:

– Славный мальчонка, неплохой, поди, охотник мог бы выйти. Скажешь, что надобно, и отпущу отрока. Нашей крови на нем нет.

– Пошел ты... – чужак говорил с трудом, но сдаваться не собирался.

– Как скажешь, – охотно согласился Игнат, – только смотри, я тебе честную мену предлагаю: жизнь твоего сына на то, что нужно нам. А если с кем другим договоримся, уж не обессудь.

Десятник подбросил несколько сухих веток в костер и, словно потеряв интерес к пленному, спокойно направился к раненому новику. А чужака стало уже припекать: шевелить он ногами мог, но сдвинуть их и раскидать костер не позволяли два вбитых в землю кола. Кожаные штаны и сапоги нагревались быстро.

Игнат между тем подошел к скорчившемуся в стороне молодому парню, положенному, как он и велел отрокам, спиной к остальным пленникам, и, наклонившись, вспорол его штаны. Осмотрел рану, затем повернул на бок и осмотрел вторую.

Не то что бы с сочувствием, но с пониманием спросил:

– Ты как? Жить хочешь?

– Пить дайте...

– Да эт запросто. Если собрался копыта откинуть, дадим, – усмехнулся Игнат и, отвечая на непонимающий взгляд, пояснил: – Пить тебе сейчас нельзя. Напьешься и окочуришься. Да и так помрешь, коли к нашей лекарке не довезем. Она-то, пожалуй, вытянет. Но это если ты нам окажешься полезным. Ну так как? Жить хочешь?

Жить парень хотел. Да и кому сладко умирать в молодости? Вроде и понимал он, что с такими ранами, как у него, не живут, но о ратнинской лекарке ходило много разных слухов, и ему так хотелось поверить в ее могущество! Вон, говорят, целое село в поветрие отстояла. Может, и впрямь, если успеют довезти, вылечит? Как-никак жрица Макоши – ей многие тайны ведомы, даже христиане ее не трогают.

И он кивнул головой.

– Ну и хорошо, – лицо у Игната стало добрым, как у попа, крестьящего смазливую девку. – Вот сейчас скажешь, что надобно, и отправим тебя по реке до самого Ратного. А там Настена тебя враз на ноги поставит. Как? Согласен?

– Не могу. Корень молчать наказывал.

– Эт старшой ваш? Так нет его больше. А то чтоб я тебя спрашивал?

– Словом Перуна...

– Э-э, так ты что, в Перуновой дружине? – на лице Игната прорезалось недоверие. – Не молод ли?

– Нет еще. Он меня обещал... Посвятить...

– Ну, как знаешь. Жизнь тебе дарить за здорово живешь не могу – свои не поймут. Будешь говорить? Или в кусты тебя отволочь?

Мысли у раненого в голове путались, и надежда заставила забыть все: и приказ старшего, и то, что слова Игната даже отдаленно на правду не походили – на чем по реке его отправят, а главное – куда? По этой реке до Ратного не дойдешь.

– Скажу. Что знаю, скажу.

– Ну вот и ладушки. Вы кто? Откуда? И чего здесь ищете?

– Трое нас... Было... Корень с племяшом, я да сын его, малец еще... Да еще двое сирот. Куньевские мы. Сбежали, когда Корзень резать всех пришел. С тех пор и перебиваемся.

– Эт что? Вы все, стало быть, из Куньева? Так? – Игнату и впрямь стало интересно. – И как же спаслись?

– Так мы на капище были, требы клали. Ну, когда Корзень на дороге Славомира положил. До села дойти не успели. А мальцов потом в лесу подобрали... – раненый вдруг дернулся и то ли потерял сознание, то ли помер.

Игнат ждать не стал, только кивнул Одинцу. Тот поспешно плеснул водой из походного бурдюка раненому в лицо. Тот очнулся, облизал губы, но говорить уже, видимо, не мог.

Десятник вздохнул и направился к Корню.

Тот, уже хорошо припекаемый костерком, изо всех сил елозил ногами, пытаясь то ли перекинуть их через колья, то ли просто как-то охладить.

– Ну и как? Не жарко? Что молчишь, Корень? – Игнат со знанием дела и не спеша отбирал веточки для затухающего костра. – Яйца, гляжу, еще не запеклись? Ну-ну, молчи. Новик твой, что знал, уже выложил. Сейчас за щенка возьмемся.

Пленник снова рванулся.

– Да не шебуршись ты так, пока за другого. А хором не запоете, так и твоего здесь рядом посадим. Ну, молчи, молчи... – Игнат обернулся к Тяпе и Ершику. – Рот ему заткните чем-нибудь, чтобы говорить не мог.

Подбросив еще веток в костерок, Игнат двинулся к мальчишкам, по дороге вытягивая из ножен небольшой, но богато украшенный нож. Когда-то похожий всегда носил при себе Гребень, а потом и его выученики переняли у него эту привычку. Что пожиже способнее ложкой есть, а мясо с хлебом кромать боевым кинжалом или засапожником несподручно. Ну, и к другому делу бывает порой годен больше, чем его более крупные родичи. А уж украшать рукоять резьбой позже начали.

Так, поигрывая сверкающим лезвием, Игнат подошел к связанным мальчишкам, остановился шагах в трех и, расставив ноги, качнулся разок с пяток на носки, разглядывая полонян. Но между делом отметил про себя, что ученики его все прямо на лету схватывают: Одинец сам сообразил переместить мальцов в сторону от того места, где их Бронька вначале привязал, да так, что и им своего старшего только сзади сбоку видно, и тот их только самым краем глаза цеплять может. Ну, и перевязали их Епишка с Сидоркой по-другому, понадежнее.

– Чего батька твой так упирается? – добродушно, почти по-родственному обратился Игнат к одному из мальчишек. – Нам ведь всего-то узнать надо, чего вы на нас кинулись? Остальное и не интересно. – Помолчал и продолжил: – Ну, он, понятно, норов показывает. Я б на его месте тоже покочевряжился. Да и по голове его не слабо приложили, не отошел еще. А ты-то чего? Отец из-за такой малости увечным может остаться: мы бы и рады с ним по-доброму обойтись, да нельзя, он ратник, свою судьбу сам выбрал. За то ему и при жизни честь, и после слава. Но ты даже и не новик еще, слова воинского не давал. Боги на тебя не прогневаются, если отца спасешь. Сам подумай: ну, не будем мы знать, какая оса вас в жопу куснула, подумаешь. Переживем. А стоит оно того, чтобы батьку на муки оставлять? Ну, чего молчишь?

Лицо отрока, поначалу не отражавшее ничего, кроме упрямства, дрогнуло.

– А как вы дальше жить станете, подумал? – добавил ему сомнений Игнат. – Вон, глянь – Ершик опять веток в костерок подкладывает. Еще немного и можешь и дальше молчать – разницы уже не будет. Ну? Чего вам приспичило наших отроков резать?

Пламя между ног старшего с треском взвилось, и тот помимо воли замычал сквозь кляп. Этого оказалось достаточно, чтобы мучения отца и сомнения, заброшенные в голову мальчишки Игнатом, развязали язык.

– Да не хотели мы никого резать! Не хотели! – заорал он. – Огонь уберите! Обещали же! Скажу!

Игнат обернулся и махнул рукой Ершику. Тот быстро откидал и притушил горящие ветки.

– Видишь, мы слово держим. Пока говоришь правду, и мы по-человечески, – продолжил наставник. – Резать, стало быть, не хотели? Но ведь порезали – вон лежит. Не старше тебя малец и тоже жить хотел. За невестой своей кинулся, а вы его по горлу железом. Не по-людски это.

Отрок помолчал, переводя дыхание, и снова заговорил:

– Это Горюня, братан мой. Он все твердил, что бабу в дом надо. Его девку тогда со всеми увели...

– Это который тут лежит?

– Не, это Плаха. Его батя с собой взял, когда ваши Кунье вырезали, а до того он у волхва в услужении жил.

– Да? – оживился Игнат. – Тяпа, ну-ка глянь, жив он там?

Но раненый уже почти не подавал признаков жизни. Не помер еще, но и не жилец.

Игнат зло сплюнул. Вот не повезло, так не повезло. А ведь человек, крутившийся в услужении у волхва не один год, много тайн мог хранить. Эх, знать бы заранее...

– Вы что, в самом деле из-за девки в такую свару полезли? – недоверчиво поинтересовался он. – Не врешь?

– Так мы ж поначалу решили, что мелюзгу огороды чистить пригнали. Кто ж знал?..

– Значит, из-за девки вся каша... Вот уж, действительно, попу нашему поверишь – сосуд греха. М-да... Ну, а где добро ваше? Не под елкой же ночуете?

Мальчишка насупился.

– Ну, ты уж, друг, не крути... – Игнат подпустил в голос раздражения, – начал, так говори все. Добро-то вам сейчас без пользы, все одно потеряно. Молчать будешь, мы опять костерок разведем. А заговоришь – целым останешься. И сам, и батька твой. А живым да здоровым и в холопах веселее, чем в земле мертвым и покалеченным. Ну?!

Отрок поморщился, поерзал, глянул в сторону отца и все же заговорил:

– Версты полторы по реке – весь брошенная. Захоронка там общая... Была... Ну, если беда придет... Вот, пригодилась... Воды дайте, – вдруг совсем смиренно попросил мальчишка; видно, сказал все, что считал важным.

Игнат кивнул, и Одинец поднес ко рту пленного плошку с водой, но тот, не приняв, спросил:

– А Челышу? И отцу тоже?

Десятник уважительно качнул головой:

– Молодец, своих не забываешь. Но мы ведь договорились, кто говорит, тот и жить будет. А твой Челыш, как рыба, молчит. Хоть бы поддакнул, что ли.

– Так не может он говорить. С рождения.

– М-да... Еще на одного говорливого меньше. Ладно. – Десятник обернулся к Одинцу. – Одинец! Напой обоих. Только теперь, парень, на тебе и твоего Челыша жизнь. Так что думай.

Пока мальцы пили, Игнат и так и этак вертел в голове услышанное. Вроде все срасталось, и малец не врал и... Непонятно только, чего старшой их так упирался? Из-за нескольких коней да рухляди? Оно, конечно, норов – дело такое. А может, тут еще что крылось? И десятник опять посетовал, что рядом не было Арсения с Дормидонтом.

– Значит, говоришь, так вшестером с самой весны и живете? И все время здесь?

– Не-е... Плаха все больше шатался где-то. Но вертался всегда. Он вообще пришлый, не наш.

По тому, как чуть шевельнулся при этих словах их старшой, Игнат понял, что угодил в цель. Только в какую? Хрен знает. Главное, не останавливаться.

– А куда этот ваш Плаха ходил? Он не сказывал?

– Нет, не говорил.

– А сам как думаешь? Не по девкам же. А?

– Не знаю я! Не говорил он... – в голосе мальчика чувствовалась неуверенность: то ли действительно не знал, что еще сказать, то ли скрывал что-то.

– Ну, не знаешь, так не знаешь. Верю. Считай, и ты, и батька твой, и Челыш теперь жить будете. От холопства не отвертитесь, но все лучше, чем в могиле. – Игнат всем видом показывал, что, слава богу, эта канитель закончилось и можно расслабиться. – Только вот что скажи: казну епископскую он на старом капище спрятал? Или еще где?

– Да не казна это была! – взвился пацан и тут же осекся, поняв, что брякнул лишнее.

– Не казна? А что? – этого Игнат никак не ждал. Куньевцы зимой туровских дружинников знатно потрепали; наверняка взяли не только воинское железо, но зимой серебра ратнинские

в Куньевом не ахти как много нашли. Про казну-то десятник просто так ляпнул – откуда она там могла быть? – а пацан поймался. А ну-ка, ну-ка...

– Так что там, говоришь, было? – ратник снова взялся за нож, покручивая его в руке. – Ну, что замолчал?

Мальчишка словно подавился. Уперся глазами в землю и молчал. Можно было попробовать сломать его железом или огнем, но отец-то явно поболее него знал.

– Молчать, стало быть, решил? – снова обратился десятник к пленнику. – Ну, как знаешь. А я пока у батьки твоего поспрошаю. Глядишь, он разговорчивей станет, – и двинулся к старшему.

Ершик побледнел еще больше, но все же подхватил охапку сухих еловых веток и выразительно глянул на командира, а мальчишка заблажил:

– Ты обещал! Ты слово дал! Говорил, огня не будет!

– Заткните рот паршивцу! – рыкнул на своих помощников Игнат. – И сопли подберите. Не закончили еще. Одинец, мать твою! Забыл, что говорено? Шевелись! – С вопросом нужно было спешить: долго отроки не выдержат. Им и так досталось за это утро.

Подойдя к старшему из пленников, все так же сидевшему привязанным к дереву, Игнат освободил его рот от куска войлока, забитого туда Тяпой.

– Ну, что голубь белый, говорить будем? Или и дальше думаешь немым притворяться? – Игнат понемногу раздражался. – Я тебе, милоч, вот как скажу... Я, как видишь ратник, человек воинский. Спрос вести – дело для меня непривычное. С железом острым в поле поиграть – это одно, а вот спрос... Для того у нас другие люди есть, и они в живодерстве толк знают. У Бурея и колода дубовая поет. Слыхал небось про него? – Пленный вздрогнул, а Игнат ухмыльнулся. – Вижу, слыхал. Только от него целым да непокалеченным пока никому уйти не доводилось. Вот и думай. Ты, гляжу, решил молчать до последнего, а стало быть, Бурея дожидается. Ну и хрен с тобой, я с твоих сопляков начну – все одно им смерть.

Игнат быстро вернулся к привязанным мальчишкам и, ухватив за шею безгласного, спросил еще раз:

– Ну, заговоришь? Нет? Твое дело. С этого начну! – и блестящее лезвие сверкнуло у горла мальчика.

Тот судорожно задергался и что-то замычал, пытаясь вырваться. Игнат пережал мальцу кровяную жилу на шее большим пальцем и тут же полоснул ножом по горлу. Хлынула кровь, и отрок, дернувшись и выпучив глаза, вдруг обмяк.

Лица Одинца с Ершиком стали серо-зелеными, а Тяпа, похоже, вообще не понимал, ни что происходит, ни что с ним самим. Но, к удивлению Игната, ни один не сомлел.

Десятник перерезал веревку, державшую пленника у дерева, и, бросив его на землю, глянул на Одинца. Сил у того хватило только чтобы кое-как пнуть Тяпу и с ним вместе утащить окровавленное тело в кусты. Там они и остались, не в силах вернуться.

Задергался и по-девичьи тонко заверещал второй мальчишка. Игнат ухватил его за шею. Точно так же, как и первого.

– Ну? – в голосе звучало откровенное остервенение. – И своего не жаль? Не опоздай, смотри.

– Серебро там! Серебро! Оставь сына! – не выдержал наконец пленник. – Плаха спрятал, думал на него татей нанять. Оставь сына!

«Сломался! Теперь заговорит, – удовлетворенно подумал Игнат. – А мои-то, мои! Не ожидал. Не всякий новик такое сдюжит. Надо бы отметить, когда в Ратное вернемся».

Слишком внезапно случился первый бой, не ожидали отроки такого, хоть и готовились все к ратной доле. Однако своих наставников они не подвели: никто не струсил и не отступил, но когда все закончилось, произошло то, о чем им никто не рассказывал. Впрочем, не они

первые и не они последние – все, кому выпадает воинская стезя, с этим сталкиваются. Не было в том вины или недосмотра наставников – не подготовишь к такому, каждый сам должен через это пройти.

Глава 2

Десятник Егор. Бунт

Егору наконец удалось выкроить время, чтобы пообедать дома, обстоятельно и с удовольствием, впервые почти что за седмицу. Все последние дни крутился так, что и поесть было недосуг: перехватывал что-то мимоходом, а на большее времени не оставалось.

Мало того, еще и Чума накануне устроил потеху – десятник едва-едва успел вмешаться, и то потому, что каким-то чудом оказался неподалеку. Ну, ладно бы Фаддей просто напился, так с чего его понесло скандалить к Алене на двор? И сотник там со своей родней не ко времени оказался – не иначе черт по кривой дорожке послал этого Алексея под руку.

Пришлось вступить – только кровной вражды с Корнеем не хватало сейчас для полного счастья. Хорошо, этот пришлый и сам не особо рвался в драку – хоть тут повезло, обошлось.

Оттащил домой сомлевшего и оттого утихшего Чуму, а на следующий день новая потеха: Егор пришел к Фаддею с утра пораньше, чтобы голову ему поправить за вчерашнее непотребство, и столкнулся в дверях с Настеной. Сам Фаддей лежал враскоряку, перевязанный промеж ног, и матерился, его Варька крыла на чем свет стоит Лисовинов и почему-то особенно поминала Аньку и кошку ее, привезенную из Турова.

Егор вначале решил, что Чума таки умудрился вчера как-то очухаться и добрался до Алексея или еще кого из Лисовинов, но когда узнал, в чем там дело, то едва успел из дома вывалиться, чтобы прямо при хозяевах не заржать в голос над их несчастьем. Это ж надо! И жалко ратника, а удержаться трудно! Правда, Настена обнадежила, что Чума мужскую силу не потерял, обошлось все, но дней десять он не боец.

Егор аж головой покрутил. Вот надо же! И Фаддей, значит, вывернулся, и явно не нарочно – такого захочешь, не придумаешь, а и придумаешь – врагу не пожелаешь. Едва эту новость переварил, как новая напасть: Аристарх с Лукой, Лехой Рябым и Игнатом подхватились, как на пожар, и из села куда-то умчались. Ладно бы к себе в вотчины, так нет – все их домашние и ближние на местах сидели и тоже ничего не могли понять. Тихон в затылке чесал и мялся; видать, что-то знал, но говорить не велено.

А перед отъездом и староста, и три десятника что-то долго обсуждали с Жердеем из десятка Лехи Рябого. Странно – ратник как ратник, не хуже прочих, но особо и не выделялся – чего он им понадобился?

Но тут Жердяиха не смолчала, у колодца в тот же день расхвсталась, мол, староста и десятники самолично их сынку девку на Боровом хуторе приглядели и теперь вот сватать поехали. От такого взбрыка Егор чуть не окосел: с чего бы это сам Аристарх и аж целых три десятника в такое-то время вдруг озаботились женитьбой Жердеева сопляка, будто других дел нет? Они бы еще Корнея с собой прихватили, для пущей важности.

И отроков, учеников воинских, в селе не видно. Их тоже, что ли, с собой потащили? Зачем?

Егор голову сломал, думая, что бы это все значило и какого выверта теперь еще ждать. Фома тоже впал в глубокую задумчивость, а Устин только матерился сквозь зубы. А на следующий день началось...

Хотя с утра день вроде спокойным выдался, Егор даже домой к обеду поспел. Жена Марьяша накрывала на стол, старшая дочь резала свежий каравай: самая младшая углядела отца еще в конце улицы, вот и суетились. Ждали его.

Хорошо все же войти в свой дом, скинуть надоевшие сапоги, ополоснуться из ковшика водой, что настоялась на солнышке и стала теплой, как парное молоко. Хорошо слышать запах горячих щей и глотать слюну в предвкушении, а потом взять поданную младшенькой ложку и, потрепав лохматую, сколь мать ни старалась, головку, усестись за стол и зачерпнуть горячего.

Вроде уже и усталость не так тянула, и на душе стало светлее и легче. Егор даже прижмурился от наслаждения, глотая первую ложку наваристых щей, щедро заправленных сметаной. Вторая пошла еще с большим удовольствием. А вот третьей он чуть не подавился: над Ратным ударило било. Резко, часто. И не на сторожевой вышке, а у церкви, на площади. Значит, не пожар, а как бы не похуже что, по нынешнему-то времени. Ратников собирают!

– Тятя, било у церкви! – влетела в дом старшая. Мать ее как раз перед этим в погреб послала за крынкой с молоком, да, видно, девчонка по двору и пару шагов не ступила – услышала. Не до молока сразу стало.

Жена, словно ей враз ноги подкосило, охнула, спала с лица, испуганно и бестолково шарахнулась куда-то в угол, мелко крестясь. Толку от нее ждать не приходилось. Егор поморщился: жену свою он по-прежнему любил и понимал, что она не виновата, но каждый раз в таких случаях невольно про себя злился; не на жену даже, на судьбу. Не стала Марьяша ему и детям опорой или подмогой – только молиться и могла, случись что, да и по жизни ему иной раз приходилось не только за себя, но и за бабу думать.

– Слышу! Чего встали? – зарычал Егор на совершенно неповинных в этом безобразии дочерей, досадуя на то, как все не вовремя. День бы еще погодили, глядишь, и придумалось бы что-нибудь путное. Но теперь сначала узнать надо, что там, а потом решать.

– Лизка! Бронь помощи надеть!

Старшая дочь привычно и споро помогла отцу натянуть подкольчужник и саму кольчугу, подала перевязь и пояс, пока младшие готовили припас в дорогу – торбу со снедью и баклажку с водой. Что поделаешь, коли в семье одни девки, хоть и боевые. Были бы отроками, старших бы уже учить начал, в новики готовить. Хоть бы зятя путного Бог послал...

У церкви Егор оказался первым из десятников, но ратников собралось уже десятка полтора. Огляделся и довольно хмыкнул: оба новика, причисленные к его десятку, стояли, где им положено.

Ратники, все одоспешенные и верхами, подлетали непрерывно, но беспорядка не наблюдалось: каждый с ходу встраивался в свой десяток. Не впервой воинским людям по тревоге подниматься, не впервой и в строй вот так вставать. Издавна каждому десятку и каждому ратнику свое место на площади в центре Ратного было означено.

Но сегодня десяток Егора состоял всего лишь из него самого и двух новиков. Их Егор сам высмотрел, еще когда мальцами носились по улицам, и заранее сговорился с их отцами, чтобы к себе парней забрать. Вот они-то сейчас и встали справа и слева от десятника.

Ну вот, наконец, и сотник появился.

Корней хмуро оглядел строй и не сказал, а как будто мечом рубанул:

– Малец из Борового прискакал, ядрена-матрена! – поморщился как от зубной боли. – Напали там на наших отроков и убили кого-то. Что, кто, кого – толком сказать не может. Нашли кого послать, мать их! Сейчас там на хуторе староста и Лука с Рябым и Игнатом. Их десятки и пойдут.

Сотник оглядел строй и снова скривился. Егор отлично понимал, что так раздосадовало Корнея: только десяток Устина собрался полностью. Хоть и смотрели его ратники на сотника хмуро, но явились в полном составе. Остальные, пусть и не так, как у Егора, но все равно

оказались сильно усеченными – кто на огородах, кто в лесу. Прибудут, конечно, но когда? Корней чего-то прикинул про себя и решил:

– Родня мальцов, если из других десятков есть, и если десятники отпустят – с ними же... – поискал глазами кого-то в общем строю, задержался на Тихоне, но недолго, скользнул взглядом дальше, наконец выцепил Глеба и кивнул ему. – Глеб поведет! Все ясно? Остальным чтоб без хмельного нынче и в готовности быть. Хрен знает, чего там ждать. Глеб, давай!

Глеб уже разворачивал коня, на ходу бросая короткие приказы:

– Слушай меня! Сейчас все за припасом и заводными! Сбор у ворот! Пошли!

Евсей, один из Егоровых новиков, двинул коня и поравнялся с Егором.

– Дядька Егор, разреши! Братишка у меня там...

Десятник молчал, то ли отказывая, то ли что-то обдумывая.

– Дядька Егор... – начал было снова новик.

– Молчи! – оборвал Егор парня. – Заводной у тебя никудышный. Заскочишь ко мне, возьмешь Серого. Кольчугу мою вторую бери, Лизка знает где. Тебе впору придется. Здесь не надевай, на привале успеешь. Давай быстрее, Глеб ждать не будет.

– Сделаю, дядька Егор! – гаркнул новик, уже погоняя коня. – Спасибо!

– Обхохочешься... – пробурчал себе под нос Егор, думая о своем. – Вот уж не чаял до такого дожить: чем меньше ратников в Ратном, тем спокойнее. Сказал бы кто раньше...

Пока у ворот собирались три десятка и примкнувшие к ним родичи отроков, уходившие с Глебом, Егор, спешившись, наблюдал за ними со стороны, чтобы не мешать и лучше видеть, что творилось вокруг. Десятник ухмыльнулся: среди покидавших Ратное оказалось и четверо бойцов из десятка Фомы. Из других десятков тоже уходило с пяток воев, примкнувших к заговору.

Егор не знал, что и думать – очень уж ко времени эта беда приключилась, словно боги решили сохранить Ратное, взяв жертву кровью воинских учеников. И горевать бы надо вроде, и спасению, пусть и такому, радоваться. И ведь не объяснишь никому, что смерть мальчишек сейчас спасала другие жизни, не поймут!

К воротам подлетел Евсей, на полном скаку и с заводным конем в поводу. Не последним прибыл, хотя концы по селу отмерял немалые. И коня справно взнуздal; похоже, неплохой ратник из парня получится.

Глеб подал команду к выступлению. Вышли рысью и сразу вперед отправился дозор из пяти ратников.

Егора охватило знакомое любому воину возбуждение, схожее с ознобом, появлявшееся всегда, независимо от того, сам ли он уходил в поход или кого-то провожал на бой, как сейчас. Эх, самому бы с ними... Но Фома, который тоже наблюдал за уходящими воями, словно того и ждал, враз испортил настроение.

– Твоих-то чего не видно? – поинтересовался он мимоходом, но за деланным безразличием и небрежным тоном угадывался напряженный интерес. – Неужто не успели?

– Твой десяток тоже не полный вроде... – ушел от ответа Егор.

– Так Емели нет, зятя Савкиного, да племяша его же... Да Дорки сын... – Фома вдруг замолчал на полуслове, уставившись взглядом в пространство, а Егор, будто его и вовсе ничего в Ратном не касалось, напялил на лицо скучное, насколько смог, выражение, и вскочил в седло.

– А племяшей его? – вдруг очнулся Фома. – Не видел?

– Они у тебя в десятке, не у меня, – только пожал плечами Егор и, не оборачиваясь, поехал прочь.

* * *

Тихо... Пока тихо. Почти сразу после ухода трех десятков Устин все-таки передал сигнал к выступлению. Ждать дальше было нельзя, все и так уже расползалось, как гнилая холстина в руках. Многие, на кого заговорщики раньше имели надежду, попятились. Вон кожемяки, сторонкой-сторонкой и вроде как уже и не понимали, о чем разговор, того гляди и те, что еще оставались, разбегутся. Степан, похоже, тоже приготовился назад оглоблями повернуть, да Устина уже не остановить, а воины-то за ним пошли. Устин не чета Пимену, у него тоже душа за сотню рвалась, а не за свое добро, хотел вернуть былое, не допустить, чтобы прахом пошло заведенное отцами и дедами. Потому-то и не развернуть его теперь – он свой выбор сделал и от него не отступится. А тут случай удобный, пока бояре с татями разбираются, и десятки их с ними.

Но с самого начала стало ясно – все пошло наперекосяк.

Егор был доволен: его ратники увели из десятка Фомы пятерых лучших бойцов, еще четверо ушли с родичами выручать мальцов. И что теперь у него осталось? Сыновей двое, племянш, новики, еще пара новиков из других семей. Да пара ратников, из чужих опять же. Нет, не дурак Фома в драку лезть при таких раскладах. Десяток Устина почти весь на месте, но вот выступят ли остальные, кого раньше сговорили и кто сегодня не ушел?

И все же... У Корнея бойцов было втрое, а то и вчетверо меньше. И пусть у заговорщиков, кроме устиновского десятка, по большей части оставались дурни, вроде Пентюха, но и тот чему-то, да научился, и сам Устин дорогого стоил. Значит, резни не миновать, однако не все Ратное за железо возьмется – уже неплохо.⁴

А пока спокойно... Вон Леонтий как на луну глазел. Она впрямь была хороша – что тебе таз серебряный в небо выкатили. В такую ночь только девкам подолы задираешь, а здесь, на вышке, так и вовсе как в мир поднебесный попадаешь. И не будь эта ночь намечена под бунт, не стал бы Егор новика мешать – пусть бы свою зазнобу сюда затащил. Оно, конечно, не положено, и если старики отловят, ума вставят. Только ведь и старики когда-то молодыми были, а потому и ловить особо некому. И заметят что, так только в бороду ухмыльнутся. Молодость быстро проходит, а такую ночку на вышке, вдвоем над всем миром, оба на всю жизнь запомнят.

В общем, оставлять новика одного Егор не собирался. Поначалу думал с Фаддем на пару отдежурить, но тот дома валялся, тяжелораненого изображал. Тоже неплохо, тем более что Настена подтвердила, что не боец Чума, а Леонтий под приглядом своего десятника на луну с облаками любовался да о девках мечтал.

Собаки подняли лай, но быстро затихли. Может, лиса к тыну подобралась, а может, и началось уже. Пока все участники заговора соберутся, пока подойдут к лисовиновской усадьбе...

– Дядька Егор, глянь. Чего это там? – Леонтий вдосталь налюбовался на луну и теперь пытался разглядеть что-то в расстилавшемся под ногами Ратном. – Во-он...

– Где? – Егор попытался рассмотреть хоть что-то на темных улочках села. – Не вижу ничего.

– На крыше...

– Да где?

– На лисовиновской крыше. Пятна вроде... И стукнуло там чего-то...

Егор и сам уже увидел на довольно новой – и месяца не прошло, как свежей дранкой покрыли – крыше какие-то пятна. И много, словно кто огромной кистью наляпал.

---

⁴ Последующие события подробно описаны в романе Е. Красницкого «Покорённая сила», ч. 2.

– Тень, наверно. Вон от туч и падает... – усомнился он, хотя и сам озадачился: какие тени? Кто такие видел, да еще от луны?

– Непохоже, дядька Егор. От туч тени все двигаются, а эти... Раз только и шевельнулось... Которое с краю. И в прошлую ночь тоже...

– Что – тоже?

– Ну... Тоже пятна были, только наляпаны по-другому.

– А молчал почему?

– А чего? Не пожар же...

– Не пожар, это верно... – чем-то Егору эти пятна не нравились. Он попробовал сосчитать, но толком не получалось. Выходило не то пятнадцать, не то двенадцать.

– Дядька Егор... – снова завел новик.

– Ну?

– Днем я проходил там... Мимо...

– Ну и? – подтолкнул замолчавшего парня десятник.

– Не было там ничего на крыше... Я и назад прошел нарочно, чтоб глянуть. Ничего, дранка только.

– Угу... – новость озадачивала еще больше. – И как же ты крышу рассмотрел? И днем, и прошлой ночью? – не удержался от усмешки Егор. – Или ты за все десятки тут караул несешь?

– Так я, это... – Леонтий словно споткнулся. – Ну... Через тын когда перелезил... А там высоко и крышу лисовиновскую хорошо видно. Точно ничего там не было.

Егор задумался. Новичку он доверял, но ведь не привиделось же им обоим. Вот они, пятна, на крыше усадьбы.

– А чего тебя через тын-то понесло?

– Так к Людмиле я... – парень окончательно стушевался. Отвлечь от своих подвигов десятника ему не удалось, но врать он не решился и выложил все, как есть. – Мамка ее говорит, чтобы до осени ни-ни...

– А вы, значит, и ни-ни, и все остальное? – похоже было, что если Егор не прекратит допрос, то саму вышку вот-вот придется тушить – займется от вспыхнувших так, что даже в темноте видно, ушей Леонтия.

– Дядька Егор, – вдруг прорвало парня, – мы ж не для баловства! Мы пожениться хотим. И зарок о том у Излучного Камня дали, и Лада нас слышала. Мы тогда только зарок сказали, так она солнышком из тучки выглянула и сразу спряталась. Знамение нам дала. Как же против такого идти?

– О как! – Егор и впрямь был доволен. Хоть сейчас голова у него совсем о другом болела, но грех за парня не порадоваться. – Кто ж тебе мешает? Мамка ее? А вы ей про зарок говорили? Про знамение? Нет? Ну и дураки. Погоди, я еще сам с тобой схожу. Матрена баба неглупая и внукам порадует. И что у вас в голове делается? Тоже мне, нашли врагов – самых ближних родичей! Лада и ей, и твоей мамке в свое время улыбнулась, а то откуда б ты, дурень такой, взялся?

Парень сопел, мялся, но, похоже, просто от удовольствия: такое ворчание старшего всю ночь слушать можно. Но у десятника в голове места для мыслей имелось чуть больше, чем у его новика.

– Слышь, Леонтий, а чего другого ты там не за приметил? Может, чужой кто на подворье ошивался, не из Ратного?

– Да нет, вроде... – удивился парень. – Откуда чужие? Только крестники сотника, из тех, что с Турова привезли. Ну и этот, Алексей – пришлый, – задумался парень. – Больше никого вроде...

Егор перевел дух – это еще ничего. А ведь мелькнула шальная мысль, мало ли? Значит, со стороны никого Корней нанимать не стал, и это уже хорошо. Только татей наемных в Ратном

не хватало. Хотя могли и затаиться днем, усадьба-то как разрослась. Но что-то же должно быть! Не тот человек сотник, чтобы самому горло под нож подставить.

– Мальцы еще были... – после раздумья добавил Леонтий.

– Какие мальцы?

– Ну те, родня их новая, из куньевских – те, что с Мишкой в Нинеиной веси с самострелами учатся. Тащили чего-то из сарая. Бочку, что ли? Не углядел я...

– Угу... – об этих мальчиках Егор знал, но, как и Корнеевых крестников, в расчет не брал – сопляки. В бою они Корнея не спасут: Устин один и без меча, с простой палкой всем им бока наломает. Мальчишкам даже до Пентюха еще не один год учиться, хотя и старались они, и со своими стрелялками ловко наострились. Сами себя кормили и рыбой, и мясом. Седмицу назад Егор сам видел, как они парой болтов матерого кабана...

Кабана! Ратника словно в прорубь сунули и вальком по уху приложили. Мать твою Христа матушка!!! И его дедушки черта хвост... Стрелялки, мать их в березу зеленую! Стрелялки!!!

– Леонтий... Да проснись, орясина! – дернулся к поручням Егор. – Сколько пятен видишь?

Переход от мыслей о подруге и ее матери оказался неожиданным и не сказать, чтобы приятным, но Леонтий постарался сосредоточиться.

– Так считал уже, дядька Егор! Четырнадцать. С вечера тринадцать вроде было, но не поручусь... Луна тогда только поднималась, видно плохо.

– Так! – перебил новика десятник, – еще раз. Сколько мальцов видел на Корнеевом подворье?

– Шестеро бадью перли, да в сарае, похоже, тоже копошились. Двое-то точно. И еще в доме тоже... Один у дверей ждал.

– С оружием? – снова перебил Егор.

– Ну да... Самострелы за спиной подвешены и ножи у пояса. А что случилось-то, дядька Егор?

Вот все и встало на свои места. Не бойцы эти сопляки, и бросать их в рубку бесполезно, только грех на душу взять. Но Корней и не собирался ставить их под мечи Устинова воинства. Одно они пока что умели – из самострелов своих болты садить, и метко садить, а с крыши, да с двадцати шагов вообще хрен промажут! И с этой крыши их, поди, скovyрни. Покуда мечник до них доберется, из него ежа сделают!

Вот что задумал Корней! Не хватало у него сил с Устином в лоб выйти, в доме и то бы не удержался. Только мальчишки эти с самострелами имелись, вот их он своей силой и сделал! А ведь такого и не ждал никто. Если Корней с Немым, да с Алексеем вход с мечами загородят, эти мальцы нападающих с крыши перещелкают – только подавай. Ну, умен сотник! Умен старый хрыч, ничего не скажешь! И силенка не велика, но как вовремя он ее выложил! Выходило, что Устину ратников еще надо было набирать, а то не хватит.

Только вот Ратному от этого слаще не станет. Сколько народу эти сопляки положат, неведомо, но все равно беда.

– Значит, так! Слушай, что скажу, – Егор понимал, что теперь ему надо спешить изо всех сил. – Указ тебе, Леонтий, такой...

Новик сразу подобрался, словно к прыжку изготовился: указ десятника и запомнить, и уяснить надобно, чтобы исполнить правильно.

– Здесь сидишь, что бы ни случилось! Пожара берегись особо, на остальное не оглядывайся. Похоже, сегодня всего ждать можно. Шум какой начнется – не твое дело. Понял? Что бы ни было – не твое дело! Покуда я сам не вернусь...

– Сделаю, дядька Егор!

Десятник шагнул к лестнице, но вдруг остановился.

– Вот что, Леонтий. Большая кровь сегодня в селе прольется. Сигналы, что учил, помнишь?

– Помню, дядька Егор! – обиделся парень. Эти сигналы в Ратном все мальцы с пеленок знали.

– Тогда, как услышишь, что я тревогу высвистел, бери факел, заправляй и кидай в сенной амбар, вон тот, что к воротам ближе.

От такого выверта новик даже растерялся.

– Дядька Егор, загорится же! Мы от пожара и поставлены?

– Угу, загорится, – согласился десятник. – Так надо! Сделаешь, как сказано! И чтоб душа не дрогнула... – он зло усмехнулся. – Чего тарачишься? Не ополоумел я. Сегодня недовольные Лисовинов резать хотят, если ты еще не понял. Если Лисовинов вырежут или, наоборот, они верх возьмут, это не беда. Кровь, конечно, и усобица, но не беда. А вот если все Ратное на ножи встанет... Никто этого не желает, но по темноте, да в сваре мало ли что... Заденут кого из соседей – и готово, за него свои вступятся. Кто в чем виноват, поздно думать. А пожар – беда общая, загорится – не до усобицы. Кто сам охолонет, а кого, глядишь, бабы уговорят, но в пожар усобицу никто не затеет. Оттого и заправлять надо с краю и там, откуда на все село пламя не перекинется, а тушить сподручно. Пусть и сгорит чего в суматохе, зато Ратное кровью не умоется. Понял? Тогда сиди и смотри. Но раньше, чем мой свист услышишь – не заправляй!

Внизу, на земле, оказалось не в пример темнее, чем наверху под луной.

Приходилось спешить, потому что Устин наверняка уже приготовился выступить. Ратником он был отменным и не глупым, хоть и горячим, и на верную смерть своих не повел бы. Если узнал бы о Корнеевой задумке, глядишь, и отложил бы, а там, возможно, и совсем недовольных унять удалось бы.

И снова, как больной зуб дернуло:

«Эх, Устин... Не уймется ведь. Так и так рано или поздно попрет против сотника, даже если на верную гибель. Его уже не остановить, так хоть не дать ему других погубить. А ведь главное – и победят они, все равно не по его выйдет. Не будет так, как прежде, что с Корнеем, что без него. НЕ БУДЕТ...»

Из переулка прямо наперерез Егору вынырнули двое новиков Фомы. От злости у него аж горло перехватило.

«Чем думал, орасина?! Неужто злоба разум пересилила?! Ведь понял же там у ворот, к чему дело идет – по глазам видно было! – кипел про себя десятник. – И все-таки решил бросить мальчишек в рубку! Ну, если и в самом деле так – всю морду скотине разваляю, как с дерьмом разгребемся, но сейчас этих завернуть нужно!»

– Стой! Куда направились, честные ратники?

Парни остановились и переглянулись.

– Так это... К дядьке Устину... Ты ж тоже туда вроде должен?

– Что я должен, не твоего ума дело, щенок сопливый! Я и в церкви порты сниму – тебя не касается! Ты лопуха мне притащишь, а он подтереться поможет! – вызверился Егор, не давая парням опомниться. – Вам что Фома сказал?

– Так, дядька Фома сказал, можно и не ходить. Без нас все обойдется... – растерянно переглянулись парни. – Но как нам остаться-то? Мы же не можем, коли десятник пошел...

– Что?! – казалось, Егор изумлен до невозможности. – Слову десятника перечить?!

Парни побледнели: нарушить приказ десятника – лучший способ расстаться даже с мыслью о воинском поясе.

– Фома мне только что сам сказал, что и ратников всех по домам отправил, не только вас, сопляков, а ты мне тут втираешь?! – не задумываясь, врал Егор. – Домой пошли, вояки хреновы! Мечи сюда давайте!

Парни снова переглянулись. Вообще-то это уже было не по обычаю, но с Егором лучше не шутить, да и они сами, кажется, не уразумели приказ своего десятника, раз Егор так говорил. И вокруг что-то неладное творилось... Мало ли чего там старшие задумали! Так что новики сочли за лучшее не спорить: пусть завтра дядька Фома сам разбирается.

Мечи вместе с поясами и ножами перешли к Егору.

– А теперь домой и чтобы до утра носу не высывали! – рявкнул им вслед Егор.

Вот и дом Устина, но во дворе было подозрительно тихо – людей Егор и из-за тына услышал бы. Опоздал! И ворота открыты...

Дверь в дом отворила Марфа. Спрашивать ничего не понадобилось, и так понятно – опоздал.

– Давно ушли? – он еще надеялся догнать и предупредить.

– Не очень. Случилось чего?

– Нельзя им выступать! Корней ловушку приготовил... – Егор хоть и спешил, но не мог не предупредить Марфу. – Ты детей уведи куда-нибудь. Похоже, плохо дело обернется.

Марфа враз закаменела лицом; испуга или растерянности выказать себе не позволила.

– Беги! Упреди, Егорушка, – ей ничего втолковывать не пришлось, сама все сразу поняла. Крепкая баба, иному воину не уступала. Уже поворачиваясь к воротам, десятник услышал, как Устинова большуха отдавала команды девкам и детям не хуже, чем ее муж, когда приказывал своему десятку в бою.

Егор не успел и до ворот добежать, когда стало понятно, что спешить уже некуда. Со стороны подворья сотника донесся резкий звук удара, видно, по дереву чем-то хряпнули, затем крик и брань. Распугивая ночных обитателей, нагло и отчетливо зазвучали в темноте щелчки самострелов, сочные удары болтов в древесину и лязгающие – по броням. Завизжала девка, и снова ругань, лязг железа и щелчки, щелчки, щелчки самострелов.

Все, там делать больше нечего. Теперь оставалось помочь бабам вытащить из дома детишек: Корней, конечно, не изверг, но сейчас его собственных внуков пришли резать – ему не до христианских добродетелей.

Егор метнулся назад в дом. Навстречу ему выскочила какая-то баба в теле. Он сперва не понял, кто это, а когда узнал, глазам своим не поверил.

– Варька? – вот уж кого не ждал Егор здесь встретить – Ты какого здесь?

– Сироток Софьиных забрать. Какая-никакая, хоть по мужу троюродная, а родня мне... – На руках у Варвары и впрямь был малыш, а за подол ухватились двое постарше. – Негоже их бросать. И Фаддей сказал...

– Бегом, дура! Чего стоишь? В ворота и в проулок! Бегом!!! – рявкнул Егор, но, похоже, время для этого вышло. У дома Лисовинов схватка заканчивалась, и кто-то уже бежал по улице к Устиновой усадьбе.

– Назад! К забору! У тына плаха сдвигается. Быстрее! – распорядилась выскочившая на улицу Марфа. – Там проулок глухой. К старой Аксинье бегите. Да быстрее же!

Первым в щель забора нырнул малец лет семи. Следом, кряхтя, пролез Егор и стал принимать у Варвары ребятишек, чуть не откидывая их в стороны, чтобы освободить место для следующих.

Во дворе послышался топот и звон железа, кто-то с грохотом опустил засовный брус.

Егор принял восьмерых, когда в щель сунулась голова Варьки.

– Все! Уводи мальцов!

– Все? А остальные? У Устина...

– Все, говорю! – перебила Варька. – Своих Марфа в доме спрятала. Для них все одно спасения не будет. Уводи быстрее!

– А ты куда собралась?

– Щель слишком узкая.

– Лезь давай! Чего я Фаддею скажу? Лезь, говорю!

Варька попробовала протиснуться в не такую уж и узкую дыру, ругнулась и зарычала на Егора:

– Чего сидишь? Детей уводи! Не слышишь, что творится?! Я здесь во дворе укроюсь.

А во дворе и впрямь было жарко. К воротам подлетел кто-то конный, следом послышался топот множества ног. Хотя железо и гремело, но все же было понятно, что это Мишкины сопляки – звучал его командный голос. Опять раздались щелчки самострелов – эти звуки половина Ратного в страшных снах до конца жизни слышать станет. Один болт пробил плаху прямо над Варькиной головой.

– Тогда и не вылазь, – быстро решил Егор. – Здесь дровяник рядом, в нем схоронись. Сиди тихо – не заметят. Мальцов отведу, за тобой вернусь.

Не оставалось ни мгновения лишнего; болты стучали уже внутри дома.

До задов подворья Аксины, шли, казалось, целую вечность, хорошо хоть малыши не плакали, напуганные сверх всякой меры.

Очень немолодая вдова словно их и поджидала у своей калитки, и спрашивать ничего не стала.

– Митяня, води малышей в дом! – распорядилась она с ходу. – Подсади их на печь, там тепло, согреются. Егорушка, ты? – узнала она ратника.

– Я, тетка Аксины, я. Детишек вот привел. Примешь?

– Да ты что говоришь? Язык-то не опрыщавел? Давай сюда! – она бережно приняла на руки самого младшего, полутора лет мальчонку.

Егор торопливо хлебнул воды из стоявшего в сенях ведра: в горле пересохло хуже, чем после большой драки, и поспешил назад. Варьку надо было выручать, чтобы не учудила чего, а то потом в глаза Фаддею не взглянешь.

Прежним путем возвращаться нельзя: бить станут по всему, что из темноты высунется, значит, с улицы надо, открыто. Но на улочке, что вела к дому Устина, оказалось людно – и ратники, и сопляки Мишкины вокруг вертелись. Варьку выручить пока что не получалось: если бы Егор сунулся, то только бы внимание привлек, а саму по себе соседскую бабу, попавшую туда случайно, если и нашли бы, то не тронули. Главное, чтобы тихо сидела.

Да только вот зря Егор понадеялся, что Варька усидит тихо...

* * *

И что за штука такая – натура бабья?! Что там Создатель из ребра мужеского сотворить собирался, только он сам и знает, а что получилось – дело другое. Видно и впрямь, как говорил отец Михаил, на погибель рода человеческого появились Евины дочери. Во всяком случае, на погибель той части его, что управы на них найти не сумеет и к нужному делу не приставит. И одного кулака здесь никак не достаточно: тягловой скотиной баба все одно не станет – и норов не тот, и стати. Вот и приходится наследникам Адама своих жен умом превосходить, дабы самим с ума не свихнуться и в дела свои мужеские их не пускать.

Правда, Господь бабам своих забот столько накидал, что и до Страшного суда не разгребутся, однако же тянет их сунуть нос не себе под юбку, а мужику в штаны! По ночным делам, конечно, никто не против, да только у мужей и другие заботы случаются, куда бабам самим Создателем лезть заказано. Ан, нет! Редко которая не встрянет куда не надо, ежели случай подвернется.

И понятие правильное порой имеет, и жизнью ученая, а все равно! Натура такая: все им знать надобно, все увидеть да другим поведать. От этого они особую сласть имеют, нормальному мужу совершенно непостижимую. Видно, благодаря натуре своей любопытной и чует

баба в душах больше, и видит такое, что ратнику за делами его не дано. Оттого порой и беду баба предвидит загодя там, где о ней еще и вести нет, и лечить может раны не только телесные. Так что и польза, как ни крути, от этого бывает. Иногда. Но чаще – сплошные неприятности: и ей самой, и всем, кто рядом окажется.

Варвара маялась в дровянике. Один из отроков сунулся туда, углядел испуганную бабу, забившуюся в угол, но тревогу поднимать не стал и побежал дальше по своим делам. Сидела бы она там, не высовываясь, пока все не уляжется, так нет! Варька и сама не смогла бы сказать, какой черт поволок ее за подол к двери. Первый страх прошел, и к ней вернулось неистребимое женское любопытство – захотелось утереть нос остальным бабам, особенно Макаровой Верке (та еще заноза, завсегда вперед нее норовит влезть!). Это ж прямо песня: у колодца назавтра расписать, что своими глазами видела, ну, и приврать потом само собой.

Тем более такой случай! Конечно, беда это, и беда большая, но изменить она все равно ничего не могла, а знать, как все происходило на самом деле, очень хотелось: ратники не больно разговорчивы, у них потом не выспросишь, а мальчишек пытаться взрослой бабе неуместно.

Особой опасности для себя она не видела: дверь толстая, набранная из колотых стволов – даже лучная стрела не пробьет, не то что мальчишеские стрелялки. Вот Варька и привалилась к ней, выискивая подходящую щель, но та все не находилась: то глядела не туда, то узка была, то низко – хоть на пол ложись, или же высоко, а подставить что-то – в темноте не нашаришь. И она решилась...

Чуть приоткрыв дверь, баба одним глазом уставилась на происходящее во дворе Устина.

А там шел бой, самый настоящий. Отроки из самострелов садили болтами куда-то в сторону дома. Невидимый Корней в отдалении каркал приказы, новый малознакомый ратник, побратим покойного Фрола, что-то рывкал мальчишкам от ворот. Варваре даже слышался грохот, как в грозу, и она не сразу поняла, что это бухало ее собственное сердце.

Вот один сопляк слетел сверху, прямо другому на голову – то ли скинули, то ли сам сверзился. Значит, уже не зря она там сидела, будет что бабам поведать! А подробности сами потом придумаются.

Раздосадованная тем, что все обозреть не получалось, баба приотворила дверь еще чуток. Зрелище показалось страшным, но завораживающим. Еще в детстве она видела, как уж зачаровывает лягушку: та и не хотела, а сама ползла в пасть к змее. Вот и Варвара сейчас не отдавала себе в том отчета, но все шире и шире распахивала дверь дровяника.

Под ударами бревна, которым толпа мальчишек колотила во входную дверь, трясся весь дом – или это ей только казалось? Вот плахи не выдержали и затрещали. Из дома в ответ полетели стрелы, вроде попали в кого-то. Ранили или нет, она не поняла.

За бревно схватился Мишка Лисовин. Хоть все они скрывались под бармицами, но не узнать его невозможно – так лаяться умел он один. Все только диву давались, откуда малец таких слов нахватался? Вроде и матерного ничего не говорил, а словно дерьмом окатывал с ног до головы; иной раз такое заворачивал, что и понять только с пятого раза возможно. Бабы обозников болтали, что мужья их разве не наизусть заучивали Мишкины словеса – те, что в походе на Кунье от него слышали. Вот и сейчас он выкрикивал что-то про Богоматерь на конюшне и хрена какого-то, то ли ржавого, то ли еще какого, сразу и не разберешь.

Варька, с интересом вслушивалась в Мишкину скороговорку – глядишь, что и запомнить удастся, да потом кого и отшить – и следила за бревном, бьющим в уже сильно ломаную дверь, и не замечала, как сама все больше подавалась вперед.

Что-то подвернулось ей под ногу, и, теряя устойчивость, она всем телом рухнула на дверь, та под ее весом распахнулась, Варька со всего маха плюхнулась на четвереньки на землю. Двое отроков с самострелами, что оказались ближе всех, дернулись на шум.

У лежащей на земле Варвары над головой вжикнуло, и только тогда она осознала, какой же дурой оказалась. Хорошо, мальчишки поняли, что испуганная баба опасности не представ-

ляет, и перестали обращать на нее внимание, но это ее положения не улучшило – в такой неразберихе под шальной выстрел попасть легче легкого.

Инстинкт самосохранения вопил во всю глотку, требуя поскорее вырваться отсюда и убраться куда подальше, да так, что совершенно лишил ее какого-то соображения. Проход к воротам почти освободился, до самих ворот, казалось, рукой подать, и Варька, подгоняемая естественным желанием очутиться как можно дальше от опасности, вместо того, чтобы спрятаться снова в своем укрытии да прикрыть дверь за собой, как была на четвереньках, так и рванула к свободе с резвостью таракана, удирающего от сапога.

– Куда? Нельзя! Стреляют! – сердобольные отроки попытались было остановить ее, дивясь такой прыти, но очумевшая баба уже ничего не слышала. Она рвалась домой! Домой – и умолить мужа, чтобы в ухо приложил, для пушего ума.

Алексей с высоты седла тоже с удивлением воззрился на весьма упитанную бабу в одной рубашке, довольно быстро семенящую на четвереньках по двору в его сторону. Когда та поравнялась с ним, он довольно вежливо поинтересовался:

– Чего ищешь, болезная? Потеряла чего?

Варька подняла голову и, увидев перед собой только ногу в стремени, собралась было огрызнуться.

– Да я... – но тут сильный удар в седалище буквально подкинул ее вверх. Сама не поняла, как очутилась на ногах, но резкая боль впиалась зубами в ее многострадальную задницу, уже подранную накануне Зверюгой.

– Ты глянь, нашла... – В голосе Алексея слышалось искреннее удивление.

Но очумевшая от боли и страха женщина уже вышла из берегов. Неведомо с чего в несчастную Варькину голову пришла мысль, что это или конь лягнул ее копытом, или сам всадник исхитрился так обидно приложиться. Соображением, как это они могли так извернуться, она заморачиваться не стала, но свое возмущение на «виновника» выплеснула незамедлительно. В конце-то концов, война-войной, но это за что же над ней, женой ратника, так изгаляются?!

И Варька с воем вцепилась в сапог Алексея, пытаясь стащить его с коня, визжа и ругаясь не хуже обозников.

* * *

Все, что мог, Егор уже сделал, болтаться дольше возле дома Устина не имело никакого смысла, да и Леонтий один на вышке оставался. Новика, конечно, выучили неплохо, но ведь молод он, а по молодости какие только глупости не творят! Тем более в таком деле, когда и кто постарше запросто растеряется. В общем, стоило поторопиться. Мимо Устинова дома идти – дураков нет: чем меньше ног жалеешь в бою, тем дольше живешь. Это еще старый Гребень вбивал в головы своим ученикам накрепко, а потому Егор рванул в обход.

Далеко пройти не получилось: едва он миновал переулок к подворью Чумы, как впереди у стены кто-то даже не застонал, а булькнул горлом. Егор сделал еще несколько шагов и – спасибо, ночь выдалась лунная – разглядел лежавшего в темной луже Пентюха. В спине его торчало целых два болта.

– Ты что, пошел все же? Дурень! Зачем? – Егор сам не знал, кого спрашивал, и на ответ не надеялся. Плохим ратником оказался Пентюх, да и обозником не удался, а все же и он был своим, ратнинским. Не смог Егор просто мимо пройти.

Раненый вдруг открыл глаза.

– В ратники... снова... Фома обещал... – Кровь лилась горлом, и слова шли с трудом, но, видно, очень нужно было умирающему сказать что-то для него важное. – Предкам... на погост... обед снеси... за меня... не примут... опозорил...

– Отнесу, слово даю! Примут тебя! – не мог Егор отказать в последней просьбе, да и никто не смог бы. Пентюх... нет, снова Шалашок, как его звали еще в учении, когда вместе готовились в новики, попытался улыбнуться. В последний раз.

Егор оглянулся и, вздохнув, стащил с головы шапку. Тело утром подберут и обиходят, а подношение предкам он непременно отнесет. Потом. А сейчас надо было дальше бежать, исправлять, пока все не стало окончательно непоправимым. Егор нацепил шапку, даже успел повернуться, но уловил какое-то движение в темноте и на всякий случай врос в стену.

Тревога оказалась напрасной. Из проулка за его спиной вынырнул... Егор поначалу не понял, кто именно – в длинной рубахе, не то муж, не то баба. Присмотрелся – все-таки муж: на голове лохмы нечесанные, да и борода заметно топорщилась. Двигался этот прохожий весьма своеобразно – враскорячку, словно бочонок между ногами зажал.

Десятник остолбенел, когда понял, кто это: по проулку ковылял Фаддей! Настена же приказывала дурню не вставать! После общения с Варварой только ее мужа Егору и не хватало для полного удовольствия! Хоть самому к лекарке беги, за грибочками успокоительными.

– Фаддей! Мать твою... Чума! – попытался остановить своего ратника Егор, но его голос перекрыл отчаянный вопль, донесшийся со двора Устина: орала баба, да как! Визг, мат, рыдания – все сразу.

– Варька...ВАРЮХА!!! – Фаддей, в отличие от Егора, моментально узнал голос жены и помчался к воротам Устина, напрочь забыв о своих ранах. Десятнику осталось только выругаться и припустить следом, но единственное, что он успел заметить – со двора кувырком вылетел какой-то сопляк из лисовиновских, следом за ним на улицу шлепнулся еще один. Подбежав поближе, Егор увидел, что в воротах бушевал Чума, всюду раздававший тумак еще паре отроков, которые пытались оторвать Варьку от сапога Алексея, сидящего верхом на коне. Рудный он там или нет, но опытный воин, судя по всему, обалдел не меньше самой Варьки.

– Ты видишь? Ты видишь, что творишь? – одной рукой Фаддей ухватил подошедшего Егора за рукав, а второй тыкал в задницу продолжавшей вопить жене.

Егор чуть не брякнул: «Неужто насильничали? И когда успели?»

Но тут Чума дернул за древко, торчавшее из седалища супруги, Варька взвизгнула, и десятник наконец понял причину суматохи – просто место для стрелы оказалось настолько неподходящим, что проскакивало мимо взгляда. Егор встретился глазами с Алексеем: ранений оба всяких нагляделись, но ни разу не видели, чтобы стрелу ловила задом баба.

Вконец озверевший Фаддей кинулся на подбегавших отроков, размахивая зажатой в кулак злополучной стрелой. Пару раз свистнул кистень, но Чуму спасла выучка: мальчишки покатались в разные стороны. Обозленные дракой с людьми Устина, остальные кинулись скопом и Фаддея, еле державшегося на ногах, повалили на землю.

– Леха! Что смотришь? Забьют ведь кистенями... – так по-глупому лишаться бойца Егор совсем не хотел. И на мальцов оружие поднимать сейчас никак нельзя – тогда точно между ними кровь встанет. Алексей, видно, и сам уже понял, что недоразумение грозит перерасти в нешуточные увечья для Чумы, и тогда миром с пока что державшимся в стороне от драки десятком не разойтись, да если еще Егор влезет сам спасать – совсем беда.

– Прекратить! Стоять всем! – рык опытного бойца приостановил бойню. – Забирай его на хрен! И бабу его не забудь! Только не надорвись! – вдруг заржал он.

Десятник подхватил обеспамятевшего Чуму и волоком потащил за ворота. Варька вроде бы пришла в себя и ковыляла следом, зажимая рукой рану.

– Ты б к Настене шла. Неровен час... – Егор попытался не то успокоить, не то спровадить ее подальше. – Фаддей очнется, сам его до дома доведу.

Варька только мотала головой:

– Воды бы...

Но воды сейчас взять было негде – не лезть же, в самом деле, назад, во двор Устина, где развернулась настоящая резня. Егор попробовал было потрясти Фаддея, но это не помогло. Он снова покосился на испуганно примолкшую Варьку.

– Ты б вперед поспешила, приготовила бы, чего надо. Да и сама к Настене ступай. Вон, чуть не струей кровича...

Чума в себя никак не приходил: то ли по голове ему хорошо попало, то ли еще хмельное сказывалось, но все усилия Варвары с Егором успеха не имели.

– Старшину убили! Режь их всех! – крик из дома заставил десятника мгновенно покрыться холодным потом.

– Все...

– Что, все? – не поняла баба.

– Все! Теперь Ратное кровью умоется... – выдохнул Егор, сразу забывая об остальных неприятностях, и зашипел на нее, взваливая, наконец, Чуму на плечи. – Помогай, хрен ли стоишь!

К счастью, Фаддеев дом находился поблизости. Свалив Чуму на лавку, Егор и сам едва не упал; перед глазами плясали темные круги.

– Ну, Фаддеюшка, ну, стервец... погоди, очухаешься – корчагой медовухи не отделаешься!

Варька от слов Егора про резню и о своем ранении, кажется, забыла. Но добравшись с грехом пополам до избы, побледнела и стала оседать на пол – даром что на улице бежала впереди чуть не вприпрыжку, и ворота открыла, и мужа в дом втащить помогла, а тут вдруг сомлела.

Дуняша металась по дому, подавая то чистую тряпку для матери, то ковш воды Егору, а то и сама не зная, что и зачем делает, пока десятник не поймал девку за косу:

– Девонька, успокойся... Успокойся, говорю! – глаза Дуняши потеряли, наконец, излишнюю округлость и стали осмысленными, – Во! А теперь перевяжи как-нибудь мать да тихонько води ее к Настене. Огородами идите. Фаддея уж я сам тут...

Дуняша закивала в ответ и кинулась выполнять веленное, а Егор занялся с Чумой: взвалил друга на лавку и перевязал, как сумел, его раны.

Как ни странно, но шум в доме Устина к этому времени заметно утих. То ли Корней сумел совладать с собой, то ли еще по какой причине, но в мятежной усадьбе стояла тишина – даже не верилось, что недавно там не на шутку бились оружные и доспешные воины. Да и во всем Ратном, за исключением подворья Лисовинов, все вроде как утомилось.

Но именно там, на подворье сотника, происходило то, что Егору совсем не понравилось. Сопляки не толкались во дворе, как придется, и как можно было ожидать от мальцов их возраста, а вполне разумно заняли посты на крышах и у ворот. Самым же неприятным оказались двое гонцов, вылетевших галопом из ворот Ратного и направившихся в сторону Нинеиной веси. Один из них – Лавр, а второй, похоже, Митька, правая рука Мишки. То, что в Ратное пришли не все мальчишки из Младшей стражи, Егор уже разобрался. И если приведут остальных... Даже думать не хотелось, во что это может вылиться.

На вышке, к удивлению десятника, маячили две фигуры.

– Неужто девку притащил? – пробормотал Егор. – Ну, я тебе сейчас полюблюсь!

На всякий случай окликнул, не подходя к лестнице:

– Леонтий!

– Я, дядька Егор! – сразу узнал новик своего десятника. – Поднимайся. Спокойно все!

– А с тобой кто? – поинтересовался Егор.

– Да я это! Я! – ответил хорошо знакомый голос.

– Арсений? – не слишком и удивился десятник. – Протрезвел, значит...

– Да как сказать... Тулупчики из-под стола я пока не убирал, – ухмыльнулся, протягивая руку, Арсений. – Я б еще недельку так... Только вот надоело сигать под стол, когда из соседей кто заглядывает.

– И не убирай.

– Чего так? Вроде закончилось все?

– Если бы! Петруха не проснулся?

– Да не скоро он, похоже... Настена возилась с ним, да все без толку. Его особо не жди.

А вот Савка с Доркой и Андрон здесь.

– Как? – у Егора гора с плеч упала. – Вернулись?!

– Так и не уходили никуда. Днем в трех верстах отсюда отсиживались, а к ночи возвращались под ворота.

– И сейчас здесь?

– Ага. Шагах в двустах, у кусточков.

– Зови! Леонтий, слышал? Бегом давай!

Ратники подошли почти бесшумно, уложили у подножия вышки тюки с бронями и оружием и поднялись наверх. Сразу стало очень тесно, но это никого не смущало.

– Ну, вы даете! – без бойцов своего десятка Егор в последние дни чувствовал себя так, словно остался без оружия, то есть как голый. – А то я грешным делом подумал...

– Десятник, – деланно насупился Арсений, – да ты, никак, обидеть нас норовишь? Стол нам за такие мысли накроешь, как утрясется все. Верно говорю? – обратился он к друзьям.

– Да не жалко – утряслось бы только.

– А что? Сильно неладно? – уловил тревогу в голосе командира Арсений, да и остальные повернулись. – Говори, не томи!

– Мишку, похоже, убили, – вывалил Егор самое главное.

– К-к-корнея в-в-внучка? – подал голос Дормидонт.

– Его, Доря, его самого.

От такой новости все замерли. Общую мысль после недолгого молчания выразил Андрон:

– Вот теперь только порты держи. Корней по Ратному, как коса по перепелкам, пройдет.

– За внука же... Только что не молился на парня... – буркнул Савелий.

– Вот и я про то.

Помолчали еще, обдумывая сказанное.

– Точно знаешь, что убили? – похоже, новость выбила балагурство и из Арсения – самого неунывающего в десятке.

– Сам слышал, как в доме заорали: «Старшину убили! Режь всех!» Сопляки орал, когда я Чуму со двора Устина вытаскивал.

– Неужто и он влез? – сплюнул Арсений. – За Устина? Он же калеченый?

– А-а-а-а! – раздраженно махнул рукой Егор. – Баба его детишек забрать пошла – Захар-стрелка, которого на переправе убили, помните?

– Ну, помним и что? – поторопил Андрон.

– Так ребяташки от него остались. Софья его почти сразу померла, их Марфа взяла – родня же. Захар-то Устину родич. Вот Варька за ними и полезла. Устиновых уже никого не спасти, а этих и еще тех, кого можно, к тетке Аксинье отправили. Сама Варька во дворе осталась – жопа в щель не пролезла. И не сиделось ей, шелапутной, рванула в ворота... Там стрелу своей жопой и словила! Чума за нее в драку сунулся – и ему навалили.

– Мда-а... Меченая семейка-то получается... – несмотря на нелепость положения Чумы и его жены, ратникам было не до смеха.

– Что делать станем, десятник? Похоже, сотне конец приходит? – без привычного задиристого удалства спросил Арсений. – Нельзя допустить.

– Нельзя, – согласился Егор, – только вот как? Корнея сейчас и черт не остановит. Его же смерть Фрола больше собственного ранения подкосила; наследника лишился – роду конец. На Лавра-то у него никакой надежды давно не было, а тут у внука откуда что взялось. Вот и воспрял духом сотник, словно вторую жизнь получил. А теперь... Слабого такое сразу сломало бы или вовсе пришибло, а Корней, даже если сам и сгинет, то прежде все вокруг разнесет в щепы... Не знаю, чего он задумал, но всадники на Нинеину весь ускакали. Сам видел.

– И мы видели.

– Дядька Лавр с мальцом. Я им ворота и отпирал... – подал голос Леонтий.

– Значит, Корней и впрямь стрелков сюда вызывает. Другой силы у него нету. Но это он зря. Днем с крыш им бить не дадут, из луков посшибают, а мечников он и десятка не наскребет. Если только бояре вернутся.

– А куда их всех понесло-то? – удивился Арсений, который из-за вынужденного добровольного ограничения свободы узнавал последние новости с запозданием.

– Ушли же все! Мальцов выручать, – отмахнулся Егор. – Корней покуда один остался, даже старосты в селе нет. А без него... Леонтий!

– Здесь я, дядька Егор!

– Бери моего коня, – он усмехнулся. – Видать, судьба такая вам сегодня с Евсеем, на десятничьих конях гарцевать. Как хочешь, а Аристарха найди и скажи, чтобы сюда летел. Там, небось, и без него уже разберутся. Обскажи, что сейчас слышал, и с ним вместе назад... Скажи, никак без него!

– Сделаю, дядька Егор! – соскальзывая вниз по лестнице, гаркнул новик.

– Своих-то куда подевали? – поинтересовался Егор. Не то чтобы он опасался за родню ратников, но разговор об обыденном позволял немного отвлечься.

– Смотрят... Покосы, дрова опять же. Верстах в десяти... – пояснил Савелий.

– А твои? – повернулся он к Заике.

– Т-т-так у з-з-зыряновских поди уже... – заговорил Дормидонт. – Т-т-т-так думаю...

– Без отца? И без свата? – удивился Егор.

– А чего там сватать? – усмехнулся Андрон. – Там сватай – не сватай, девка-то брюхатая уже. С зимы все оговорено. Сейчас и заберут, а свадьбу отпляшем по осени.

– Эт когда твой сынок-то сподобился? Далеко же!

– Т-т-так гостил п-п-по осени...

– Нагостил, стало быть... – Ратники хрюкнули, но в голос ржать не стали, не время. – Шустрый малый, однако! Давай-ка его в десяток приводи.

Немного помолчали. Внизу громыхнули копыта, затем скрипнули ворота, и сидевшие на вышке хорошо расслышали, как Леонтий повернул коня с торной дороги на тропу в Боровое.

– Ну а случись край, что делать-то думали? – Егор не сомневался, что его десяток не просто так за тыном хоронился.

– Да мы тут кой-чего припасли... – начал было Арсений и, оглянувшись на остальных, продолжил: – Петруха, покуда в роженицы не подался, мысль подкинул.

– Ну-ну... Не тяни за хвост, говори! – поторопил Егор.

– Леонтий сказывал, ты ему сенник подпалить велел, коли резня по селу пойдет, – хмыкнул Арсений. – Ну и мы похожее задумали, только за тыном – у реки стога подпалить. Да в село из-за тына стрел побросать с десяток или два, вроде как напал кто. Глядишь, и не до драки стало бы.

– Вот и переловили бы вас всех! Стрелы-то опознали бы, сами знаете...

– Ну, если ты нас за таких дурней держишь... – заявил Арсений таким тоном, что все прыснули от одной мысли, какая у него при этом должна быть физиономия. – Видно, так и придется медовуху одним пить. Умным, вроде нашего десятника, она только во вред.

– Хватит, Сюха! Не до смеха, – остановил вернувшееся к Арсению балагурство Андрон и пояснил уже серьезно. – Колчан у меня со стрелами половецкими давно валялся. И выбросить жаль, и толку с них нет: для моего лука слабоваты. Вот и надумали покидать ими. Петруха надоумил...

– А подстрелили бы кого?

– Разве у кого зуб на тещу большой вырос... – снова встрял Арсений. – Мы ж с подачи Леонтия стрелы бы кидали. Где нет никого, туда бы и метили.

– Недурно задумано, – одобрил Егор. – А если бы дознался кто? Прочесали бы округу?

– Н-не... Р-ратников мало. О-о-остальных бы ждали... – высказался Дормидонт. – Д-д-до осени бы м-м-мирно жили...

– Дорка прав... – вступился Андрон. – Дождались бы тех трех десятков, тогда бы только округу прочесывать и начали. А это дело не быстрое. И еще... Егор, ты не ругай Петруху, как очухается. Он и сам исказнится, что проспал такое. Сам знаешь, чудило он то еще, но не со зла. И голова у него светлая, хоть и с придурию.

– Ладно... – Егору было не до Петрухи. – Теперь так: я сейчас к Тихону. Он, конечно, без Говоруна не решает ничего, но все ж десятник. Арсений, ты давай к себе под стол, но хмельного ни-ни... И днем чтоб оттуда носа не высовывал, покуда не позову. Остальные пока здесь, а как вернусь – ко мне на сеновал дрыхнуть. Все лучше, чем в лесу, да и понадобиться можете...

Утро, словно подстраиваясь под общее настроение в Ратном, выдалось хмурым, но без дождя. Мало кто толком понимал, что же произошло этой ночью, но бабы у колодца уже всю обсуждали случившееся. Правда, тем, у кого в ватаге воинских учеников ушли сыновья, оказалось не до бунта. Ушедшие десятки еще не вернулись, и неизвестность мучила матерей: мальчишки не ратники, много ли нужно воев, чтобы всех их вырезать? С подворья Корнея никаких вестей пока не доносилось, их бабы к колодцу не пришли. А расспрашивать Настену, проходившую мимо несколько раз за утро, не решился никто – больно уж сумрачной выглядела лекарка.

Глава 3

Воинские ученики. Рубеж

Одинец смотрел на длинные листики прибрежного тальника и с трудом понимал, что происходит. Его не тошнило, как Тяпу и Ершику, корчившихся в кустах в неудержимой рвоте, он не упал без памяти, как Дубец, не затрясся в непонятном приступе, как Коряжка – дядьке Игнату пришлось дать тому по уху, чтоб опамятовал. Но и самим собой он быть перестал и понимал, пожалуй, единственное: вот только что, здесь и сейчас, он изменился необратимо и навсегда. Словно все внутри перевернулось; не сломалось, не смялось, а скорее лопнуло, сбросило старую тесную шкуру, не способную вместить нового Оди́нца, который только что появился на свет.

Когда-то давно, еще утром, до Боя, все в нем и вокруг него было знакомое и понятное, а теперь... Как будто за рубеж заступили, а там – неведомое.

* * *

А началось все на самом первом занятии с Лукой, после которого рыжий десятник и зачислил их в ученики. Отроков это событие не просто воодушевило, а, пожалуй, наполнило некоторым избытком самоуверенности. Ведь приготовились невесть к каким трудностям, а воинская наука оказалась вполне всем по силам. То, что при этом вымотались, в их возрасте

невелика печаль, а синяки и ссадины, кои обильно покрывали плечи и спины, совершенно не огорчили – мало ли их в драках да проказах получено? Дело привычное.

Зато мнение о самих себе, как о будущих непобедимых воях, которыми всегда славилась сотня, поднялось невероятно, и те приятели, что не попали в учение, вдруг стали в их глазах мелюзгой, с которой возиться теперь зазорно, хоть еще вчера они все вместе носились по улицам Ратного. Еще бы! Сам дядька Лука похвалил, перед строем сказал, что будет с них толк. И ведь заслужили! Никто не опозорился, не отстал и не струсил. Не так оказался страшен черт, как его старшие братья расписывали.

Чего уж там – не они первые через это проходят. Вон и встречные ратники смотрят по-доброму, и новики, хоть и лыбятся, но без подначек, только между собой переглядываются да переговариваются. Видно, и до них дошло: не могли теперь этих ребят задевать – они хоть и ученики, но воинские. И понимали мальчишки, что день этот первый, и дальше тяжелее будет, а все же носы сами задирались вверх.

Но оказалось, что учеба началась на следующий день. Настоящая учеба. Вот тут-то ребят и стало припекать. Добрые в первый день наставники, дядьки, всем хорошо знакомые и приходившиеся родней и соседями, вдруг оказались начальными людьми, жесткими и совершенно нечуткими к мальчишечьим страданиям. К концу первой недели даже прополка огородов, которую до этого ратнинские отроки ненавидели всей душой, искренне почитая ее девчоночьей работой, недостойной мужей, многим теперь виделась неплохим и вполне уважаемым занятием. И не у одного из отроков по дороге домой нет-нет да мелькала предательская мысль: а стоит ли задранный перед сверстниками нос того мучения, которое приходится претерпевать? Вот бы еще годик-другой побыть мальцами, а учениками воинскими и через год стать не поздно; правда, даже себе в такой слабости никто не признался бы, не то что высказать подобное вслух.

Раньше-то, старшие рассказывали, так и было: кого чему отцы дома научат, то и ладно, потом в новиках уже десятник все одно к делу приставит. Теперь и из старших мало кто вспоминал, что ТАК стало не так уж и давно, а совсем раньше и вовсе иначе было – жестче и строже: из дома на учение забирали в воинскую слободу.

С каждым днем учеба становилась все тяжелее и тяжелее. Вроде и занимались, как и прежде, от восхода до обеда, и нового ничего не делали, а все же... Гоняли их десятники в хвост и в гриву, да и сами отроки не ленились, а облегчение, про которое говорили старшие братья и отцы, и не думало наступать. Напротив, если вначале еще хватало сил на то, чтобы хоть осмотреть себя перед сном да посчитать синяки и ссадины, то вскоре только умыться, поест и поспать получалось.

Ладно бы только одни наставники донимали, так ведь и сами мальчишеские тела, прежде послушно и быстро восстанавливавшие силы после любой усталости, теперь словно с глузду съехали. Отроки и не задумывались до того, сколько у них разных членов да частей имеется. Ну, может, надранные матерью уши да ушибленные коленки различали, когда припечет, а нынче поняли, что ТА боль – сущие пустяки!

Мало того, оказалось, что все части тела между собой словно поссорились: каждый кусочек тянул свою песню и требовал к себе особого внимания. И если после неслучайной утренней пробежки все вроде более-менее уравнивалось, и до самого обеда внутри жило только стремление победить, стать первым, то, как только ноги переступали порог родного дома, плоть закатывала настоящий скандал. Каждая косточка и каждая жилка вопили и умоляли только об одном – лечь и не шевелиться! Но дух, исходящий от печи, из которой сердобольные матери уже доставали сытный обед, выворачивал нутро наизнанку, и этих страданий не могли заглушить даже телесная боль и усталость. Утроба завывала, урча, попискивая и сжимаясь в корчах, пока в нее не падала первая ложка каши, но и тогда не успокаивалась: перемалывала и

требовала еще и еще, не в силах остановиться. Казалось, невозможно набить ее полностью хоть когда-нибудь.

Но не зря Лука в первый же день самолично обошел всех вдовых баб, сыновья которых пошли к нему под руку, поучая, как кормить отроков, чтобы по доброте душевной и материнской любви не случилось беды. За прочими-то отцы проследят, а на вдов надежи мало. Вот рыжий десятник и напоминал им старую воинскую мудрость, что глаза всегда голоднее брюха, да строго-настрого велел соблюдать умеренность. Желających перечить ему не сыскалось, даже те, кто ему родней не приходился, понимали: коли сыновья ступили на воинскую стезю, то материнская власть над ними не то чтобы вовсе кончилась, но перед властью десятника отступила; за подолом теперь дитятко не спрячешь. Да и главы других родов Говоруна поддержат, еще и от себя добавят при необходимости. Вот и давили матери в себе жалость, которая порой сильнее разума.

Пока утроба буйствовала, остальные части тела помалкивали, но стоило ей хоть немного притихнуть, тут же подавали голос и требовали своего. Голова вдруг вспоминала обо всех полученных оплеухах и затрещинах, ударах и ушибах, о том, что поднялся отрок ни свет ни заря, и не мешало бы ему прилечь. Глаза вполне с ней соглашались и закрывались при первой же возможности. Да так, что и моргнуть порой не получалось – опустившись, веки словно слипались и наотрез отказывались подниматься.

Шкура ныла, что ее весь день обжигало солнце и трепал ветер, царапали кусты и заливал пот, а потому она горела и чесалась, мешая уснуть. Горло, не желая отставать, напоминало, что весь долгий день безропотно гоняло через себя холодный воздух, и обиженно пыталось изобразить простуду, совсем забыв, что такая роскошь воинскому ученику просто не положена. Голосили бока, намятые в учебных схватках, и плечи, натруженные двумя мешками с песком, заменявшими вес доспехов. Даже мальчишеская задница, уж на что, казалась бы, более прочих закаленная и привычная к всяческой несправедливости и превратностям судьбы, так и та, получив за день не один пинок, глухо ворчала, возмущаясь недостаточно мягкой подстилкой.

Но самым подлым оказался мочевого пузырь. Если нутро и задница еще худо-бедно считались со своим хозяином и как-то поддавались уговорам, то этот своенравный злыдень почитал свои потребности наиглавнейшими. Едва отрок закрывал глаза, как тотчас эта подлая часть тела давала о себе знать. И если даже к боли можно как-то притерпеться и уснуть, то выносить пытки этого изверга возможности не представлялось. Вот и выбирался парень под возмущенные вопли всей остальной плоти, ругаясь и охая, из теплой постели и по кажущемуся спросонок ледяным полу бежал к выходу, а там, сунув ноги в не менее ледяные сапоги – к нужнику. И хотя при этом с удивлением обнаруживал, что на дворе уже давно вечер и, стало быть, проспал он полдня, благодарности к мучителю это открытие не добавляло.

Что же касается утра, то оно само по себе стало теперь для несчастных отроков отдельной пыткой, измышленной и устроенной, по их мнению, специально для них бессердечными наставниками, сговорившимися каким-то образом с ратнинскими петухами.

Эти петухи из прочей домашней живности злобным нравом ранее не выделялись, зато теперь показывали его в полной мере. Все воинские ученики пребывали в твердой уверенности, что именно петух – самое глупое и подлое существо на свете, и поняли наконец, почему их отцы и братья без содрогания рубили головы главам куриных семейств при малейшем подозрении на их несостоятельность в качестве продолжателя куриного рода. Действительно, ну кто еще позволит себе безжалостно орать во все горло над ухом человека, все мысли которого даже во сне устремлены к отдыху?

Подъем с постели сам по себе стал тем еще удовольствием. Перетруженные и потянутые накануне жилы и кости отзывались такой болью при первом же движении, что отрок, только собрав в кулак все мужество и упорство, заставлял себя подняться без стонов и оханья.

После этого следовало выскочить на улицу, не забыв посетить нужник, и ополоснуться ледяной водой из бочки. Впрочем, последнее приводило в ужас только первую неделю, а затем, распознав средство, заставлявшее замолчать все остальные болячки, отроки уже с охотой разбивали намерзшую за ночь корку льда и с уханьем плескали на себя ковшами студеную воду.

Завтрак пролетал на удивление незаметно, но мальчишки и не рвались плотно наедаться и всячески противились попыткам сестер и матерей впихнуть в себя лишний кусочек. Все хорошо помнили, как на третий день занятий после трех кругов вокруг Ратного их почти поголовно вывернуло на подтаявший снег. Еще раз заниматься рукопашным и мечным боем на палках после приступа сильной рвоты желающих с тех пор не находилось, не говоря уж о том, что им же пришлось и подчищать все после себя.

Разминка, следовавшая сразу за утренней пробежкой, приводила первые дни в отчаяние даже Веденю и Одинца, лучше других подготовленных к учению. Бесконечные наклоны, приседания и прогибы доводили их до рычания, правда, беззвучного, про себя. А увесистая дубовая дубина, которую приходилось держать в поднятой на уровень плеча руке до полного изнеможения, да еще так, чтобы не расплескалась поставленная на сгиб локтя миска с налитой до края водой, и вовсе ночами снилась в кошмарах.

В первую же неделю занятий к ним неожиданно присоединились двое новиков из десятка Луки. Отроки сперва и не поняли, зачем. Кое-кто рассудил, что этих парней наказал Лука – решил для науки и в назидание прочим погонять нерадивых вместе с мальцами. Впрочем, это заблуждение быстро рассеялось: новики оказались на хорошем счету у десятника и «учились» вместе с мальчишками не в наказание, а ему в помощь. Если наставники чаще стояли в строенке и только командовали, то новики занимались наравне с учениками, и не с прохладцей, только для виду, а старались при этом изо всех сил, разве что получалось у них все делать не в пример легче и сноровистей, и в беге они оказывались всегда впереди.

Отроки с завистью поглядывали на ладно подогнанное снаряжение и брони прибывшего пополнения. Мальчишкам их собственные сплетенные из ивняка «брони» уже давно казались дополнительной пыткой, как и прочие «издевательства», злонамеренно измышленные коварными наставниками, чтобы допечь учеников посильнее. Эти нелепые на их взгляд «корзины» немилосердно натирали бока и кололись самым невероятным образом, доставая до тела, несмотря на войлочный поддоспешник и рубаху. Да и поддоспешник, какой-то неправильный, натирал тело в самых неожиданных местах и несколько не облегчал жизнь. Мучения усиливали и мешки с песком на груди и спине. Легкие поутру, к обеду они тянули к земле не слабее, чем целая телега с зерном. Вот и начались разговоры, дескать, хорошо им! В таком-то доспехе каждый бы смог!

Новики только ухмылялись – давно ли сами так же думали. И однажды перед утренней пробежкой, посмеиваясь, предложили самым сильным из учеников пробежаться разок в боевом снаряжении, пусть и без оружия. Все четверо «счастливчиков» попадали на землю в изнеможении уже на втором круге, после чего никто больше не рвался надеть на себя настоящую кованую кольчугу и шлем, начав, наконец, понимать, чего стоит та уверенная и вместе с тем легкая, почти скользящая над землей походка ратников и какими усилиями она далась.

* * *

– Дышишь, глазами лупаешь... – Одинца вывел из забытья чей-то насмешливый, но не злой, а скорее ободряющий голос; в своем непонятном обалдении Ефим не сразу узнал, кто это с ним говорит. – О! Все как у людей. Бывает...

Парень почувствовал, как мотнулась его голова от пощечины, и обожгло щеки. Мысли вроде как сразу прояснились.

– Во! Уже и соображать начал. Гляди, в порты напрудил. Значит, отошел почти.

Только сейчас Одинец понял, что над ним хлопочет дядька Игнат. И он сам уже не стоит на своих ногах, а лежит на травке. Неужто все ж таки сомлел и не заметил? Да еще и под себя отлил? А Игнат хлестал его по щекам, тормозил, насмешничал, хоть и не обидно совсем, скорее по-доброму.

– Давай-давай! Тебе раньше других подняться нужно, – продолжал ворковать Игнат. – Раненым или там убитым, это одно дело, а вот с мокрыми портами десятнику валяться никак неуместно. Да и мне помощь требуется. Вставай, говорю! – рывкнул внезапно наставник над самым ухом.

Как же не хотелось вставать! Лежал бы и лежал... – и вдруг опомнился. Что значит, «десятнику неуместно»?! Это же про него дядька Игнат сейчас так сказал!

Одинец начал подниматься и неожиданно почувствовал противную холодную мокроту: и впрямь в порты напустил. Стыдоба-то какая!

Кровь разом ударила в голову, прочищая мозги и заливая краской едва не все тело. И чего, дурак, развалился? Увидит кто, не дай бог! Что делать-то? И запасных портов нет.

– В воду сигай! – подсказал Игнат, словно прочитал его мысли. – И для тела польза, и греха никто не заметит. Давай, не жди! Река за кустами, шагов пять всего.

Одинец поспешно ломанулся в указанном направлении, думая только о том, чтобы проскочить незамеченным мимо остальных отроков: дядька Игнат не выдаст.

Вода и впрямь принесла облегчение, и телу, и душе, но в голове сразу же роем ос зашумели мысли: «Лошадей же должны пригнать! А поклажа на ком осталась? Или все так и лежат пластом? И посты не расставлены... Ой, в старого козла жопу, дел-то сколько, а я тут как девка, ежа родившая!»

Одинец вылетел из воды, словно за ним кто гнался.

– Сделаю, дядька Игнат! – зачем-то рывкнул он неведомо кому, потому что Игната рядом не оказалось, и ломанулся через заросли тальника назад, к месту недавней схватки.

А там работа явно не клеилась. Отроки, тоже все будто пришибленные чем, как только что сам Ефим, с трудом поднимаясь на ноги, двигались, как прихваченные осенними холодами мухи. Тяпа с Ершиком вразвалочку собирали вдоль опушки хворост для костра, Коряжка с Дубцом чего-то мудрили у огня.

– Я что, тебя враспырку вместо рогаток поставить должен? Сейчас все поднимутся, тебя самого сожрут! – неведомо с чего озверевший от этого зрелища Одинец налетел на топтавшегося у костра Ипата Коряжку. – Котлы ладь! Кашу готовь! Одними зайцами не обойдемся... – и тут же почувствовал, насколько оказался прав. Брюхо словно только ждало напоминания о еде: взвыло и вцепилось то ли в хребет, то ли еще куда, но, похоже, готовилось уже слопать своего хозяина.

Над травой, в которой вповалку лежали еще не пришедшие в себя отроки, поднялась рыжая голова.

– Бронька, жопа рыжая! За пленниками кто смотрит? – накинулся на парня Одинец. – Поднимай своих и бегом на пост! Сбегут, тебя вместо них дядьке Аристарху сдадим!

– Сделаю! – спохватившийся Бронька уже стоял на ногах. – Подъем! А то корни пустите! – рывкнул он остальным, и четверка отроков порысила к дереву, у которого еще недавно допрашивали чужого ратника.

Заметив чуть в стороне от остальных Талиню, стоящего на коленях перед девкой, так и лежавшей без памяти, Одинец кинулся уже к нему. Рана на груди, хоть и был это просто длинный порез, снова начала кровоточить, и ее саднило от мокрой повязки и пота, а от этого злости на нелепые и беспорядочные действия товарищей только добавилось.

– Что, не хочет приходить в себя? – он отпихнул в сторону Талиню. – Сейчас поможем! Коряжка, ведро давай! – и резко выплеснул на девку холодную речную воду, зверски глянув на

попытавшегося было помешать «спасению» парня. Девушка дернулась, нелепо дрыгнула ногами и, прежде чем открыть глаза, заорала – видимо, на всякий случай.

– Сам ее утихомирь! Быстро! А потом гони к раненым... – перекрикивая девичий визг, скомандовал Одинец, а за спиной у него уже мялся Коряжка.

– Ну и чего ты топчешься? Поплясать захотелось? Сказано, кашу ставьте...

– Так, эта... Крупу-то где брать? Нет у нас крупы... – Коряжка растерянно хлопал глазами и смотрел так, словно только что Ефима узнал, а до того в жизни не видел – очень уж тот резко изменился. Привыкнуть к старому приятелю по играм как к начальному человеку он еще не успел, но что делать, спросить оказалось больше не у кого. Не идти же из-за каши, которую непонятно из чего варить, к наставнику?

Одинец думал всего мгновение: решение явилось само, будто только и ждало вопроса.

– Бронька! Оглох, что ли?!

– Здесь я... Чего?

– Барахло этих притащили?

– А то! Вон, у костра свалено... – Волосы Броньки, и без того огненные, казалось еще больше порыжели от обиды. – Мы ж не совсем на голову покалеченные, понимаем.

– Ну и чего стоим? Кого ждем? – Коряжка даже сморгнул – не послышалось ли? – настолько точно Ефим воспроизвел любимое присловье всех десятников Ратного. – Перетряси барахло, там харч непременно должен быть. Их шестеро шло – нам хватит. Бегом!

Одинец рывкнул совсем как дядька Игнат недавно на него самого, удивляясь прорезавшейся уверенности в своем праве командовать и еще больше – тому, что приятели до сих пор не наломали ему за это шею, а напротив, выполняли все распоряжения без малейших возражений. Это оказалось настолько необычно, что требовало отдельного осмысления, только времени на это сейчас совершенно не оставалось: донесшийся из леса стук копыт и треск валежника поднял на ноги всех в лагере.

По команде Одинца отроки сгрудились у костра, похватав самодельные копыя, в которые превратились ножи. Тяпа и Дубец схватились за топоры, а самому Одицу достался меч чужака, хотя и выглядел он с ним, как медведь с ложкой.

Но, к счастью, это оказались свои: отроки, отправленные за лошадьми чужаков, нашли их и пригнали на поляну. Из леса гуськом вышли девять коней – двое вьючных, с немалой поклажей, да и на остальных висели набитые переметные сумы.

Гнали этот небольшой табунчик пятеро посланных на поиски отроков, возглавлял которых Елпидифор Крас. С прозвищем ему не очень повезло: так уж сложилось, что христианское имя в семье не прижилось вовсе и поминалось только в церкви. Не страшно конечно, многие в Ратном неудобопроизносимые христианские имена сокращали и переименовывали для домашнего обращения, но тут бабы перестарались – чуть не приклеили парню прозвище, которое едва не сделало его посмешищем среди сверстников. Уж больно он на лицо удался пригожим, прямо как девка, вот и умилилась родня: «Красава наш, Красавушка». Да ладно бы в семье так называли – они и по селу его понесли. Вот отроку и пришлось с малых лет от насмешников отбиваться. В конце концов оно сократилось до Краса, так и осталось. А вместе с ним – задирный нрав и самолюбие, местами чрезмерное.

Крас направил коня к Игнату, чтобы доложить наставнику, но тот махнул рукой в сторону Одица. Крас хоть и покривился при этом, но коня повернул – с десятником не поспоришь.

Поспели ребята как раз вовремя. Коряжка с Дубцом и пришедшим им на помощь Лаптем в огромном котле, тоже взятом у врага, наспех приготовили болтушку из найденной в добыче муки и мелко покрошенных зайцев. Не домашние разносолы, конечно, но зато сытно, много и, что важно – быстро, а то отроки, проходя мимо костра, излишне заинтересованно поглядывали на кашеваров.

Все уж собрались ложки тянуть из-за голенищ, но Одинец заступил дорогу оголодавшему.

– Крас, бери в помощь Ершика, коней разгрузите и обиходьте, стреножьте – и пастись. Тяпа, Дубец! Нарубите жердин и какую-никакую загородку соорудите. Кони боевые, сами видите. Уйдут, во второй раз не сыщем. Бронька!

– Здесь я!

– Караул по двое кормиться будет. Двое стерегут, двое кормятся. Ясно?

– Сделаю, старшой!

– Остальные стол готовят. Негоже каждому на своей кочке ложкой махать, да и посуды у нас мало.

Он и сам уже готов был котел вместе с костром и рогульками заглотив – так есть хотелось. Но это другой, вчерашний Одинец мог бы стучать ложкой по котлу, ни о чем больше не думая. А вот нынешний, тот, который перешагнул порог первого боя, первой потери – пусть и не самого близкого друга, и первый раз увидевший страх врага, его слабость и его силу, просто не обратил на капризы прежнего ни малейшего внимания. Оставил ему какой-то дальний закуток, не позволяя высунуть даже носа.

– Крас, что стоим? Кого ждем?

– А пожрать? Со вчерашнего вечера не жрали...

Расправив плечи, парень вызывающе глянул на Оди́нца, явно намереваясь настоять на своем праве. Допускать этого было никак нельзя – это Оди́нец понял сразу. Но в ухо заехать и заставить подчиняться не стоило: в драку кидаться глупо, силы-то примерно равны. И опять ответил Красу не прежний Оди́нец, а новый:

– Котлы с кашей не кони, не разбегутся, – спокойно, не замечая сжатых кулаков приятеля, проговорил он и, небрежно пожав плечами, бросил, отворачиваясь, – а коли не желаешь... Клим!

– Ну, здесь я... – отозвался Климка Слепень, получивший свое прозвище из-за больших зеленых глаз и волос непонятного светло-коричневого с серым оттенка, гривой спадающих на спину. Да и норы его вполне оправдывал. – Чего?

– Берешь коноводов под свою команду. Разберешься с конями, гони своих умываться на реку и к котлу. Там всем ровно поделят, никто голодным не останется.

Крас, уже готовый взбунтоваться, а то и подраться с «выскачкой», словно в пустоту провалился. Вроде и грудь выпятил, и голову вскинул, а петушиться не перед кем. А уж после того, как задиристый обычно Слепень бодро гаркнул: «Сделаем, старшой!», а сам Оди́нец двинулся дальше, как мимо пустого места, тут уж парню стало совсем лихо.

Все чего-то делали, у каждого была какая-то цель, а он вроде и не нужен. Вон, Слепень без него коней расседывал, и Ермоха со Славкой слушались его, не отставали. Коряжка с Талиней тянули к столу, составленному из трех бревен, котел. Бронька с Лаптем несли караул возле полонян, Тяпа и Дубец махали топорами... Один он, Крас, получалось, остался без дела и, как последний дурень, не знал, куда деться. Идти работу просить? А к кому? К Оди́нцу? Так сам вроде его признать не захотел, да и стыдно, если уж себе не врать.

Про наставника ему и думать не хотелось: он же и велел Оди́нца слушаться. А когда все с работой закончат, да к котлу пойдут? Сесть к столу совесть не позволит, а в стороне от своих жаться тоже не дело.

Кулаки начали сами собой сжиматься, но тут из-под дерева поднялся не вмешивавшийся до сих пор Игнат.

– Оди́нец!

– Здесь, дядька Игнат! – вытянулся перед наставником парень.

– Ты вот что: пока все при деле, бери кашеваров, да в переметных суммах, что снимали с коней, глянь. Может, хлеба или еще чего к столу найдете. А то, смотрю, котел от ваших взглядов ежится. Давай! – ратник наткнулся взглядом на набычившегося в сторонке Краса. –

А ты тут чего к месту прирос? Работы не хватает? Не видишь, Славка один с конем никак не сладит? Бегом, пошел! Климке скажешь, старшой на помощь прислал.

– Сделаю, дядька Игнат! – у Краса полегчало на душе, словно ногу из-под копыта коня выдернул.

* * *

Весной в Ратном отроки не сразу признали старшинство новиков над собой. С какой это стати, мол, они тут будут распоряжаться? Десятники – понятно, а эти-то за что? Тем более что в первые недели ученичества парни показались мальчишкам тупыми и злобными мучителями.

Наставники все-таки вызывали уважение своими заслугами и возрастом, хотя и тут иной раз закрадывалось сомнение: как при такой склонности к бессмысленной жестокости и очевидных, по мнению отроков, глупости и упрямстве, именно этим дядькам удалось стать лучшими ратниками, да еще подняться в десятники? Не иначе, дурной силой и зверством подмяли под себя остальных.

А уж новиков – Евстигнея Коника с Еремой – новоявленные воинские ученики почти возненавидели. К тому же те доставляли им намного больше неприятностей, поспевая и при-мечая любую оплошность там, где наставники могли и не углядеть – не иначе, перед стар-шими выслуживались, оттого и лютовали хуже врагов. Особо невзлюбили ученики Ерему, уж больно тот задавался и цеплялся по мелочам. Разница в годах не велика, а туда же – держался с мальчишками подчеркнуто строго, будто они и не из одного села. Всем своим поведением подчеркивал, что не ровня отрокам, даже своим родичам.

Как-то раз, доведенные до отчаяния, они решили отлупить задаваку всем скопом, подга-дав момент, когда рядом никого из старших не оказалось. Попытка едва не закончилась нешу-точной бедой. Нет, ни Ерема, которого все это действие, казалось, даже развлекло, ни отроки, на удивление отделавшиеся всего парой синяков, сильно не пострадали, но вот подоспевший на шум Коник едва не загнулся от смеха. Выжил он только благодаря приходу наставников, появление которых и положило конец этой потехе. Повторных попыток отроки не предприни-мали, отложив свою страшную месть на потом. Когда выучатся получше.

Зато Коник – с лицом простоватым, пока еще покрытым мальчишескими конопушками, напротив, показался поначалу своим в доску. Не кичился тем, что сам уже новик, и не важни-чал – сразу позволил всем звать себя по уличному прозвищу, в отличие от Еремы, который за такое мог и по шее дать, как будто они не знали, что его все Селезнем кличут. С другой стороны, Ерема – имя короткое, его произнести можно на одном дыхании, а пока Евстигнея выговоришь, забудешь, зачем он понадобился, а на сокращенное «Стешка» получить по шее можно было уже от Коника: не баба, чай. А в остальном Коник держался по-свойски, смеялся вместе с отроками, если какая забава случалась, иной раз и сам шутил, не то что Ерема. В общем, отличался Евстигней Коник от учеников, казалось, только справой да выучкой.

Вот с ним-то и решил поделиться своими горестями отрок Захарка, которому в учении приходилось тяжелей других. Не по чьей-то злобе и не от того, что нагружали его больше прочих, просто так уж случилось, что до ученичества этот самый Захарка был в своей семье любимчиком. Старший брат погиб несколько лет назад и, кроме него, сыновей в семье не оста-лось, только четыре сестры-погодки, которые в своем братишке души не чаяли. Не то чтобы парень рос лодырем или неумехой, просто и сестрицы, и мать носились с ним не в меру и вся-чески оберегали, подпихивали лучший кусок да позволяли лишний раз отдохнуть. И от отца иной раз защищали тоже все скопом. Вот в учении воинском эта «забота» и аукнулось.

Захарка как-то раз пожаловался на свои тягости сочувственно кивающему Коник. Тот выслушал со вниманием и душевно пообещал такой беде помочь, чем сможет. Ну и помог...

Ох, знал бы тогда Захар, чем такая помощь обернется! Коник дело откладывать не стал, тут же вскочил на ноги и, махнув рукой, зычно отдал команду:

– Все ко мне!

Построил недоумевающих отроков и, подойдя к Луке, громогласно доложил, не забывая при этом сохранять на простодушной конопатой роже озабоченно-жалостливое выражение – ну прям матушка родная!

– Дядька Лука! Незадача у нас выходит! Отроку Захару в учении тяжело без меры. Непривычен он к этакому. Послабление бы ему нужно, покуда привыкнет.

Отроки переглянулись и пооткрывали рты. Алексей Рябой с Игнатом стояли тут же, невозмутимо слушая этот доклад, будто в нем ничего необычного не было, а вот физиономия Луки медленно наливалась кровью. От этого зрелища перепугались все, кроме Броньки – тот, напротив, облегченно вздохнул, как позже выяснилось, преждевременно. Он-то прекрасно знал, что коли краска к лицу дядюшки приливает разом – вот тогда жди беды, а если постепенно, стало быть, или забава впереди знатная, или еще чего интересное, но особо опасаться нечего, не гневается десятник.

Лука между тем поскреб броду, глянул в небо и уставился на опешившего от столь неожиданного поворота Захара и его ретивого «защитника».

– Так как, дядька Лука? Может, подмочь ему чем? – снова озабоченно подал голос Коник, будто не замечая, какое впечатление на всех произвела его выходка.

– Заткнись! Наслушались! – рыкнул десятник. Коник замер, преданно поедая глазами старшего, готовый по первому знаку исполнить любую команду. Лука же продолжил, но не грозно, а, похоже, озабоченно. – Значит, так! Помочь – поможем, мы не звери какие. Понятие имеем и сочувствие проявим. Сидор, Изосим, а ну, ко мне! И Ерема тоже.

По мере его дальнейших объяснений глаза у отроков постепенно раскрывались все шире и, в конце концов, едва вовсе не вывалились. Ерема изо всех сил старался сохранить невозмутимость, но не выдержал и к концу речи наставника откровенно ухмылялся.

– Ну и чего встали? Выполнять! – рявкнул Лука и, обернувшись к остальным ученикам, добавил: – Раз такое дело, то отдохните пока хоть сколько, соколы. Силы вам теперь понадобятся.

Захар уже понял, что влип основательно, и медленно, но верно наливался густой краской не меньше, чем Лука перед этим. При последних словах десятника он мгновенно побледнел и покрылся холодным потом; остальные, предчувствуя недоброе, нехорошо косились в его сторону.

Тем временем Ерема с помощниками рванули выполнять приказ. Вернулись они довольно скоро, но не одни. Сперва в воротах показались Тяпа с Дубцом, нагруженные парой сенников и охапкой тулупов. Ерема вышагивал рядом с огромной подушкой в руках. Следом за ними, не внимая никаким увещаниям новика, тянулась стайка баб и девок. Вездесущая и не в меру любопытная Верка, жена дядьки Макара, успела подсуетиться и на всякий случай прихватила с собой лоскутное одеяло, чтобы принять участие в непонятной пока, но обещавшей нечто необычное забаве.

– О, молодец, Ерема! – радостно встретил их Лука. – Давай сюда!

– Я гляжу, ты и баб прихватил? Тоже правильно, хвалю... – кивнул Рябой и обернулся к отрокам. – Ну, чего стоим? Видите, на пригорке снег сошел? Лапнику накидайте. Быстро!

Скоро на слое елового лапника улеглись оба сенника и подушка, а поверх них добавили пару тулупчиков.

Верка, с тихим восторгом наблюдавшая за происходящим, сунулась было предложить парням и свое одеяло, но, взглянув на Луку, почему-то передумала: хорошо понимала, когда и где встрять можно, а где лучше в сторонке постоять. Да и остальные, кто поумнее, глядя

на Верку, призадумались, только легкомысленные по молодости девки глазели на невиданное зрелище, приоткрыв рты.

– Ну и чего ждем, отрок честной? Располагайся. Я ж говорил, что мы не звери, мы со всем пониманием, – Лука ласково поманил к обустроенной на пригорке роскошной постели потерявшегося и чуть не плачущего от такого внимания Захара. – Сапоги только скинь, чтоб не попачкать тулупчики, да и ногам легче. А от холода ноги-то как раз под тулупчик спрячь...

– Дядька Лука! – Захарку уже трясло. – Дядька Лука!

– Сапоги, говорю, скидывай, а то вон девок попрошу... – почти шепотом добавил десятник, – им в удовольствие...

И будто по заказу со стороны девок послышалось хихиканье.

– А вам что тут понадобилось? Пошли отсюда! – на этот раз кровь к лицу десятника прилила мгновенно, и настроившиеся поразвлекаться девки только тут сообразили, что шутки кончились и лучше бы им исчезнуть. Желательно бегом. Спорить с рыжим десятником во всем Ратном дур не водилось, тем более что потом и отцам жаловаться бессмысленно – только добавят еще, пожалуй. Вот они и порскнули следом за предусмотрительно скрывшимися в воротах бабами.

Захара между тем уложили на сенники и заботливо прикрыли тулупчиками. Остальные отроки, тоскливо переминаясь, ждали неизбежного продолжения, и хоть своей вины во всем этом безобразии не чувствовали, ни на что приятное не надеялись.

– Ну что, соколы мои ясные! – Лука окинул оценивающим взглядом сооруженное ложе и напряженно замершего под тулупами несчастного Захарку, перевел взгляд на понурых мальчишек, хмыкнул и начал речь.

– Учение воинское, оно, как известно, требует немалого старания и приложения сил, это вам не девок по кустам за титьки лапать, хотя и там какая-никакая сноровка необходима. Пусть даже только для того, чтоб перед этими мокрощелками себя не уронить. Потому если задохлик и неумеха затеется, так разве что какая девка из жалости юбку задерет, чтобы совсем уд не отсох, но таких дур душевных еще поискать надо. У нас в селе, сами знаете, таких отродясь не водилось – поселение воинское, так что и девки с понятием растут, – наставительно поведал Лука. – А во всем ином, за что ни возьмись, непременно нужно какую-никакую силу приложить. Горшок, скажем, из печи вытянуть... У хорошей бабы и горшок соответственный, тетку Алену хотя бы вспомните, для примера. У нее небось и двухведерные горшки, как пушинки, летают. Но, с другой стороны, ежели на это дело поглядеть, то такая сила у бабы все равно дурная, и против обученного ратника ей не равняться...

Отроки маялись, снедаемые своими страхами, а десятник, словно забыв о том, с чего начал, принялся пространно разглагольствовать, хорошо или дурно для бабы владеть телесной силой, отвлекаясь по ходу дела и на историю поляниц, кои когда-то в поле выходили наравне с воями, и перебирая случаи из жизни Ратного, и вспоминая еще много чего, потом перекинулся на то, как становятся ратниками и как обучали в старину. Лука, как водится, подбирался к истинной цели своих рассуждений медленно и обстоятельно.

Но ничто не длится вечно, так что мысль, которую он намеревался донести до слушателей, наконец, прояснилась:

– ...Конечно, воинская наука нелегко дается, кто ж тут спорит? Да вот по-другому пока никак и никем не придумано, – сообщил он своим внимательным слушателям. – И постигать ее приходится только всем вместе. Вот вы вместе и начали. И бросать никого из своих товарищей на полдороге нельзя – в сотне у нас такого никогда не водилось, и впредь не допустим. А потому, если товарищ ваш Захар в обучении чрезмерно изнемог и притомился, то ваш святой долг – ему помочь и принять его ношу на весь десяток. А сам Захар, раз уж так вышло, будет числиться отныне при десятке, что хвост при кобыле – довеском. И особо не помогает, но и кобыла от него никуда не денется, хочет, нет ли, а за собой тащит. К занятиям он не способен

– ни бегать, ни как иначе утруждаться, сами видите, не может, стало быть, за него вам придется всем поровну его долю разделить и исполнять. Бег вот хотя бы взять: мера, которую вы все вместе пробегали, уменьшиться не должна. Допустить такого поругания ни я, ни прочие наставники никак не можем, ибо несем ответ перед обществом, поручившим нам ваше обучение. Так что теперь по утрам вместо трех – четыре круга вам следует положить, а когда земля подсохнет, то и пять. Снаряжение воинское Захару теперь без надобности, но без дела валяться оно не должно, непорядок это. Так что и справу его вам теперь тоже носить.

Лука оглядел понуро слушавших его отроков и сочувственно покивал им.

– Вы, гляжу, застоялись, меня слушаешь? Чего невеселы? Вот сейчас пару кругов вокруг тына пробежитесь для бодрости, а потом и занятия продолжим. Ерема! Коник! Вперед! Бегом!

Отроки пробежали меньше полкруга, когда Захарка не выдержал, спохватился и рванул следом за всеми, не надев сапог, боясь, что наставники удержат, покуда он их станет натягивать.

Занятия после пробежки пошли своим чередом, вроде как ничего и не случилось, только за спиной у Захара отныне и надолго были приторочены те самые тулуп и подушка. И имя он теперь свое крещеное мог смело забыть до самого принятия в ратники, да и тогда только славой воинской смог бы избавиться от обидного прозвища Хвост Кобылий или, для краткости среди отроков, просто Хвост.

Таким образом, легкая утренняя пробежка вокруг Ратного, что устроили им наставники в первый день, стараниями Захара возросла до четырех кругов и, наконец, на четвертой неделе по «прихоти» все тех же наставников обратилась в пять. Никто из отроков и не подозревал раньше, что бегать на самом деле так тяжело. Вначале-то казалось: чего там – пробежаться. Мало, что ли, приходилось им раньше носиться друг за другом наперегонки, порой и на большие расстояния. Но одно дело – пробежаться в охотку, как душа позволяет, и другое – как положено. Не останавливаясь, не замедляя движение, чтобы передохнуть, и столько, сколько отмерено.

Да еще наставники, в издевательство, наверное, заставили их поначалу бегать, закусив зубами обструганную палку – дабы дышать приучались сразу носом, а не всей пастью, как пояснили новики. После первых же дней такого учения многие мальчишки, ходившие до этого зимой к отцу Михаилу постигать книжную науку, вдруг вспомнили про семь кругов ада. Теперь они не сомневались, что и тот, кто писал Святое Писание, наверняка тоже постиг в юности вот такое же обучение ратному делу. Они только тихо надеялись, чтобы об этом же не вспомнил дядька Лука и не добавил еще два круга к пяти. «Чтобы, значит, как в Святом Писании было».

Но утренняя пробежка, хоть и казалась поначалу воплощением ада Господня, не осталась единственным подобным «удовольствием». Наставники заставляли и прыгать через ямы, и лазать через стену в рост взрослого ратника, которую сами же отроки и сложили из жердей. Учили ползать по земле, быстро и незаметно, да так, чтобы голова, а главное, задница, не торчали, словно кочки на болоте. А на оттаявшей весенней земле кишмя кишели и мураши, и другие козявки кусачие, и под одежду залезть так и норовили. И даже обычная сосновая шишка, когда она под брюхом, оказывается, тот еще подарок. Учили пробираться сквозь кусты, не делая различия между тальником, шиповником или боярышником.

А учение мечному бою чего стоило? Это в первый день отроки с неудовольствием косились на деревянную замену боевых клинков, стыдились их, дескать, как детишек малых вооружили потешным оружием. Всем не терпелось настоящий клинок в руку взять, вот и краснели от досады, когда наставники приказали крепить эти деревяшки к поясу, как боевое оружие. Но первые же отбитые, несмотря на толстые рукавицы, пальцы привели в разум даже самых отпетых гордецов. Если бы не почти материнская доброта деревянных клинков, то из учения, пожалуй, выходили бы не воины, а сплошь увечные калеки.

В Ратном, где стезя воина считалась единственно почетной и достойной для мужей, даже девчоночьи драки велись умело, без визга и дури, особенно когда отроков поблизости не ока-

зывалось, а уж у мальчишек, с детства отстаивавших свое право на первенство среди сверстников, и подавно приветствовались старшими. Но обучение настоящей рукопашной схватке только вначале казалось привычным к потасовкам отрокам легче и проще, чем мечный бой.

Столько нового они узнали про то, куда и как надо бить и как стоять или двигаться! Раньше им и в голову не приходило, насколько это не простое дело – кулаками махать. И что умение падать, не покалечившись и не ушибившись, спасло немало воинов. Но сколько шишек и ссадин надо заработать, пока этому научишься!

И учили их жестко, не жалея. Именно в этом отличились новики. Еще совсем недавно они сами так же бегали с плетенками на голове и деревянными мечами и прекрасно знали, когда ученик не ждет подвоха и где его легче всего подловить. И изгалялись при этом что Коник, что Ерема, как могли, ставя хитрые подножки и сбивая зазевавшихся отроков с ног без предупреждения. Ожидать подобной «подлости» приходилось в любой момент, пока шло обучение, в том числе и на утренней пробежке. И сбитый таким подлым приемом отрок, коли уж не смог увернуться, должен был не просто упасть правильно, а мгновенно откатиться, не мешкая и не путаясь в снаряжении, чтобы не получить сильного пинка, вскочить на ноги и продолжить бег. А это тоже, оказалось, целая наука.

Иной раз отрокам казалось, что вся учеба только и состоит из разного рода пакостей, нарочно измышленных, чтобы если и не прикончить или покалечить их, то довести до полного изнеможения. Или бешенства.

Конечно, каждый из них признавал, что без труда и преодоления боли и усталости воином не станешь – это в воинском поселении трудно не усвоить. И каждый готов был отстаивать с кулаками свое право и дальше получать синяки и набивать шишки. Но нет-нет да мелькали предательские мысли: вот здесь можно бы и не надрываться так, а здесь бежать помедленнее. От учебы-то не убудет, а все полегче. И кому какая польза, если ученик покалечится или упадет в изнеможении?

И хоть воинский пояс и ратная слава были заветной мечтой любого из отроков, но коли выпадал случай полодырничать, не упускал его никто, дескать, учеба не убежит, столько всего еще впереди: только в учениках ходить не меньше двух лет, да новиком три, а то и больше. Уверены были, что успеют и мечом намахаться, и в седле задницу намять.

Веденю, своего нового десятника, такого же отрока, как все, неожиданно выбившегося в «начальные люди» (некоторые и не поняли, с какого перепуга), и послать подальше могли: они-то не хуже его, тому же учены, что и как делать, сами знали.

И над новиками, что к ним приставлены, нет-нет, да и посмеивались между собой: чего они-то из кожи лезли? Перед младшими красовались или перед старшими выслуживались? Ведь уже новики и многому учены, а с мальчишками на занятиях всерьез упирались – и бегали, выкладываясь, и ползали, не за страх, а за совесть вжимаясь в землю, и получая свою долю всех прилагающихся к учебе прелестей жизни вроде мошек и шишек. И учебными палками махали старательно, огребая друг от друга тумак и ссадины полной мерой. Так чего им-то надо? Ведь через год-два пояса воинские получать.

А наставникам неужто так уж нравилось изгаляться над учениками? Иначе с чего они гоняли мальчишек до изнеможения? Неужели за столько-то лет отроки и без этого издевательства не выучились бы всему потребному? Не они ведь первые.

Но все это было вчера, да что там – еще сегодня утром. До этого Рубежа, переступив который, Ефим Одинец и оказался в странном отуплении, пытаясь понять и осознать нового себя...

Много позже они все вспомнят и переоценят то, что привело их к этому первому рубежу и помогло преодолеть его. Вспомнят, чтобы взглянуть на себя самих тогдашних по-новому.

Все они еще недавно даже и не подозревали о том, что этот рубеж – До и После – вообще существует. И именно он сейчас разделил всех на воинов и тех, кто ими уже никогда не станет.

Рубеж, который надо преодолеть, чтобы суметь идти дальше. Сколько еще будет в жизни таких рубежей, никто сказать не сможет, но этот – первый и значит – главный. Кто его перешагнет, назад уже не вернется и не отступится от последующих, так и будет рваться вперед. И даже если тело по старческой немощи, болезни или ранению отступит, уже не в силах двигаться, то душа воина так и останется там, у того из бесчисленных рубежей, который окажется для него последним. Но вот этот первый не забудется – тот, откуда и начинается Путь Воина.

Глава 4

Десятник Игнат. Наставник

Игнат стянул кольчугу и насквозь пропотевший поддоспешник, уселся под дерево и оттуда с интересом наблюдал за метаниями Оди́нца. Парень, хоть в целом и верно, но очень уж суматошно наводил в лагере порядок. То, как и следовало старшему, раздавал мальчикам приказы, заставляя всех двигаться, то вдруг хватался сам за совершенно пустяковое дело. Наблюдать за этим со стороны опытному десятнику было забавно, но и вмешиваться он не намеревался. Пусть пока сам справляется.

Вот когда возвращались коноводы, он встревожился не на шутку, ибо для появления Луки с боровиками было слишком рано, они разве только-только из хутора вышли. Со стороны леса Игнат своих пока что не ждал, и у него отлегло от сердца, когда он увидел мальцов с конями.

И опять Оди́нец не подвел, все правильно сделал, в драку не полез и Краса на место поставил. А когда весь десяток на его стороне, серьезной драки все одно не получилось бы – растащили бы. Но и оставлять парня в обиде тоже нельзя, потому наставник и сказал свое слово. Ну, заносчив Крас, ну, поглупее Оди́нца того же, зато наездник от бога, да и не дело позволять молодым меж собой собачиться, особенно пока еще непонятно, чем закончится их выходка.

И все же этим мальчикам полегче приходилось, хоть и гоняли их Лука с Рябым, да и сам Игнат спуску не давал. Вот в его время...

Старый Гребень был мастером на выдумки, и все они для воинских учеников оборачивались лужами пота. Как только не кляли старого воина мальчишки, каких только мучений не желали ему шепотком, а вот прошли годы, и выяснилось, что лучшие десятники вышли из-под его руки. И пока жив был старый воин, из каждого похода они приходили с поклоном и дорогим подарком к тому, кто подвергал их в отрочестве стольким мукам и выучил стольким премудростям. И самой главной – как другими в бою распорядиться, чтобы и их не сгубить без пользы, и дело сделать.

В первый же месяц занятий придумал Гребень забаву – назначать одного из учеников старшим на время вместо себя. С полными правами десятника. Когда он об этом объявил, отроки холодным потом облились: даже самые недогадливые из них уже понимали, что вроде и интересно ощутить себя начальным человеком, только вот что потребует взамен то начальствование? Не для развлечения же старый воин себя в подчинение мальчишке ставил и наравне с прочими выполнял приказы временного десятника?

Так и вышло... Игнату первому тогда досталось командовать. В десятниках он пробыл всего ничего – один короткий вечер, пока ученики подбегали рысью к реке, где собирались встать на ночь, и пока там устраивались. Вроде, казалось, все как положено сделал: и костры запалили, где надо, и место верно выбрал. Гребень слова не сказал за все время, взглядом не

упрекнул. Со спокойной душой улегся тогда Игнат спать, последним, как и положено начальному человеку. Едва глаза прикрыл, а над ухом Гребень, что тот ворон каркнул:

– Подъем! Становись! Сапоги не надевать!

И дождавшись, когда ученики, ослотившиеся от короткого сна, кое-как построятся, принялся за объяснения:

– Выспаться успеете, это не главное. А что главное для воина? Может, скажет кто?

Строй настороженно молчал. Поди, угадай, чего там у него главное. По его речам, так и навоз для воина не последнее дело. Да и не стал бы опытный ратник просто из баловства среди ночи поднимать, значит, была на то причина.

– Соплякам ум обычно через зад березой вколачивают, но вы ученики воинские, вам такое неуместно, а потому по-своему вас поучу.

Гребень помолчал, оглядывая строй, и продолжил:

– Какую оплошность допустил сегодня воинский ученик Игнат? Кто скажет?

Опять короткое молчание. У Игната тогда по спине сбегал холодный ручей, кажется, даже со льдинками.

– Сумеете объяснить – наказание на всех разделите, как и должно воинским ученикам. Нет – тогда ему одному вину нести.

– Команду ко сну подал рано... – кто-то из приятелей безуспешно попытался спасти Игната.

Гребень даже внимания на это не обратил. Еще несколько отроков голоса подали, но тоже не угадали. Сам Игнат, ну хоть убей, не мог понять, где допустил промашку, оттого становилось совсем уж тошно. И не наказание страшило, а то, что вдруг наставник сочтет его непригодным к воинскому делу?

– Вижу, до утра мне тут с вами стоять, а все одно не сообразите, – сжалился наконец Гребень. – Слушайте. Ноги для воина – все! Нет без ног ратника. Это ясно? Ясно, спрашиваю?

– Ясно, дядька Гребень! – нестройно откликнулись ученики, еще не понимая, в чем тут дело.

– Так... Далее... Ноги, стало быть, беречь надобно, а вы? Весь день по лесу да болотам лазили. Обмотками вашими хоть дорогу мости. А кто до реки спустился их простирнуть, дабы утром хоть сколько-нибудь почище на ноги накрутить?

Игнат чуть не взвыл с досады. Ну, сколько раз говорено, сколько дома отец учил, брат наставлял, а тут забыл! Умотались, конечно, за день, но как не вспомнил-то?

– О! – остановился напротив него Гребень, – вижу, дошло. А чтобы впредь не забылось, все обмотки ты сейчас сам переполощешь, выжмешь да развесишь у костра. А остальные тебя на бережку подождут, покуда занят будешь. Тебе урок и другим наука. Теперь только так и будет!

Ночь та для Игната долгой оказалась, да и для других не короче. Это уже после первого похода и первого боя он понял, что любил их старый рубака, как своих детей, оттого и гонял без жалости, и придирался к каждой мелочи.

Сам давно уже воин, Игнат вдруг почувствовал, как не хватало ему этого старого и жесткого человека, не хватало того, кто все знает и все понимает. Ему, опытному бойцу и который год десятнику, захотелось скинуть с себя ставшую привычной ношу, когда сам за все в ответе, вытянуться перед старшим, гаркнуть «Сделаю!» и кинуться выполнять приказ, не задумываясь ни о его правильности, ни о его своевременности. Просто потому, что есть тот, кто знает наверняка, кто опытнее и мудрее...

Но сейчас приходилось думать самому. Не было с ним ни старого Гребня, ни сотника, а был он – десятник ратнинской сотни и наставник над полутора десятками сопляков, которым он не должен выдавать своих мыслей даже самым слабым намеком.

Ни разу Игнат не попадал в такой переплет, да и кто из наставников попадал? До сих пор им доводилось в первый бой вести только новиков, но тогда их прикрывали опытные ратники. Мальцов-то они взялись учить от нужды, кое-как приноровились за прошедшее время, но в Ратном они под защитой были, а тут что делать? Кто и где учил, как тут быть? Так глупо потерять мальчишку! В голове билось одно: уводить надо немедленно отроков, уводить в Ратное, как можно быстрее! Пока не случилось еще чего-нибудь, ему одному этих желторотых нипочем не уберечь. Но уводить прямо сейчас никак невозможно: шестеро мальчишек ранено, не считая Талини с его шишкой, и девка эта в придачу. Да и пленные своим ходом далеко не ушли бы.

Любой ратнинский отрок с самого детства мечтал о том времени, когда его примут в десяток новиком. Именно после этого он считался, хотя бы для начала в собственной семье, уже не сопляком, а взрослым мужем, который на равных со старшими и в строй становится, и слово свое среди прочих сказать может. Да вот только новик еще далеко не ратник. И даже не в выучке и воинском опыте дело, хотя и они имеют немалое значение, но до того, пока зеленый юнец заматереет и войдет в силу, все одно старшим приходилось его беречь. Не только в бою их прикрывали, но и в работе, и в учении нагружали меньше. Задора у молодых всегда много, но перед зрелыми мужами они и телом послабее, и выносливости настоящей им не хватало. Потому и учили их десятники – без послаблений (хотя иным казалось, что безжалостно), но разумно, а особо ретивых порой и придерживали, чтобы по своей же глупости сами себя не загоняли до полусмерти. А для этого и кормежка требовалась правильная и своевременная, и сон, хоть и недолгий, но обязательный.

А уж совсем у сопляков, воинских учеников, тем более ничего не имелось, кроме горящих глаз да безмерного желания стать ратниками. Силой и хоть каким-то умением им еще только предстояло обзавестись, а пока что наставникам приходилось изворачиваться, чтобы мальчишки привыкли и выкладываться без остатка и жалости к себе, и в то же время, чтобы ненароком не сломать их раньше времени, как то молодое деревце, которому только предстоит стать нестигаемым дубом или ясенем.

Но тут за одно утро на мальцов столько всего навалилось, что и тертому жизнью мужу за глаза хватило бы. Вроде и сумел Одинаец расшевелить отроков, и даже делали они все неотложные дела как будто бодро, и ложками стучали на зависть, а как котлы опустели, всех враз и сморило.

Мальчишки, конечно, старались изо всех сил – глаза таращили, не хотели поддаваться накотившей слабости, но надолго их не хватило: вскоре завалились, кто где сидел, и сопели в обе дырки, разве что в третью не подпевали. Только Бронька с Потапом Лаптем держались, но их в караул назначили. Кабы не помощь берез, о которые они оперлись спинами, так парни давно бы сползли на землю.

Рыжий родич Луки крепился, понимая, что все три пленника сейчас повисли на его шее. Потап Лапоть на ногах хоть и стоял, но караульный из него никакой: похоже, на ходу, с открытыми глазами спал. Да так сладко, что и сам Бронька, глядя на него, едва челюсти не вывихивал от зевоты – выгляни медведь из кустов, пожалуй, и он убежал бы с перепугу от раскрытой рыкающей пасти караульного. Мальчишки и водой уже пару раз облились, и пихали друг друга в бока, но стоило им остановиться – и сами не замечали, как накрывало забытие. Только падая, понимали, что снова уснули. Тогда Бронька, поставленный за старшего, опять гнал подчиненного с ведром на реку, чтобы ненадолго взбодриться от холодной воды.

Игнат прекрасно знал, что сытный харч для намаевшихся отроков крепче сонного зелья, особенно после такого дня, но отправить караульных спать вместе с остальными он никак не мог. И так на многое, чего по-хорошему надо бы сделать, рукой махнул – не до того сейчас. Конечно, безобразие, что стан получился, как ночевка девок, которые по ягоды пошли, но хоть на это у них сил хватило. Мальцы почти сутки провели без сна, да и ночной переход сказывался: он ведь силы забирал гораздо больше, чем днем по солнышку, да после отдыха.

Потому и опасался десятник нагружать отроков, чтобы не сломить их телесно: последствий такого перенапряжения ни заговорами, ни травами потом не поправить.

Вот и пришлось этим троим за всех отдуваться. Тяжко им, но тут уж ничего не поделаешь. Пленный чужак не холоп и не обычный лесовик, ему в Ратное попадать ой как не с руки. Несколько часов для опытного воина вполне хватит, чтобы не только веревки перетереть, но и всех спящих вырезать. Потому хочешь – нет ли, а оставить караульных надо. Хотя и спят почти, а если пленник начнет копошиться, все равно заметят.

Самому же наставнику возле них сидеть тоже нельзя. Сидящего на месте подстрелить из кустов – милое дело. И Оди́нца, хочешь нет ли, а рядом с собой держать приходилось. Если самого Игната и подстрелят, старшой тревогу поднимет, да и еще одна пара глаз не лишняя, хоть и видят они только половину того, что надобно, а все же... Пусть через силу, но придется им караул нести – эти двое лучше остальных службу понимали. Бронька, хоть и болтун, но кровь Луки в сопляке уже сейчас чувствовалась. А Оди́нец и сам не лег бы: понимал, что нельзя ему спать. НАДО ТАК...

Но ничего... Не может быть, чтобы это надолго. Гонец боровиков поднял, и почти наверняка Ратное уже извещено, свои без помощи не оставят. Главное – продержаться.

Над рекой, по воде, звуки разносятся далеко и слышны отчетливо. Конский топот, приглушенный травой, Игнат воспринял, как пустыnnики – манну небесную. Кони шли тяжело, чувствовалось, что их гнали несколько верст, не жалея. Мальчишки, разбуженные караульными, только-только успели кое-как подняться, когда из-за зарослей тальника вывернули трое ратнинцев в доспехах и с ними десяток боровиков.

Ратнинский староста, возглавлявший отряд, направился напрямик к Игнату. Лука с Рябым и пятком лесовиков принялись споро прочесывать берег и, поднявшись вдоль полоски ивняка, разделяющего поляны, нашли место, где еще совсем недавно племяш рыжего десятника насмерть бился с чужими коноводами.

Игнат еще докладывал Аристарху о случившемся, когда старший боровик вдруг углядел среди отроков родственницу, со сна не догадавшуюся спрятаться, и решительно двинулся к ней, на ходу вытягивая из сапога конскую плеть. Девка заметила его слишком поздно и успела только пискнуть от ужаса и спрятаться за спину своего «похитителя».

Глава рода и не заметил бы защитника, будь тот из лесовиков, но отрок-то был ратнинским! Вероятно, это соображение тоже не стало бы серьезным препятствием в любом другом случае, но сейчас образ боровихи, всплывший перед глазами, несколько умерил пыл старейшины. Тем более что где-то на задворках сознания замаячила мысль и про остальных хуторских баб: не зря же они так заботливо «проводжали» «несчастную украденную». Похоже, откажись отроки захватить с собой Сойку, бабы сами погнались бы ее следом за ними.

Само собой, бабьего скандала боровик не опасался, ибо укорот любой глупости сыскать недолго; какой из него глава рода, если бы он всем волю давал? Однако бабы у него тоже не дурные: коли их что-то всерьез задевало, на скандалы они не сильно надеялись и хорошо понимали, чем дело могло закончиться. Но ведь и слова поперек не говоря, умудрялись пол в доме превратить в раскаленный поддон, на котором хлеба выпекают!

Но все равно старейшине перед сопляком отступать неместно. Боровик засопел и хмуро буркнул:

– Ну ты, слышь, отойди-ка. Мне девку поучить надобно. Не твое это дело – родственное...

Талиню едва ветром не шатало, но он и не подумал отступать, только набылчился. Куда отроку, похожему на обряженную в рубаху заборную жердь с растрепанной болотной кочкой на верхушке, дергаться против широченного, как городские ворота, мужа? И выглядел бы малец совсем смешно, если бы не глаза: окруженные чернотой почти до самых губ и придавленные сверху огромным синюшным отеком, они еще заметно плавали и косили, но решимость больше никого и никогда не допустить до своей избранницы читалась в них легко.

Впрочем, боровик не сильно впечатлился. И если заколебался на какой-то миг, то скорее из-за того, что тут же на поляне присутствовали и взрослые ратнинцы, но, видимо, решив, что тем в такое дело лезть не резон, только рыкнул для порядка:

– Ну, ты, малой, того... – и все-таки шагнул вперед.

В руках Талини само собой появилось самодельное копье, и хотя преимущество боровика все равно оставалось несомненным, что-то в этом раскладе все-таки изменилось. А уж когда пяток ратнинских отроков, мрачно поигрывая такими же самодельными копьями и дубинами, встал рядом с приятелем, мужик слегка призадумался. К нему тут же подтянулись несколько хуторских, но, к счастью, все эти передвижения, рискующие обернуться ссорой с новыми союзниками, для взрослых ратников не остались незамеченными.

– Э-э, тестюшка! Чего это ты? – к месту спора не спеша направился Аристарх. – Девку-то мы уже вроде у тебя сговорили? Или ты теперь на попятную идешь? Ты ведь уже и приданое за ней дал, помнится. Трех коней, которых жених у тебя вместе с невестой свел, – хохотнул ратнинский староста. – Так что не обессудь, но теперь наша она, ратнинская!

За спиной Талини раздался тихий не то всхлип, не то стон, и новоиспеченная ратничка едва снова не сомлела – то ли от удивления, то ли от радости. Аристарх покосился на девку и снова обратился к хмурому боровику:

– Поучить – дело хорошее, кто ж спорит? Чем крепче бабу бьешь, тем щи вкуснее. И вина всегда сыщется, и впрок не помешает. Я ее свекру передам – он сам и займется. Вы с ним еще свидитесь, когда медовуху уговаривать станете. Жердьяй в этом тоже толк понимает, так что договоритесь! – староста потихоньку оттирал отроков в сторону и заслонял их от боровика и его родичей.

Хуторские все еще косились на набычившихся мальчишек, но драться, похоже, уже не рвались, а смотрели на своего старшего, ожидая его слова. Аристарх тем временем заговорщически подмигнул отцу девки:

– Ты бы лучше свою плеть новому родичу подарил, что ли? Он еще не ратник, конечно, своей не имеет, но раз жениться решил, пора обзавестись, а то как жену учить? Да и ей самой ты слова своего пока еще не сказал.

Боровик довольно засопел. Ну, умен ратнинский староста! С большой головы на здоровую все как есть перевалил, да еще и ко всеобщему удовольствию. И по обычаю получилось, и не обидно. Вот с кем бы породниться! Да разве ж такой человек свою родню согласился бы женить на хуторской девке? И так хорошо получилось!

Аристарх, поняв, что гроза миновала, отшагнул в сторону и коротко кивнул Талине. Тот поспешно сунул свое копье в руки кого-то из отроков, дернул Сойку за руку, они сделали полшага вперед и вдвоем упали на колени перед боровиком. Боровик опять засопел, но быстро нашелся и величественно провозгласил:

– Ну, коли так... Девку, значит, отдаю. Эта... Смотри, стало быть!

Чего смотреть, он и сам, похоже, не знал. И понимал, что должен сказать что-то еще, а слова уже все вышли. Боровик явно уступал в красноречии ратнинскому старосте: не хватало привычки, да и в положение он попал такое, когда не понятно толком, что вообще с этим сватовством делать? С одной стороны, выходило, что девку ратнинцы взяли уводом. Если бы просто умыкнули, тогда бы и думать не о чем, все уже давно обычаем определено: в Ратное надо ехать, с родней и старостой договариваться. Но староста и так рядом стоит.

А с другой стороны, вроде как и без увода обошлись: сваты-то заранее приехали. Только все равно как-то неправильно выходило! Как ни крути, а без медовухи не разобраться! Боровик в очередной раз вздохнул и, так и не завершив свою предыдущую мысль, протянул «жениху» плеть:

– На! Держи. Учи, значит, сам, раз так...

Талиня, не поднимаясь с колен, неловко принял обеими руками подарок, начал бормотать что-то в ответ, тоже не совсем соображая, что же произошло, но боровик, который наконец сумел сосредоточиться на чем-то ему понятном и боялся снова сбиться с мысли, перебил:

– Ну! Учи, говорю. Чего задумался? Или мне с тебя начинать надо? Так я и вторую плетью найду!

– Да ладно тебе, Плетенюшка! Оставь ты их, – снова вмешался Аристарх, заметив, как при последних словах боровика Талиня растерял свою неуверенность и вновь насупился, а остальные ратнинские отроки, успевшие расслабиться, опять сгрудились вокруг него и Сойки. – Вишь, голову парню отшибло, не соображает ничего. Молод еще, глуп. Вот сварганит ему ваша девка щи жиже воды родниковой или горшок горелой каши на стол поставит, враз сообразит, зачем ты ему плетью подарил. А пока молодые тешатся, пошли-ка лучше свои дела обговорим. Эх, у тебя же на хуторе едва початый жбан медовухи остался, а мы впопыхах его прихватить и не сообразили! Сейчас бы в самый раз.

Слова Аристарха, предназначенные боровику, звучали спокойно и вполне дружелюбно, но короткий взгляд, брошенный им на мальчишек, только что не вогнал тех в землю. Во всяком случае, заставил сразу притихнуть и оставить все попытки продолжать «войну». Впрочем, воевать уже было не с кем: боровик, сраженный не столько недопитой медовухой, сколько тем, что Аристарх назвал его родовым именем, которое много лет уже никто не помнил (и как прозвал?), еще раз поглядел на Талиню, перевел взгляд на зардевшуюся от переживаний Сойку, хмыкнул и махнул рукой.

Лука между тем бродил по поляне, изучая следы, поклажу с коней чужаков, подошел и к пленникам, но особого внимания им не уделил – только глянул мимоходом в их сторону и, наконец, осмотрел трупы убитых. Одобрительно хмыкнул и уже после этого направился к строю отроков, который немного запоздало попытался выровнять пришедший в себя Одинец. Впрочем, строем это назвать было сложно. После короткого возбуждения, вызванного прибытием наставников и стычкой с боровиками, усталость опять стала брать свое и удивительно, что мальчишки хоть как-то еще умудрялись стоять. Лука осмотрел учеников и, не удержавшись, фыркнул в бороду.

– Слышь, Игнат, ты бы мальцов рогульками подпер, что ли, а то, неровен час, повалятся. Гони-ка ты их досыпать! Всех... Мы сами покараулим, – и рявкнул на отроков, безуспешно пытавшихся продемонстрировать бодрость. – Ну, что стоим? Бегом спать!

Коней перегнали в центр поляны, стреножили, и после нескольких рыков боровика молодые хуторяне заняли посты вокруг лагеря, а наставники собрались около Игната, чтобы выслушать его подробный рассказ о произошедшем.

Отрокам двух приказов и не понадобилось. До подстилки дошли уже похрапывая и закрывая на ходу глаза. Если десятник сказал «Спать!», значит, спать, только вот сон – штука хитрая.

Только что Бронька валился с ног, но одна мысль всю сонную хмарь неожиданно выдула из головы. Хоть и улегся парень рядом с остальными, но уснуть не смог. Раз крутнулся, уминаясь поудобнее, два... Устроившийся рядом Одинец открыл глаза:

– Ты чего? Спи...

– Ага... Уснешь тут... – уныния в голосе мальчишки хватило бы на весь десяток.

– Чего вдруг? – Одинец искренне удивился, так что сам почти проснулся. – Обошлось вроде все, чего теперь-то? А завтра с рассветом выходим – дядька Игнат сказал. Без сна скопытишься.

– Да-а... – протянул Бронька, – хорошо тебе... У тебя только мамка поругает, и то дома, а у меня вон дядька Лука злой, как лешак в засуху. Как приехал, так сразу плетью погрозил. Это тебе завтра в село верхом идти, а я, боюсь, в седло неделю не сяду... А дома батька встретит,

да дядька Тихон – у того ремень хуже плети. И братеньник еще старший... И года в ратниках не ходит, а поучить любит, хлебом не корми...

– Ох... Неужто все сразу выпорют? – такого результата их похода и сегодняшней победы над татями Одинец не ожидал. – Ты ж так и до нужника толком не добредешь...

– Не... Не все... – Бронька тоскливо улыбнулся в темноту, – братец, тот просто морду набьет. И не раз... И все нужники дома мои теперь...

– И что? Тебя все время так? – Ну не мог такого Ефим себе представить! Его отец, когда жив был, если и порол, то только за что-то серьезное.

– Не, дядька Лука справедливый... Зазря нипочем не накажет и другим не даст... А вот теперь точно.

– А теперь? Ты что, украл чего разве? Вон, двоих коноводов в полон взял!

– Во-во! И за это тоже всыплют... Отдельно.

– Нет, погоди! – Одинцу даже спать расхотелось от такой несправедливости. – В полон ты их взял? Взял! Караул справно нес? Справно. Чего ж тогда?

– Ага... Четверо с дубинками против троих с ножами, – вздохнул Бронька. – И то одному башку расколоть умудрились. Будь они половцами или, скажем, из ратных, а то лесовики! Да и не в них дело... – отрока захлестнула досада на себя за привычку путать мечты с жизнью и за несдержанный язык. А еще на судьбу-злодейку, которая так и норовила подставить ножку в самый неподходящий момент. – Поход-то этот кто удумал? Я! А что вышло? Карася убили... Этого мне дядька Лука теперь долго не простит! Он за шалость не сильно ругается, а вот за дурость и убить может. Да и тогда тоже... – Бронька махнул рукой, словно уже распрощался с долей ратника.

Голова у Ефима соображала плохо, смысл того, что говорил приятель, доходил до сознания, словно через плотное сено, хотя высказанное казалось вполне разумным. И сон от этого пропал совсем.

– Когда – тогда? – уточнил он.

– Когда Ведьку били, – совсем уже тоскливо признался Бронька и покаялся: – Я ж первый тогда отвернулся! Мамка пирог с мясом и чесноком испекла. Жрать хотелось – жуть. Ну не знал я! Не думал, что так обернется... – Слезы сами выступили на глазах – от злости на себя, от стыда, что рассудил тогда, как сопляк, а не воинский ученик. – Они же раньше сколько дрались! И всегда один на один. Честно. Не думал я, что Гераська такой паскудой окажется. И подпевалы его эти... Домой вернемся – порежу всех на хрен!

– Так! Все... – Одинец сквозь гул в голове уже с трудом разбирал, о чем говорил Бронька, но то, что успокоить сейчас парня необходимо, откуда-то знал точно. – Тут все мы виноваты, все и огребаем. Я вон тоже в тот раз домой торопился. И Карася не ты, а я не удержал, хотя должен был. Хватит дурью маяться, не девка. Спать! Наставник велел, значит, должны выполнять! А то вон котлы сейчас скрести пойдешь, если не спишься. Дядька Игнат пожалел нас, на утро оставил.

Взрослые мужчины засиделись почти допоздна, а потом лечь спать им так и не удалось. Ближе к полуночи в лагерь прибыли три десятка ратninцев на измученных быстрым переходом конях, в очередной раз прервав сон отроков, окончательно одуревших от частых подъемов после тяжелого дня. Впрочем, воспитательные меры прибывшие решили оставить на утро, убедившись, что все не так страшно, как думалось. Казалось, только улеглись, но тут крепкий, налитой, как гриб, молодой боровичок растолкал Луку.

– Что? – схватился за оружие десятник.

Боровик поднял указательный палец – внимание. И точно, в ночи раздался свист – сигнал, известный каждому ратнинцу. Кто-то в лесу искал своих.

– Поднимай всех! – командовал Лука и сунул в рот два пальца, высвистывая трель, которая подняла лагерь не хуже хорошего пинка.

Вскоре на поляну на взмыленном коне вылетел Леонтий – новик из десятка Егора – и почти сразу же, сказав несколько слов Аристарху и сменив коня, вместе со старостой и пришедшими этой ночью ратниками умчался назад.

* * *

Игнат почему-то в село отроков не повел, а свернул на те самые заброшенные выселки, откуда начинался их поход. Тут и велел располагаться станом. И, судя по всему, не на один день.

Первое утро после прибытия встретило отроков такой тяжестью, такой опустошенностью и в теле, и в душе, что одна только привычка к воинскому порядку, привитая наставниками, и подняла их на утреннюю пробежку. Одинец бежал впереди, проклиная в душе и это утро, и подъем ни свет, ни заря, и наставника, висевшего вместе с солнышком у него над ухом, и свое старшинство, на которое он, пусть невольно, но сам напросился. Проклинал – и все же не мог себе позволить остановиться или хоть немного замедлить бег. Не мог и все! То ли гордость, то ли упрямство держали его впереди остальных и заставляли зло выдыхать уже привычное: «Ух, раз!»

К обеду все вымотались окончательно, и даже аппетитно булькавший котел не вызывал особого интереса. Есть мальчишкам не хотелось. Хотелось упасть, где стоишь, и хоть самую малость подремать. Земля, покрытая пушистой пойменной травой, с силой тянула к себе, и если бы не бдительность Игната и злая одержимость Одинца, уставшего не меньше прочих, то дружный храп давно бы оглашал окружавший их лес, распугивая зверье в округе.

А перед Одином вновь встала неопределенность. На занятиях, пока поставленная наставником перед десятком задача казалась ясной и понятной, все шло хорошо, но стоило только исчерпаться уже имевшемуся заданию, как для него начинались мучения. Кого и куда определить? Когда и что делать? И самое трудное – кого это заставлять делать? Голова шла кругом.

От нарастающего чувства неуверенности и внутренней растерянности Одинец только злился. И на самого себя, и на наставника, не желавшего замечать его страдания. И совершенно не знал, что теперь делать. Вернее, знать-то знал, но вот как и что именно в первую очередь? Худо-бедно дело, конечно, двигалось, но даже отроки уже заметили, с каким скрипом.

Ефим принялся командовать своими приятелями в походе не от хорошей жизни и не от желания оказаться самым главным: просто получилось так, что больше никому. Там, на той самой поляне, пока шел бой с татями, да и потом, когда надо было просто гонять своих друзей, заставляя их выполнять очевидную и необходимую работу по обустройству стана, все шло хорошо, но уже на следующее утро, едва закончился завтрак, начались сложности.

Он быстро понял, что просто не знает, что делать. Хорошо, наставник тогда вмешался и не дал опозориться. Дальше вроде все пошло нормально, и в дороге складывалось, как надо, но когда они вернулись на выселки, Одинец вновь ощутил ту же растерянность. Нет, он в общем-то понимал, что первым делом сейчас необходимо найти то, что действительно важно, с этого и начать, только вот что это? Вот если бы дядька Игнат сказал...

Тоскливые размышления ученического десятника прервал свист караульного с дерева, словно специально тут посаженного под наблюдательный пункт. Караульный звал его, Одинца, как старшего, и приходилось лезть к нему наверх и там тоже что-то решать. Деваться некуда – полез.

То, что Ефим разглядел сверху, и впрямь удивило. По дороге, которая проходила на другом берегу неглубокого, но широкого оврага, что тянулся сразу за невысокими кустами, и вела

на Княжий погост, ехали телеги, груженные домашним скарбом. Но почему-то мужей на возах не видно – правили бабы, а в телегах сидели совсем малые детишки. Все свои, ратнинские. Другим здесь взяться неоткуда, дорога-то одна – на Ратное. Одинец понял: происходит что-то неладное и без дядьки Игната не разобраться. К нему и рванул с донесением.

Игнат, выслушав отрока, вскочил на коня. Ефим, вновь забравшись на дерево, видел, как десятник подъехал к первой телеге, что-то спросил и двинулся вдоль обоза. Бабы, сидевшие за возниц, что-то кричали, даже кулаками грозили, видно, ругались, но расслышать ничего не удалось. Наставник что-то спросил у бабы, что правила первой телегой, та в ответ то ли рявкнула, то ли выругалась и даже замахнулась на него кнутом. Одинец уже ожидал, что десятник ей сейчас по уху съездит, но тот только зло сплюнул и отъехал прочь.

Вернулся Игнат мрачнее тучи. О том, что там случилось, он так и не сказал, а Одинец счел за лучшее не спрашивать – и без того наставник за оставшееся до обеда время роздал отрокам оплеух и матов больше, чем за все прошлое время обучения, заводясь вся сильнее и сильнее. Чем бы все кончилось, неизвестно, да как раз во время обеда в лагерь из Ратного на телеге прибыл дядька Филимон. Игнат передал старику командование и умчался в село.

Глава 5

Фаддей Чума. Обретение себя

Красноватые закатные лучи, упавшие из открытого волокового оконца на стену, предупредили о скорой ночи. Вслед за ними с реки потянуло сыростью.

Весь день после бунта Фаддей провалялся колодой, прячась в доме от людских глаз, но на лавке всю жизнь не проведешь, и подниматься все-таки пришлось. Дуняша с утра одна крутилась по дому за хозяйку: Варюха лежала совсем никакая. Досталось ей накануне не бабьей меркой, крови потеряла много, даром, что из места, какое только лекарям показывают, да и страху, похоже, натерпелась, вот к утру и свалилась с жаром. Настена хоть и успокоила, что грязь из раны с кровью вымыло, не загниет, но несколько дней полежать придется, так что не работница она пока. Старшая дочь взяла дом в свои руки – и куда только девались девичья мягкость и скромность? Холопов не хуже матери к делу приставила, приказы отдавала почище иного десятника.

Младшенькая, Снежанка, которую Настена на время вернула к родителям, тоже помогала сестре, но хлопотала больше возле родителей – вон сколько всяких отваров по Настениным советам наготовила. И ведь помогали! Сам Фаддей целый день эти снадобья хлебал, и вроде отпускать начало, так что пришла пора подниматься. А как не хотелось! Покуда лежишь, спроса с тебя нет: немощен – и весь сказ. Даже самому себе не хотелось признаться, что не боль его на скамье держала, а страх перед людской молвой.

«Уй, позорище! Докатился! Это ж надо – сопляки бока намяли! Спасибо – не девки. У Корнея и они с самострелами ходят – тогда бы точно только утопиться или бежать куда из села от стыдобы.... Спасибо, стрелу, с которой на них кинулся, в жопу не воткнули. Или еще куда. С них бы случилось.

А слух-то теперь пойдет – наговорят, чего и вовсе не было. Не будешь же перед каждым порты снимать – доказывать. И непонятно, что теперь делать? Хоть бы Егор забежал, что ли. Или Савка... Поди, вернулся уже, умник.

Колодой вечно не проваляешься – не девка же, свои болячки нянчить. До завтрашнего обеда, край, до вечера еще как-то можно, а дальше как? Браги, что ли, хлебнуть? Или медовухи? Ума, конечно, не прибавит, но, может, хоть на душе полегчает?.. Ну нет уж, хватит – давеча дооблегчался!

Нет, все же подниматься надо. Все бока намял этой лежкой, а толку-то? Дуняша вроде говорила, банька готова. Не до жару, конечно, а только ополоснуться. А тогда после баньки и подумаю, как дальше жить, кому и чем поклониться за свою шкуру да за Варюху...»

Непонятно с чего накатила досада на жену:

«Вот ведь дура! Понесло ее! За детишек, вишь ты, вскинулась – родня же. После забрали бы – их-то не тронут... Корней хоть и не телок, но и он совсем малых из-под юбки резать не станет.

В схватке, правда, чего не случится, могли и дом запалить... Все равно, дура! Не полезла бы, так и я бы в этом дерьме не вывалялся! Как теперь людям на глаза показаться?!»

Фаддей не замечал, что сидит на лавке и ногами на шаривает сапоги – мысли в голове продолжали вертеться сами собой:

«Помыться сейчас да щей похлебать... Да и Варюхе чего ласкового сказать, хоть и дура!»

На улице почти совсем стемнело, даром, что летом ночи короткие и не так темны, как по осени. Луна поднялась из-за леса и сияла, как Варькин медный таз, так что темень только во дворах сгущалась, а на крышах хоть пляши. Отчего-то Фаддею вспомнилось, как старый Живун рассказывал, что именно в такие лунные ночи всякая домашняя нечисть на глаза людям попадает, хотя и не часто, конечно, а в другое время от людского взгляда хоронится. От этого воспоминания на душе стало немного легче. Чума усмехнулся – мысли вдруг какие-то в голову полезли, непривычные для него, неожиданные – добрые.

«Нечисть – она тоже не просто так заведена. Не для забавы же или чтоб девок пугать. Она к делу приставлена. Без хорошего домового ни баба с домом не управится, ни хозяйство путем не наладится. Если обидеть его чем – беда и разор. Недаром же подарки оставляем. Дуняше бы напомнить – Варюха-то никогда не забывает на столб у дома кусок хлеба или репу вареную положить. И неважно, что те подношения девки с парнями, загуляв за полночь, съедят – за это домовый не обидится... Надо же, даже нечисть к такому с понятием относится! А может, и сама она молодой бывает и у нее порой голова кругом идет?»

Возвращаться в дом Фаддею не хотелось. И думалось на вечерней прохладе легче, и не мешал никто. Прошлой ночью недосуг ему было рассуждать, да и днем только злость одолевала на все, что в голову приходило. И на Корнея с его сопляками, и на Устину, теперь покойного...

«Отвоевался Устин... Хоть и дурак упрямый, но ратник-то какой был! И не нам его теперь судить... Что ж, удачи ему у предков. Они его по достоинству примут – воины... Или христиане не к предкам теперь попадают? Ну и там уже наших много! Так что и у святого Петра, дай бог, чтоб ему место по душе досталось, Светлый Ирий ему...»

А вот на Егора Чума все еще злился. Кунье их десятник сторонкой обошел, а прошлой ночью в самое пекло влез! Ладно бы, если всем десятком, но десяток-то разбежался, только они с Егором, как два дурня, лаптем пришибленные...

Фаддей замер, рука, тянувшаяся то ли к бороде, то ли к затылку, так и зависла, не зная, за что ухватиться. Мысль, внезапно пришедшая ему в голову, никак не хотела лезть в привычный, положенный ей жизнью размер. А что, если и Егор с самого начала не собирался в драку лезть? Во двор к Устину он ведь за ним, Фаддеем, кинулся! А он сам за Варькой своей...

«Вот ведь, редька едкая, и тут дурь бабья всему причиной оказалась! Да ладно... Чего о них думать сейчас, о бабах-то? Нет, не складывается... Чего это десятник возле дома Устина вообще отирался, если лезть не хотел?..»

Рука все же решилась и заскребла загривок, затем переместилась на поясницу и, наконец, ухватила за колено. Взгляд Чумы словно примерз к одному месту. Ничего в том темном углу не нашлось, чтоб разглядывать, но казалось, оторви он взгляд от темени у стены амбара – и ускользнут мысли, до которых в другой раз еще и додуматься надо.

«Варюха, помнится, говорила, Егор вывел к вдовой Аксины ребятишек, которые то ли приходились Устину очень уж дальней родней, то ли малые уж совсем. Вот, стало быть, чего

он там ошивался! Но... Тогда выходит, не два дурня в десятке, а один. Зато какой! Самый настоящий, дремучий и...»

Фаддей запнулся, не зная, как определить величину собственной глупости. Ведь еще тогда, у Арсения ему показалось, что не просто так разбегался десяток: никто из ратников не хотел вступать в эту усобицу. И Егор Фаддея послал к ним не с приказом, а с просьбой. Так с чего он своего десятника простоватее остальных посчитал?

«Вот это отмочил ты, Фадюха! Такое даже Пентюх выдавал редко, только когда в ударе был. Выходит, я, как последний придурок, у Фомы сам поводок взял, да сам себе на шею привязал? А еще дивился, чего это Егор все в сторону глядел, да отмалчивался! А чего тут говорить, если телок сам в охотничью петлю голову за пучком старой соломы сует? Ох, редька едкая! И после...»

Не на звезды же полюбоваться Егору пристичило, когда он, десятник, вместо новиков собирался сам на вышку лезть? И меня, дурака, с собой тащил – как раз от дури хотел удержать... А ведь не удержал бы! Себе врать – дело последнее, полез бы я в драку, не помня себя, ой полез бы! Как шалый кобель в собачью свадьбу. В запале еще и самого Егора осудил бы, и от верности бы отрекся... Еще бы – десятник данного слова не держит, от боя бежит, верность договору не блюдет!

Ох, дурень! Ох, редька едкая! И ведь, как пить дать, в самую бы серединку поперед всех влез и сейчас бы вместе с Устином на погосте с предками беседы вел. А поутру и Варюху с Дуняшкой из села бы с проклятиями гнали... О Ведене и думать страшно... Не титешник. Он за мою дурь жизнью расплатился бы.

Так бы все и вышло, кабы не зверюга эта заморская!»

В душе опять полыхнули страх и боль, но сильнее всего хлестнула обида. Как тогда, в первый раз...

* * *

Воинская наука, которой потчевал их Гребень, давалась Фаддею легко. Меч словно сам к руке прирастал, едва он брался за рукоять. И седло под задницей жестким не казалось, и пешие переходы на многие версты только добавляли задора. Все к душе ложилось. Одно никак одолеть не получалось – своеволие... Даже не само своеволие, а что-то, что не давало вот так безоговорочно подчиниться старому рубака.

Бегать наравне с отроками тот уже не мог, в тенечке сидел и все больше новиков ставил на присмотр. Казалось, не осталось сил у старика, нечего, стало быть, ему и предъявить, кроме возраста и седин. Мало ли чего там в прошлом было. И у них самих будет не меньше! Так что хоть и выказывал уважение, как отроку перед старшими положено, но не более – восторженного трепета, как все прочие, перед старым воином Фаддей первое время не испытывал. Вот и дернул его как-то черт поперек слова Гребня встать. Оплеуха вышла у старика такая, что потом Фаддей полдня ходил, покачиваясь, все казалось, сейчас земля опять к небу завернется. Уже вечером, после отбоя старый воин подозвал к себе неслуха.

– Знаешь, что со щенком в волчьей стае случается, ежели тот до времени хвост из-под брюха выпростает? Вожак таких смертью наказывает. Однако люди не волки, потому новик, коли в учении, подобно твоему, взбрыкнул, так навеки пояса воинского лишился бы. Но и ты не девка за рукоделием, а ученик воинский. Стало быть, поутру за послушание наказание плетью примешь, а потом к отцу домой отправишься. Седмицу тебе на раздумья даю. Чего надумаешь, то и твое будет. Все понял?

Ничего тогда Фаддей не понял. Напугался, конечно, здорово, но только из-за того, что сообразил: из ученичества выгнать могут, значит, и воином потом ему не стать, а чего следовало понять – даже в голове не зашевелилось.

И плеть принял, не поморщившись, и дорогу в седле после порки претерпел. Родителю все обсказал, как было, ни слова лишнего не добавил. А вот отец... Фаддей, конечно, всего ожидал и к любому наказанию готовился, но не к тому, что случилось. Батюшка его за розгами или там плетью и не потянулся, выслушал сына с каменным лицом и вдруг до земли поклонился. Велел поклон этот до старого Гребня донести и благодарить того за науку, и еще прощения просить за позор. И вот это уже напугало Фаддея по-настоящему. Это его-то отец, лучший в сотне копейщик и наездник, отродясь ни перед кем шапку не ломавший, вдруг поклоны кладет и прощения просит? И через него, сопляка, такое передать не стыдится? Но самым страшным оказалось последовавшее за тем угрюмое молчание отца. Не скупившийся обычно на подзатыльники и затрещины, на этот раз он просто сидел, опустив голову, словно потерянный.

– Тять... а почему... – начал, не выдержав долгого молчания, Фаддей.

– Почему не сам к Гребню иду? – отец и тут не рассердился, но говорил, как будто через силу, не поднимая головы. Уж лучше бы рывкнул и вожжами поперек морды отходил. – А как я ему на глаза явлюсь? За тебя весь наш род теперь перед ним повинен... – вздохнул тяжело и вдруг добавил: – Ты вот чего... Коли за седмицу ничего не удумаешь – торбу в дорогу собирай. Нам с тобой тогда все одно в Ратном места не станет.

* * *

Фаддей словно в зимнее болото провалился, так обдали его холодом воспоминания. Пожалуй, ничего страшней в его жизни не случилось, даже в бою такого не испытывал – хватило той седмицы на всю жизнь. И ведь обуздал тогда старый вояка его гордыню и дурость. Если бы не он, пас бы сейчас свиней у кого-нибудь в холопах Фаддей, немолодой и все такой же глупый. И будь сейчас жив старый Гребень, глядишь, нашел бы слова, окоротил бы, утихомирил, а то и по уху опять бы съездил или плетью вытянул – ему можно. Уж точно тогда бы Чума такой дурости не натворил. Хорошо, Зверюга пришлая нашлась, а то бы...

И тут Фаддея как дубиной по макушке огрели:

«Вот и не верь Живуну! Вроде для ребятнишек сказки сказывал, а поди ты, как оборачивается! Он ведь не раз повторял, что все в этом мире едино. И те, кто для всего рода надобны, даже после смерти нас навечно не покидают. Если хоть один человек помнит об ушедшем к предкам, то и он сам недалеко, а коли нужда сильно приспее, то выручит и подскажет, а то и в разум вправит! Не надо никого звать и упрашивать, молить о милости – тут же все свои, на них завсегда положиться можно...»

Неужто сам Гребень? Да в такую Зверюгу? С другого боку глянуть, а в кого ему еще обращаться? Лесного зверя собаки в село не пустят... Ну не принимать же воину облик хорька?»

От таких мыслей, словно нашептанных кем-то на ухо, Фаддей помотал головой, хотя сам по три раза на дню старого рубаку весь последний месяц поминал. Выходит, сам его и позвал, так чего ж теперь удивиться? Не той породы Гребень, чтобы своих выучеников в беде оставлять!

Фаддей уже и не сомневался, что именно Гребень вытащил его из той помойной ямы, в которую он залез по своей дурости да необузданности нрава. И не хватало, пожалуй, только одного – посидеть со своим старым учителем и поговорить. Кто лучше него все поймет и подскажет, как дальше быть?

Тень у амбара шевельнулась и, сгустившись, выступила на освещенную луной часть двора. У сгустка тьмы проявились лапы и лохматый хвост. С усатой морды смотрели янтарно-желтые глаза. Не дойдя сажени до крыльца, Зверюга остановился. Фаддей был готов поклясться, что морду животного шевельнула едва заметная улыбка, такая же неровная из-за шрамов, как у Гребня.

– Дядька Гребень... – тихо позвал Чума.

Кот поднял голову. Фаддей начал было подниматься, но Зверюга, взойдя на крылечко, уселся рядом с ратником, словно приглашая для беседы.

– Ага... – Чума понимающе кивнул и осторожно опустился на место. – Оно конечно... Посидели молча.

– Дурень я, дядька Гребень! – вдруг выдавил из себя Фаддей и сам поразился: признать себя дураком, пусть и перед старым своим учителем? Чего уж – так оно и есть, да и не скроешь от старого воина ничего. И он сокрушенно повинулся. – Уж такой дурень!

Зверюга чуть наклонил голову, словно кивнул ободряюще – продолжай мол, пока все правильно говоришь. И тут Фаддея прорвало – он и не думал, что за годы на душе столько накопилось невысказанного. И обиды, и радости из него все разом посыпались. Кто еще вот так мог выслушать совершенно бессвязную покаянную речь Чумы, почувствовавшего себя сопливым новиком?

– Дядька Гребень, я ж им поверил! Они же словом воинским... Как не верить? Ты же сам всегда говорил, что всякому слову верить – дураком быть, а никому не верить – душу сгубить! Так я всем разве? Фома же тоже не чужой, свой он... Сколь раз в походы, сколь раз бок о бок бились, а ведь тут обманул! Может, и не врал прямо, но и всей правды не говорил. Полуправдой заморочил. А разве так честно? Как я мог его слову воинскому не поверить? Он же десятник! И сам клялся интерес всей сотни блюсти! Как могло случиться, что он меня так подставил, а, дядька Гребень?

Фаддей, совсем забывшись, то заводился и пытался размахивать руками, что-то поясняя, то, в запале неудачно дернувшись, охал от боли и под спокойным взглядом желтых глаз утихал, продолжая говорить размеренно и обстоятельно, но тут же снова сбивался на торопливую скороговорку...

– Тятя, ты чего?

Голос дочери за спиной прозвучал совершенно неожиданно, вырвав Фаддея из другого мира, в котором он рассказывал что-то очень важное не только старому Гребню, но и давно покойному отцу, старшему брату, совсем недавно погибшему от стрелы, деду, которого смутно помнил седым добрым дедушкой, всегда припасавшим чего-нибудь вкусненького для любимого внука, но знал, что и тот носил на пальце серебряное кольцо.

От нескстати прозвучавших Дуняшиных слов все это разом ушло, оставив Фаддея на ночном дворе в одиночестве. Чума глянул на своего собеседника, но Зверюги на крыльце уже не оказалось. Неужто привиделось? Морок какой или впрямь с ума сходить начал? А ежели не привиделось, то с кем тогда он тут беседу вел? Кто его из дерьма вынул? Ну уж нет! Вот теперь Фаддей точно знал, что ему делать. И не сказал старый рубака ни слова, даром что пришел в зверином обличье, а помог. Еще как помог!

Фаддей уже спокойно кивнул встревоженной дочери:

– Ничего, доченька... Хорошо все. Ты чего выскочила-то?

– Солнце давно зашло, с реки сыростью тянет, а ты сидишь в одной рубахе. Мамка велела душегрейку тебе снести, – Дуняша комкала в руках одежду: то ли сама придумала причину к отцу выскочить, то ли и вправду ей мать подсказала. Она поглядывала по сторонам, надеясь разглядеть, с кем Фаддей столько времени говорил, но ничего, кроме мелькнувшей у стены амбара тени не увидела – хорек на охоту вышел, что ли? – Пойдем, шей налью, и каша поспела. Вы же с мамкой весь день ничего не ели. Пойдем, тятя... – Девчонка шмыгнула носом.

– Угу... Ты иди, собери на стол, – не стал спорить Чума. – Я сейчас приду, – стук кольца по воротине прервал его на полуслове. – Ну кто там? Заходи! – вскинулся Фаддей, стряхивая с себя остаток морока.

Рыжую бороду, просунувшуюся во двор, невозможно было не узнать даже в кромешной тьме, а уж при свете луны тем более. За ним следом шел кто-то еще, но Лука Говорун разом заполнил собой весь двор.

– Здрав будь, хозяин! – по обычаю гость поздоровался первым. – Как ты тут, Фаддей? Бабы-дуры у колодца уже такого нарасказали! Их послушать, так хоть харч на поминки собирай да на погосте место присматривай! Каркают, вороны, пока клюв не прищемили...

Фаддей, хорошо знавший Луку и его способность безостановочно молоть языком по любому поводу, только вздохнул и приготовился выслушать очередную тираду рыжего десятника. Никуда не денешься, гостя прервать – вежество не соблюсти, да и не хотелось Чуме говорить самому; пусть уж гость к нужному ему делу сам подбирается. Но Лука, что было для него делом совсем невиданным, вдруг заткнулся на полуслове и с некоторым сомнением пригляделся к Фаддею: тот улыбался, слушая десятника, и улыбка у него получилась совсем непривычная, отрешенно-задумчивая.

– Э-э-э... Фаддей? – осторожно окликнул его Лука. – Ты чего это? Зверюга та тебе вроде не голову повредила? Ты чего как блажной, а?

– Да нет... – Фаддей на обидный намек рыжего десятника никак не среагировал, чем, кажется, поверг того в еще большее недоумение. – Хорошо все, Лука. А Зверюге дикой этой... – Чума бросил извиняющийся взгляд на тьму у амбара и добавил: – как ходить смогу, на погост обед несусь!

– А-а, вон оно чего... – что-то сообразил десятник. – Ну, тут тебе виднее, надо – так сходи. А я к тебе по делу... – поспешно свернул разговор на другое Говорун. – Ты, Фаддей, у нас лучший мечник после Аристарха, но он в походы давно не ходит, да и невестно ему – староста. Так что в сотне сейчас, что с одним мечом, что в обоеруком бою, равных тебе нет. Тут не просто умение – тут дар нужен, а он тебе от отца достался, я-то его хорошо помню: не последним рубакой был, мало кто против него мог устоять, вот и тебе от него передалось. Так ведь? Отпираться не станешь?

Скромностью Фаддей никогда не страдал, поэтому согласно кивнул, с удовольствием слушая, как величал его первый десятник Ратного.

– И правильно, – одобрил Лука. – Потому как глупо спорить с тем, что и так все знают. Ну а если ты не отпираешься, так тем более скажу: грех тебе жадничать и такой дар таить, умение надо молодым передавать – на них наша надежда. Тут и спорить не о чем, сам все понимаешь! – остановил он Фаддея, который спорить вовсе и не собирался. – Понимаю, что сыну своему передашь – кому ж еще, как не продолжателю рода? Так ведь один Веденя, как бы хорош не был, сам по себе без сотни и десятка много не навоюет. Если же подойти к этому делу с другой стороны, то и вся сотня, и каждый десяток сильны общим умением, правильно говорю?

Фаддей только кивнул, зная, что Лука в таких случаях ответа от собеседника и не ждет. А тот журчал дальше:

– Потому и взялись мы совместно с Лехой и Игнатом отроков с младых ногтей наставлять, как от прадедов заведено. Лучному бою, конечно, я их выучу, как в силу войдут, не последний в этом деле, сам знаешь, а вот мечному лучше тебя никто не способен! – надавил Лука, приняв легкую задумчивость Чумы за сомнение. – Не старосте же этим заниматься. Ты сам посуди: новиков у нас мало осталось, учеников набрали тоже не густо, стало быть, сотне придется воевать не числом, а умением. А откуда этому умению взяться, если сами не выучим, чему надо? Вот и выходит, что тебя это тоже касается, и не можешь ты в таком деле никак отказать, тем более, что и твой сын тоже в той учебе состоит. Согласен?

Фаддей продолжал смотреть на Луку с прежней блаженной улыбкой, напрочь вышибая этим из десятника всю уверенность. Никогда Говорун не видел Чуму таким, и от этого непонятного и удивительного явления заметно заерзал, но разговорчивости не утратил, продолжая убеждать. И о плате за науку помянул, и что со старостой уже все согласовано – тоже сказал. Под конец даже про Гребня вспомнил, про то, что сотня покойному ратнику своим существованием обязана – так хорошо тот в свое время выучил нынешнее поколение бойцов.

– Хватит, Лука! – Фаддей наконец очнулся и посерьезнел, снова становясь самим собой, к заметному облегчению рыжего десятника. – Я же не отказываюсь. Хотя наставник-то из меня... Но чего знаю, всему мальцов научу. Тут и разговора нет. Предкам укорить меня не за что будет. Только дай в себя прийти. Сам видишь – пока что не годен я мечом махать.

Фаддей слегка замялся, вздохнул и повинулся, чем снова едва не вверг своего собеседника в сомнения: уж очень несвойственно для Чумы было такое.

– И это... Лука... Ты уж сердца на меня не держи. Не со зла я тогда на тебя кинулся. В голове все кругом пошло. Как сына без памяти увидел, так словно ума решился! Вот отойду чуток, отдарюсь...

– Уф-ф, нашел в чем виниться! – Лука расцвел, словно получил дорогой подарок. – Это я у тебя прощения просить должен. Я наставник, значит, и вина моя, что недосмотрел. Ну да ладно, хватит старое поминать. Хотя... – усмехнулся он, – кое-что помянуть не помешает. Есть для тебя кой-чего... – он обернулся к воротам и гаркнул в темноту. – Евдоким! Ну чего там, как девка, жмешься?! Я, что ли, за тебя дядьку Фаддея просить буду? Подь сюда!

От ворот отделилась тень, оказавшаяся молодым родичем рыжего десятника – Евдокимом, которому по жребии достался Тот Самый Меч. И хоть все уже вроде пережилось, а после того, что случилось в Ратном, вообще должно было быльем порастить, но появление парня удовольствия Фаддею не доставило. Душа опять заныла по потере так, что аж кулаки сжались, словно снова он оказался на той окаянной дележке.

– Здрав будь, дядька Фаддей! – почтительно поклонился Евдоким, удерживая под мышкой какой-то сверток, и затараторил явно заготовленную заранее речь. Не иначе, Лука его и подучил: – Кланяться тебе пришел от всех родичей. Просить тебя хотим, чтобы поучил ты и нас, новиков, и молодых воев мечному бою... – видя не слишком приветливую физиономию Чумы, парень чуть помялся, но продолжил: – Нам бы еще и обоерукому бою поучиться, мало ли – пригодится когда, а в Ратном кроме тебя никого... – и, наконец, развернул холстину, выкладывая на руки обалдевшему Фаддею свою ношу. Запнулся, опять смешался и, наконец, выдал уже не по заученному, а от себя. – Вот, дядька Фаддей, прими в уплату за науку. Это только тебе к руке. Мне-то самому таким владеть не по силам и не по умению...

В руках Фаддея лежал ОН – Тот Самый Меч. Вычищенный так, что даже в темноте полированная поверхность лезвия отсвечивала слабым звездным сиянием. Чума заворуженно смотрел на него и почти не слышал, что продолжал говорить Евдоким:

– Оплетка там на рукояти подгнила, пришлось поменять, да ржу под ней подпилком почищать. А так все справно...

А Лука в это время как-то странно заглядывал за спину Фаддея. Чего он там увидел, ни Евдоким, ни сам хозяин заметить не успели: дверь открылась и на крыльцо выскочила Дуняша.

– Здрав будь, дядька Лука! Здрав будь, Евдоким... – девка хоть и тараторила так, что слова чуть не горохом из нее сыпались, однако поклонилась гостям земно – со всем уважением. – Мамка меня послала, велела от нее тоже кланяться и в дом звать. Чего на крыльце-то... Я и на стол собрала, – и пояснила уже для Луки. – Извиняйте, гости дорогие, матушка вас уважить сейчас сама никак не может – занедужила она.

– А-а, да! Лука, Евдоким... – очнулся и Чума, с трудом отрывая взгляд от клинка в своих руках. – Давайте в дом! Посидим. Там у меня медовуха...

– Да нет уж, – отказался Лука. – Такой денек выдался – какая уж тут медовуха! Видишь, и к тебе только к ночи поспел – и то Евдоким упросил. Мне бы только до печи сейчас добраться, а то завтра вся эта пляска с притопом, похоже, продолжится. Стар я стал, кости отдыха требуют, язык – и тот заплетается. Если бы не молодежь, так я бы к тебе со своим делом завтра зашел или еще позже. Значит, уговорились?

– Так мне не жалко! На меня это умение не само с неба упало. От отца и Гребня его получил, стало быть, и в себе держать невместно. Поучу, конечно, вот только в себя приду.

– Ну и ладно, – удовлетворенно хмыкнул Лука и покосился на родича. – Кланяйся, Кимка, наставнику, да пошли, что ли. А то я прямо здесь, на крыльце, спать устроюсь, – десятник и впрямь вымотался за последние дни.

Воротина хлопнула, и вновь во дворе все стихло. Слышно было, как Дуняша в доме собирает со стола ложки и миски. За спиной что-то шевельнулось, и забывшийся было Фаддей по привычке резко поднялся, соскакивая с верхней ступеньки. Поначалу он никого не увидел и чуть не отшатнулся, когда внезапно – как окошки в темноте открыли – на крыльце засветились желтые кошачьи глаза. Фаддей замер.

– Значит, и это ты? – начал было он, но кольцо на воротах опять стукнуло, вспугнув кота, и Зверюга растворился в темноте.

Вечер, похоже, обещал растянуться до утра – во двор уже входил новый гость.

– Здрав будь, хозяин! – Фаддей узнал своего десятника и облегченно выдохнул: хорошо, что Егор заглянул. И неважно, просто проведать зашел или по делу.

– Поднялся уже? Не рано? Настена чего говорит? Жить будешь?

Чума только махнул досадливо рукой – чего тут рассказывать, людей только смешить. Десятник по-свойски присел на крылечко, подождал, пока Фаддей устроится рядом с ним, с удовольствием вытянул ноги, поерзал, мостясь поудобнее, и, наконец, заговорил:

– Ты уж прости, Фадюха, коли чего не так скажу, но дело такое...

Егор начинал осторожно, словно не знал, как высказать то, что хотел, или раздумывал, что именно сказать, а что не стоит. Фаддей невольно насторожился, с подозрением приглядываясь к десятнику. А тот продолжал, все так же непонятно и тщательно выбирая слова, будто пробуя их на вкус.

– Сам все наши дела знаешь, так что объяснять тебе долго не придется. Кровью вроде на этот раз и не умылись, но и совсем без крови не обошлось. Хорошо еще, наш десяток в разъездах оказался, в свару никаким боком не попал.

– Угу. Сам проводил, сам и встретил, – прищурился Фаддей. – Только наоборот. Встретил и проводил с твоего же слова, а сам вот... Тьфу! – Чума от злости на себя вновь побагровел, хорошо, в темноте незаметно.

– Да брось! Забыл, как Корней от кабана улепетывал? Все Ратное тогда покатывалось, а кто сейчас это вспомнит? Такая оказия никому не заказана, потому плюнь. Плюнул уже? Ну еще разок. Разотри и забудь!

– Забудешь тут... – Фаддей только крикнул: разом напомнили о себе все синяки и шишки.

– А-а-а! Брось, говорю. Всем сейчас не до того, чтоб об твои драные яйца языки чесать! Они и так уже... Вылизаны, – не выдержав, заржал все-таки Егор. Но тут же, прервавшись, покрутил головой. – Вот же... Слова доброго ведь не стоит – не медведь там или волк, так – шапка, молью траченная, а какой урон нанес!

Фаддей непроизвольно дернулся, опасаясь, не обиделся бы учитель на такие слова десятника, но кот если и отирался где-то рядом, то никак на оскорбление не отреагировал. Егор, которому и в голову не пришло, с чего так вскинулся ратник, примирительно махнул рукой:

– Оно, конечно, бывает – вон, в прошлом году Николе кура глаз чуть не выклевала... А на пересуды бабы... Сам им не напомнишь, так уже завтра и не вспомнит никто.

Помолчали...

Егор готовился к непростому разговору со своим десятком, ему предстояло многое сказать ратникам. Он-то лучше прочих понимал: перемены, что происходят у них в селе, только начались, и коснутся они всей сотни. Вот и придется им вместе решать, как дальше жить. А, главное, по всему выходило, что их десяток, и так от прочих отличный, теперь и вовсе станет наособицу. Как-то они это примут – хотя бы тот же Фаддей? На него в бою всегда можно положиться, но вот как ему объяснить, что не всякий бой выигрывается только звоном мечей? А главное, что не все и не всегда можно сделать по законам воинской чести...

Не каждый мог это к душе принять, но кому-то приходилось и такое на себя взваливать. Десятку Егора именно такая доля выпала. Арсений, скажем, давно догадывался о многом, хотя всего и он не знал, а Фаддей? Уж больно прямодушен, да и Гребень воспитывал их в старых воинских традициях: хоть и хитер сам был, как лешак наговоренный, но различать подлость и воинскую хитрость научил. Все ли из того, что ратникам предстояло делать, одобрил бы их старый наставник? Егор пока и сам себе на это не ответил...

А Фаддей размышлял о том, что десятник весь день ноги не на гулянке бил, но все-таки зашел к нему, несмотря на поздний час, стало быть, дело у него нешуточное...

«Опять чего-то мудрит, редька едкая! Прошлый раз уже домудрился – весь десяток как ветром из Ратного выдуло, один я, дурак, так ничего и не понял... Нет бы предупредить сразу. А то пустил по узкой жердочке по-над топью с завязанными глазами, а я со всей дури и попер вразвалочку, словно по тракту. Хотя, так рассудить, это сколько бы всего ему пришлось мне растолковывать? Да и я бы прикидываться не смог – выдал бы и себя, и его. От большого ума бы выдал.

Ну так-то вроде обошлось, а сейчас чего? Ведь тоже не просто так посидеть пришел. Зачем?..»

– Тут вот чего... – наконец осторожно заговорил Егор. – Ты, пока я говорить буду, того... сердце в сторону... Выслушай, чего скажу, спроси, коли чего непонятно, а уж потом кулаки скатывай, договорились?

– Ты меня совсем уж за берсерка нурманского держишь? – и впрямь обиделся Чума. – Это когда я кому морду дуром расписывал? Ты уж говори, чего надо. А то кулаки, кулаки...

– А Пахома в прошлом году кто на крышу загнал? До сих пор лестницу под руками держит, боится, что тебя опять муха дурная тяпнет, – парировал десятник. – Про купца, которому ты о голову бочонок с его пойлом развалил, помнишь?

– Своих пусть травит! – взвился Фаддей. – И старосту в молитвах поминает, а то бы точно пришиб...

– Вот-вот! У тебя всегда все по делу, но сейчас разговор у меня с тобой немного... того... – Егор замялся. – Трудный, что ли?

– Да какой есть, такой и вали! – разозлился уже всерьез Фаддей: ну чего за душу тянет? – Уж для пары слов в голове завсегда уголок найду!

– Тогда вот что, – десятник вытянул из-за пазухи увесистый кожаный мешок и положил на колени Фаддею. Внутри что-то глухо брякнуло. Чума не раз слышал такой стук и не нуждался в объяснениях, что в том мешке.

– С чего это? – только и поинтересовался.

– Твоя доля... – пояснил десятник.

– Да? И с чего доля?

С какой стати десятник вдруг надумал серебром раздариваться, Фаддей не понимал и, хотя серебро лишним не бывает, насторожился: не всякий прибыток добром оборачивается, иной и бедой может аукнуться.

– За Кунье городище.

– Редька едкая! Так мы ж там не были!

– Вот именно за это и доля...

Фаддей задумался. Десятник не мешал.

– Угу... Стало быть, доля... – начал Чума. – Откуп, что в тот раз не пошли резать Корнея с мальцами, так?

– Совсем обалдел? – Егор даже сплюнул с досады. – Хрен бы кто тебя заставил своих резать, пусть и по приказу... Да еще сотника, да с мальцами!

– Тогда за что?!

– А за то, что у ворот ждал моего приказа и другим ту резню не дал устроить! Это тоже чего-то стоит, верно?

– Так я же тебя ждал! И не думал даже!.. Изругался весь, что вас никого нет – от всего десятка только я да новики...

– Мы все там рядом были.

– Ни хрена не пойму! Тогда почему?..

– Один с новиками, говоришь? – усмехнулся десятник. – Ежели бы Фома с Устином все-таки решились своих поднять, то ты с Арсением и новиками их бы с хвоста ухватил, а остальные со мной их впереди встретили! Мы у леса ждали, а Арсений под забором у Антипа, чтоб тебя за порты ухватить, коли сдуру рванешь за ними.

Снова замолчали. Фаддей обдумывал сказанное десятником, а тот, похоже, готовился долго убеждать ратника. Но, к его удивлению, Фаддей покрутил головой по сторонам, словно кого-то высматривал или ожидал чьего-то слова, затем решительно кивнул в темноту и сказал непонятно кому:

– Ну да... Коли так... Выходит, за всех мы там...

И только после этого обратился уже напрямую к десятнику:

– Так ты для того и ноги топтал через все село? Оно бы и завтра не убежало.

– Не убежало бы, – согласился Егор. – Только тут не в доле дело. Вернее сказать, не только в доле. Сила в Ратном сменилась. Нам теперь решать, под чью руку идти и как жить дальше...

– А чего тут неясного? Десяток – он десяток и есть... – Чума пожал плечами. – Сотник-то один остался. А нам и дальше вместе держаться. Мы всегда наособицу были.

– Вот именно, что десяток у нас не как прочие... Завтра ближе к полудню заходи к Арсению – о том и поговорим. Все наши там соберутся.

– Зайду... – Фаддей не стал больше ничего спрашивать. Хотел бы десятник – сам бы сказал, а выспрашивать... Не баба, чай. Что надо – завтра решится.

– Ну, тогда я домой... – удовлетворенно кивнул Егор. – Вот только подняться бы, а то задница к твоему крыльцу приросла. Ты его случайно не овчиной обил? Прямо вставать не хочется, – пошутил он, отрываясь все же от уютной ступеньки.

Ворота хлопнули, оставив Фаддея с тяжелым мешком серебра на коленях и совсем уж неподъемной громадой мыслей в голове.

Серебо особых раздумий не вызвало. Фаддей глянул и отложил его в сторону: три полновесные гривны и кучка каких-то побрякушек. Дуняша замуж пойдет – в самый раз пригодятся, да и гривны найдется, на что потратить.

А вот что со словами Егора делать? Понятно, что теперь или под Корнея идти, или из Ратного выметаться. Хотя и так они под сотником, но служба службе рознь. Одно дело в общем строю половцев рубить, другое – холопов кнутом охаживать. Вот второе Фаддею решительно не нравилось. Хоть и свои холопы имелись, и не раз их тумаками потчевал, но одно дело – ум вправлять да лень выколачивать, и совсем другое – последние соки из людей тянуть.

«Тьфу ты, редька едкая! Да кто ж мне такое предлагает?! Вот дурь в голову полезла. Егор вроде ни словом ни на что подобное не намекал, да и сам он не большой любитель плетью баловать.

А что тогда? Вот завтра у Арсения и узнаю».

Глава 6

Десятник Егор. Выбор

Утро выдалось без дождя, но небо обложила серая хмарь, словно и солнцу было не по душе то, что происходило посреди Ратного, у церкви. Десяток телег с родичами бунтовщиков тронулись к воротам, когда стоявший рядом с воеводой Аристарх спросил того – вроде тихо и не поворачивая головы, но достаточно громко, чтобы его услышал Егор, находившийся в паре шагов за их спинами:

– Так и отпустишь?

– Кхе... Шутишь, Репейка? Мне только кровников для полной радости не хватало. До Мишкиной головы и так охотников полно, ядрена-матрена! Хочешь не хочешь, а резать придется...

– Тогда поспешить надо. Если до Княжьего погоста доберутся, тогда только Федору кланяться.

– Нет, нельзя. Сам все сделаю... Народ немного разойдется, так с Андрюхой...

– Нет, Кирюха, нет... – Аристарх слегка качнул бородой. – Нельзя тебе. Ты не просто сотник, ты воевода Погорынский, боярин. Невместно. Не дай бог, прознает кто!

– Тогда кто? Ядрена-матрена! Кто резать возьмется, коли это мои кровники! – Корней вроде вскинулся, но сам на Аристарха смотрел с легким прищуром. А тот только головой кивнул:

– Первак, Кирюха, кто же еще? Ему по его прежним делам все одно деться от нас некуда, ему такое не впервой, да и по сердцу. И присмотрят за ним, чтобы не учудил чего и без зверства обошелся. Егор со своими и присмотрит, – добавил Аристарх, слегка кивнув в сторону десятника, которого до того вроде и не замечал.

Егор от такого поворота взмок. Хоть и понимал, что неспроста при нем такие разговоры вели, а все же... Корней с интересом и вроде как об отсутствующем поинтересовался:

– Ну да – ну да... Кхе... А пойдет?

– Так не самому ему кровь пускать. Глянет, чтоб следов не осталось, чтобы не помешал кто чужой да лишнего не углядел.

– Тогда сегодня до ночи надо выезжать. По крайности, завтра утром... – буркнул Корней.

– Сам знаю. Первака я после полудня верхом отправлю или ты сам?

– А вот посмотрю, какой он мне ответ даст, – сотник кивнул на Егора, – тогда и решу. А пока ждем – пошли ко мне, пиво вроде еще осталось, а нет, так сегодня и бражки не грех... – и, глянув напоследок на Егора, староста и сотник направились на подворье воеводы.

Егор давно понимал, к чему все идет, но то, что он сейчас услышал, обозначило край: дальше ни назад, ни в сторону не отступишь. Некуда!

Жили в Ратном две правды, и за каждой стояла своя сила. И каждая почитала себя единственной, все норовила развернуть в свою сторону. И разобраться, какая из них для сотни если и не во благо, то хотя бы не во вред, вот так сразу не получалось – у каждой свой резон и свои доводы. Есть ли для остальных сельчан разница, кто дальше под себя все подгребет? Егор одно знал – перемен так и так не миновать, но пока тут две эти силы друг с другом меряются – добра точно не жди.

Тем более что воины сотне служили, а не Корнею или Пимену. Если бы те положили людей в своих усобицах, то проредили бы десятки так, что не только в походы по князьему слову ходить, а и село от татей оборонять стало бы некому. Вот и делал Егор, что мог, лишь бы сотню, и без того обескровленную, совсем не угробить. Потому и старался держаться не то

чтоб совсем в стороне, но так, чтобы последнего слова не говорить, покуда сам не поймет, кто куда Ратное тащит, а главное, для чего?

До поры до времени у него это получалось: и те, и другие предпочитали Егоров десяток видеть если не рядом с собой, то хоть быть уверенными, что тот не вяжется в свару за противную сторону. Берег десятник Ратное своей правдой. Но выбор все одно пришлось делать.

А сегодня Корней ясно всем дал понять: теперь он – единственная правда в Ратном и он – единственное для него благо. Не сказать, чтобы Лисовины были для Егора лучшим возможным выбором, но голодному все равно, из чего щи хлебать – из горшка или из лаптя, были бы понаваристей.

Конечно, он мог и отказаться, неволить его ни Аристарх, ни Корней не стали бы, однако приходилось выбирать: или идти под Корнея – с надеждами на будущее, или оставаться рядовым десятником с неполным десятком. И не только за себя решать – за десяток.

Не простой разговор его ждал, и нелегкий выбор предстоял его ратникам: такое доверие старосты и сотника дорого стоит. И платить за него им придется полной мерой. А главное – пути назад уже не будет до самой смерти. Ни десятку из-под воеводы, ни им самим – из десятка.

И так в последнее время воинская удача обходила их стороной. Фаддей, прямая душа, хоть и ворчал, но слову никогда не изменял и не изменит, а вот что может учудить Арсений, Егор понятия не имел. Предательства, конечно, и от него не стоило ждать, но уж больно голова у Сюхи хитроумная, всегда он умудрялся извернуться так, чтобы выгоду для себя поиметь. Покуда сам Егор из десятников не ушел, Арсений, конечно, и не подумал бы его оттирать, но стоит в сторону отойти, как он запросто с Аристархом договорится.

Да и не требовал от них Корней чего-то непотребного: только проследить за дорогой да держать язык за зубами. Сам десятник на его месте решил бы точно так же, хоть и не к душе это решение, но нет другого выхода, как ни крути. Даже если бы дурная баба повинулась да покаялась, вряд ли бы сотник отпустил их с миром. А уж когда она Лисовинов при всех своими кровниками объявила, то сама своим детям судьбу выбрала! Одно утешало: ту малышню, что он успел спасти из дома Устина, родня разобрала – все меньше невинной крови прольется.

Да и не в одних Лисовинах дело. Егор прекрасно понимал, что теперь на Корнее держался не только его род, но и все Ратное, вся сотня. И выходило, что его кровники грозили бедой всему селу.

Десятник зло сплюнул и решительно зашагал прочь от церкви: чего тут еще думать? Времени на подготовку оставалось немного, и дорога до дома Арсения, где опять собрался его десяток, недалеко, но пока дошел, успел вспомнить чуть не всю свою жизнь после возвращения...

* * *

А ведь несколько лет назад Егор возвращался из варяжской дружины совсем с другими мыслями. Вез родителям весть о гибели братьев, тяжелый кошель да нагруженные телеги, которыми правили холопы.

Воинская жизнь, тем более на море, от пустых мечтаний излечивает быстро. Вот и тогда по дороге он не мечтал, а прикидывал, что и как ему придется сделать, чтобы побыстрее вернуться в море. И душой к нему прикипел, и добычу оно порой дарит не в пример богаче, чем на реках, не говоря уж о лесных весях. Егор часто вспоминал тот иноземный когг, который захватила варяжская дружина, куда попали они с братьями. Одного янтаря хватило бы, чтобы всех в Ратном сделать не бедней Аристарха. А восточного шелка сколько, да прочих тканей?! Серебра с золотом на том корабле тоже хватало.

Только вот сам Егор тогда отработывал долг, которого у него не было, и доли ему не полагалось. Может, потому и запала ему в душу мысль о ладейном десятке для сотни, хотя в то

время он и не надеялся вернуться домой. Разное в дороге передумал, прикидывал и так, и этак, выискивая изъязны в своих планах, но по всему выходило, что ничего неподъемного в них нет.

Но жизнь частенько поворачивает по-своему. Мало того, что домой вернулся лишь один из трех братьев, так еще и прежней сотни он не нашел: новиков едва хватало, чтобы кое-как залатать дыры в десятках, не то что в ладейную дружину верстать. Со старейшинами и десятниками про такое и заикаться не стоило – порвали бы на куски и самого Егора, и тех, кто на его посулы соблазнился.

В общем, оглядевшись как следует в Ратном, Егор и сам понял, что его замысел так навсегда и останется несбыточной мечтой. А уж когда лучшие ратники полегли в том проклятом бою на переправе, он и вовсе засунул подальше свои хотения, подчинился насущным заботам. За глаза ему хватило того, что один раз пошел с братьями наперекор всему – погнались за несбыточным и расплатились дорогой ценой. Научило это на всю жизнь – не обломало и не погасило упрямого стремления вперед, но заставило соизмерять силы и хотеть того, что возможно.

А может, его мечты и желания, подчиняясь необходимости, стали меняться, когда приключилась беда с женой? Ведь именно это заставило его круто поменять свою жизнь, забыть про морские походы и вернуться в родное село. Не приученный обманывать самого себя, Егор прекрасно понимал, что мечтами о ладейной рати, которую он хотел создать в Ратном, он всего лишь утешался время от времени, чтобы не так тяжело было вырывать из души полюбившееся на всю жизнь море. Порой себе удивлялся: и не своей волей туда попал, и сколько лет бился, пока не вырвался, и домой тянуло, а вот поди ж ты! Сам не заметил, когда это случилось, и не мог объяснить, что его так взяло в этой трудной и опасной жизни, почему до стога и зубовного скрежета тянуло снова и снова оказаться хоть на один поход, хоть на седмицу, хоть на один день вместе с надежной дружиной на ладье – совсем небольшой в огромном просторе, но такой надежной в крепких руках и при умной голове, и опять испытать это ни с чем не сравнимое и нигде более не испытанное счастье родства с морем.

В один из вечеров, когда Егор устал за день так, будто греб против ветра в полную силу, с привычной безнадежностью в очередной раз убеждая себя, что надо наконец забыть прошлое и все свои нелепые надежды и просто жить – здесь и сейчас, к нему неожиданно заглянул староста. Принес медовухи, бабы захлопотали, собирая на стол – слава богу, семья не бедствовала, и затихли на своей половине, оставив мужчин говорить о своем. Отец, тогда еще живой, как раз оказался где-то в отъезде; похоже, Аристарх нарочно так подгадал, чтобы побеседовать с Егором один на один. И разговор у них получился очень занятный.

– Вот гляжу я на тебя, Егор, – Аристарх себе больше наливал, чем пил, но следил, чтобы собеседник не оставлял без внимания свою кружку.

– Что ж во мне такого занятого, чтоб рассматривать? – пожал Егор плечами. – Вроде не девка.

– Да уж, не похож, – хохотнул староста. – Да и девок... Чего там в мои годы рассматривать? А то я их не нагладелся. А ты у нас муж зрелый, хоть воинскую славу добыл и не в сотне, однако же Ратное тебе не чужое. И ты Ратному не чужой, потому и приняли тебя обратно. Я только одного никак не пойму: Ратное тебя вроде бы приняло, а вот ты его?

– Что я? – растерялся от такого поворота Егор.

– Ты Ратное признал? Вернулся? – Аристарх смотрел пристально, и Егор понял, что шутки кончились: староста говорил о том, за чем пришел. – Я же помню, как вас с братьями вечно на сторону тянуло...

– Да ты что, Аристарх? – подобрался в ответ Егор и начал подниматься из-за стола. – Ты меня братьями попрекнуть решил?

– Тьфу, едрен дрищ! Сядь, дурья башка, кому сказал! – староста так зыркнул, что Егор невольно опустил на скамью. – Никто тебя за братьев не винит! А то я не знаю, что такое

воинская судьба: с какой стороны лихоманку ни жди, а не убережешься. Жаль, конечно, хорошие ратники из них вышли бы, да теперь только и остается, что помянуть их добром.

Не водилось до сих пор за Аристархом привычки заходить к ратникам просто так, бражки откушать, и пусть никаких грехов Егор за собой не помнил, ему стало как-то не по себе, хотя виду постарался не подавать. К тому же если бы староста решил, что в Егоре есть хоть малейшая угроза общине, не стал бы он с ним разговоры вести. А Аристарх продолжал:

– Ты уже не отрок сопливый, сам должен понимать, что нынче от прежней ратнинской сотни только память осталась. Как колода трухлявая: стоит, вроде и с места ее не сдвинешь, а ткни – развалится. Вот и нам только тычка недостает, чтобы это всем очевидно стало. Это тебе хорошо заметно, от чего ушел и к чему вернулся, а для других изменения не видны, ибо происходят рядом, постепенно и понемногу. Ты это понял, но тоже молчишь – и правильно делаешь, потому как не все способны принять правду. Так?

Егор молча пожал плечами, а Аристарх продолжал:

– Так! Все так, Егор. Думаешь, мы этого не видим? Все видим! И, что можем, с Кирюхой делаем, да вот успеем ли... Только толчка под горку не хватает, чтобы покатилося все так, что не остановить. И ведь покатится, непременно рано или поздно покатится, а потом сотне из-под той горки выкарабкиваться до-олго придется. А с кем? Как Гребень умер, так отроков и перестали толком учить. В слободу молодых на учение отдавать тем более отказываются, давно уже... да и сколько их у нас... Сам видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.